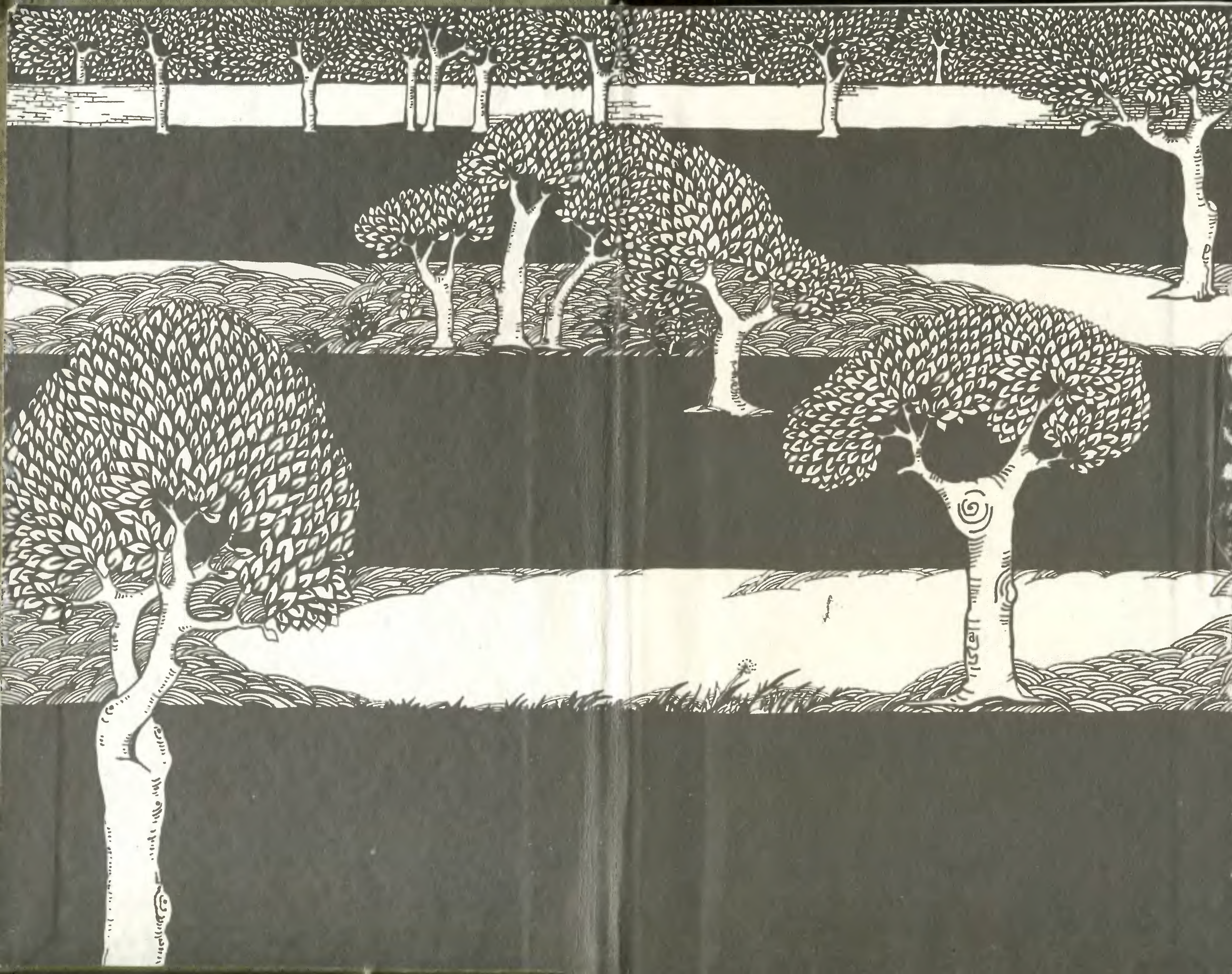
След в Истории



Серия «След в истории»

АРТУР — КОРОЛЬ ЗАПАДА

Р. Д. ДАННИНГ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
1997

ББК 86.36
Д18

Перевод с английского *Смирнова А. Ю.*

Р. У. ДАННИНГ
Д18 **АРТУР — КОРОЛЬ ЗАПАДА.**
Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. — 320 с.

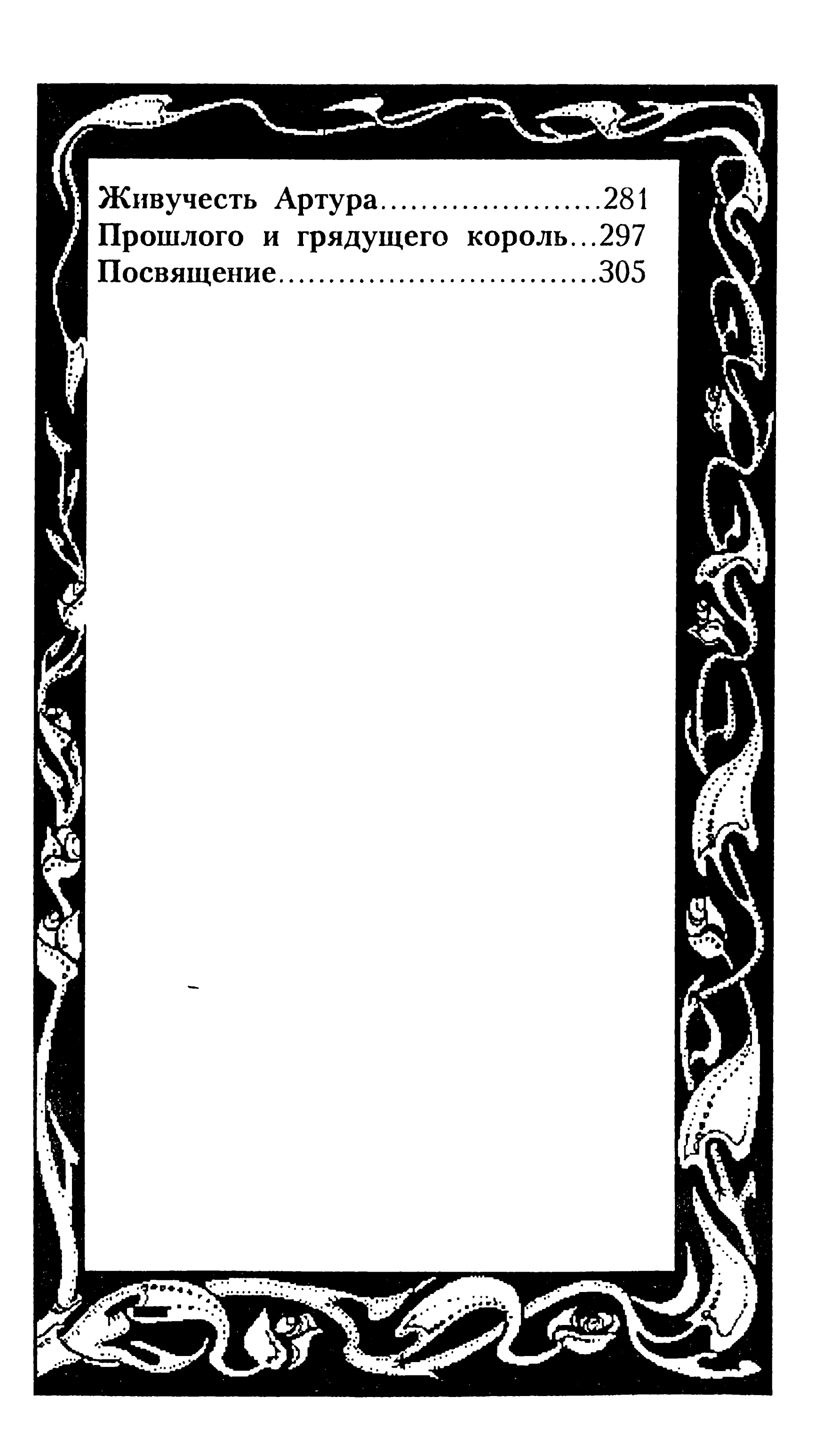
История о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола не только популярна, но и противоречива. Она привлекает скульпторов и художников, поэтов и сказочников, писателей и издателей, философов и ученых.

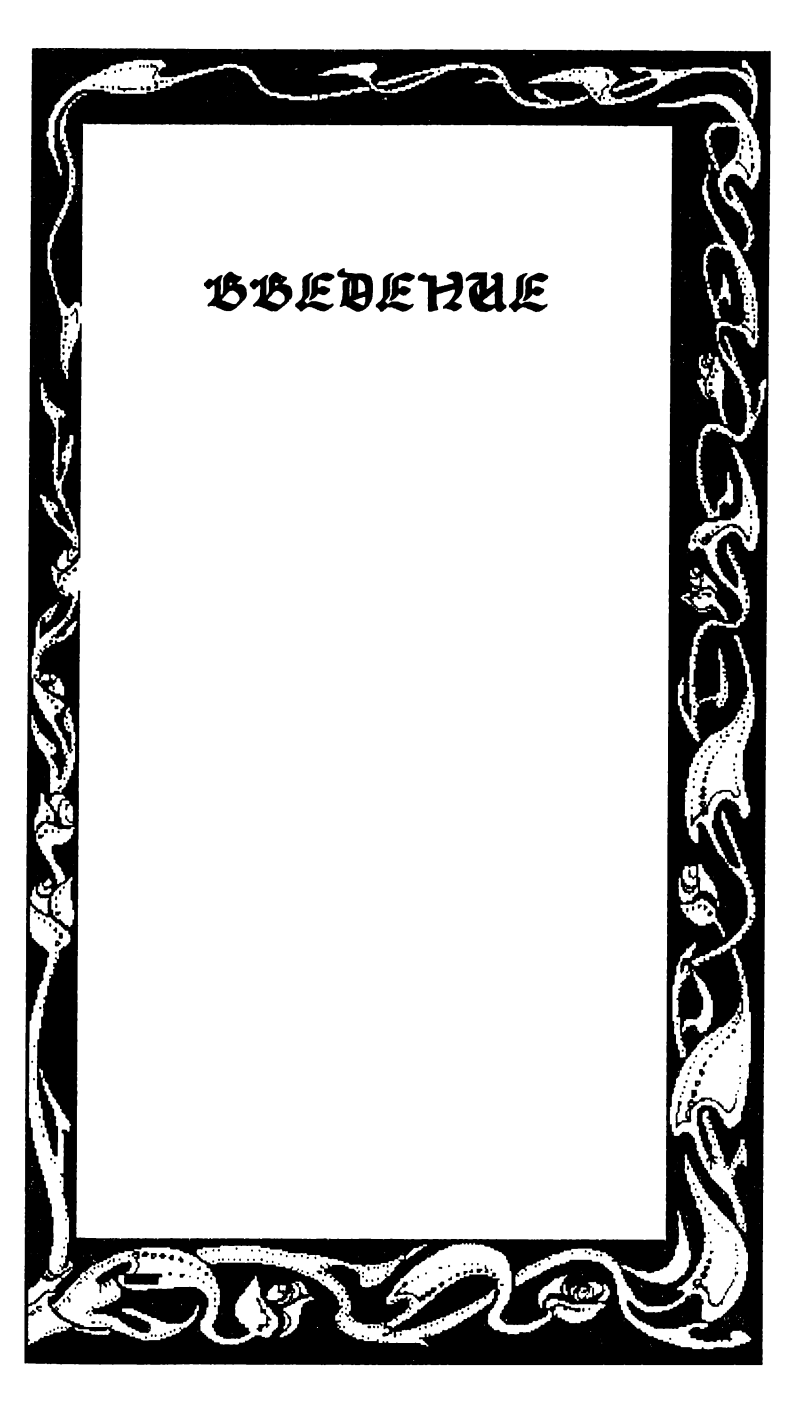
Книга Р. У. Даннинга уводит читателей в таинственные времена, прослеживая возраст следов легенды и связи ее с этой западной страной, сводя вместе археологию, ранние и сравнительно поздние источники, традиции и миф.

ISBN 5-222-00081-8 **ББК 86.36**

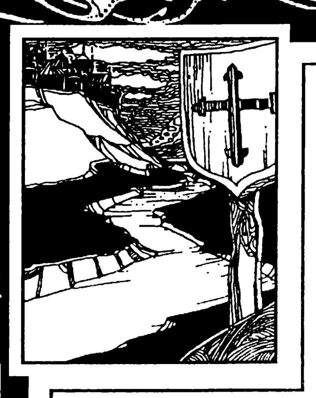
Впервые опубликовано на английском языке Alan Sutton Publishing, Ltd под названием Artur: The King in the West
© R. W. Dunning, 1988
Автор заявляет свое моральное право на авторство
© Перевод: Смирнов А. Ю., 1997.
© Оформление: издательство «Феникс», 1997.

Содержание



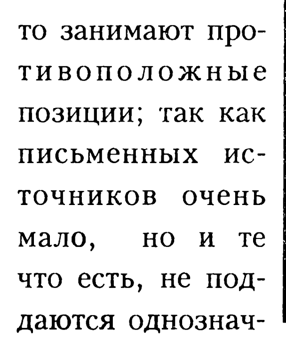


ВВЕДЕНИЕ



История о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола обладает удивительным очарованием. Она привлекает скульпторов и художников, поэтов и сказочников, писателей и издателей, музыкантов и драматургов, философов и ученых. Рожденная в мире кельтов, она воспевалась и в средневековых романах Франции и Италии, и в рассказах тевтонов Северной Европы. Она явилась причиной возрождения готики в Англии XIX века. И сейчас она популярна в Калифорнии не менее, чем в Западной Европе.

Эта история не только популярна, но и весьма противоречива. В отношении ее центральной фигуры, короля Артура, историки час-

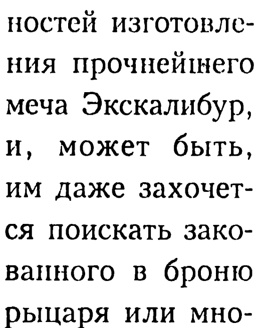


то занимают противоположные позиции; так как письменных источников очень мало, но и те что есть, не поддаются однозначной интерпретации. Археологи склоняются к тому, чтобы не переоценивать значения предметов из Темных веков. То же самое относится и к легендам, чей возраст зачастую неизвестен, чье значение нередко не определено, и достоверность которых обычными методами установить невозможно.

Однако по причине своей популярности, история весьма страдает и от чрезмерного упрощения. На несложный вопрос: «А был ли король Артур на самом деле?» — никто не может дать определенного ответа. Эта история так же зна-

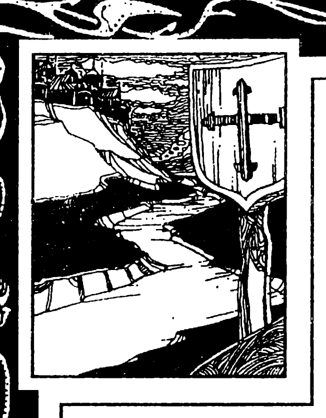
чительна, как и сложна. Ее важность в том, что мы имеем идеал рыцарства, на котором воспитывались целые поколения и который так сильно повлиял на наш социальный кодекс. Круглый Стол Генриха III в Винчестере, личный интерес Эдварда I к Артуру, Орден Подвязки Эдварда III, строительство величественных Церкви Святого Георга и Виндзора Эдвардом IV — все это последствия существования предания о короле Артуре.

Эта повесть сложна и потому, что она содержит в себе некоторые элементы, восходящие к кельтской языческой мифологии. И современный кузнец, и металлург прекрасно поймут и оценят важность знания практических подроб-



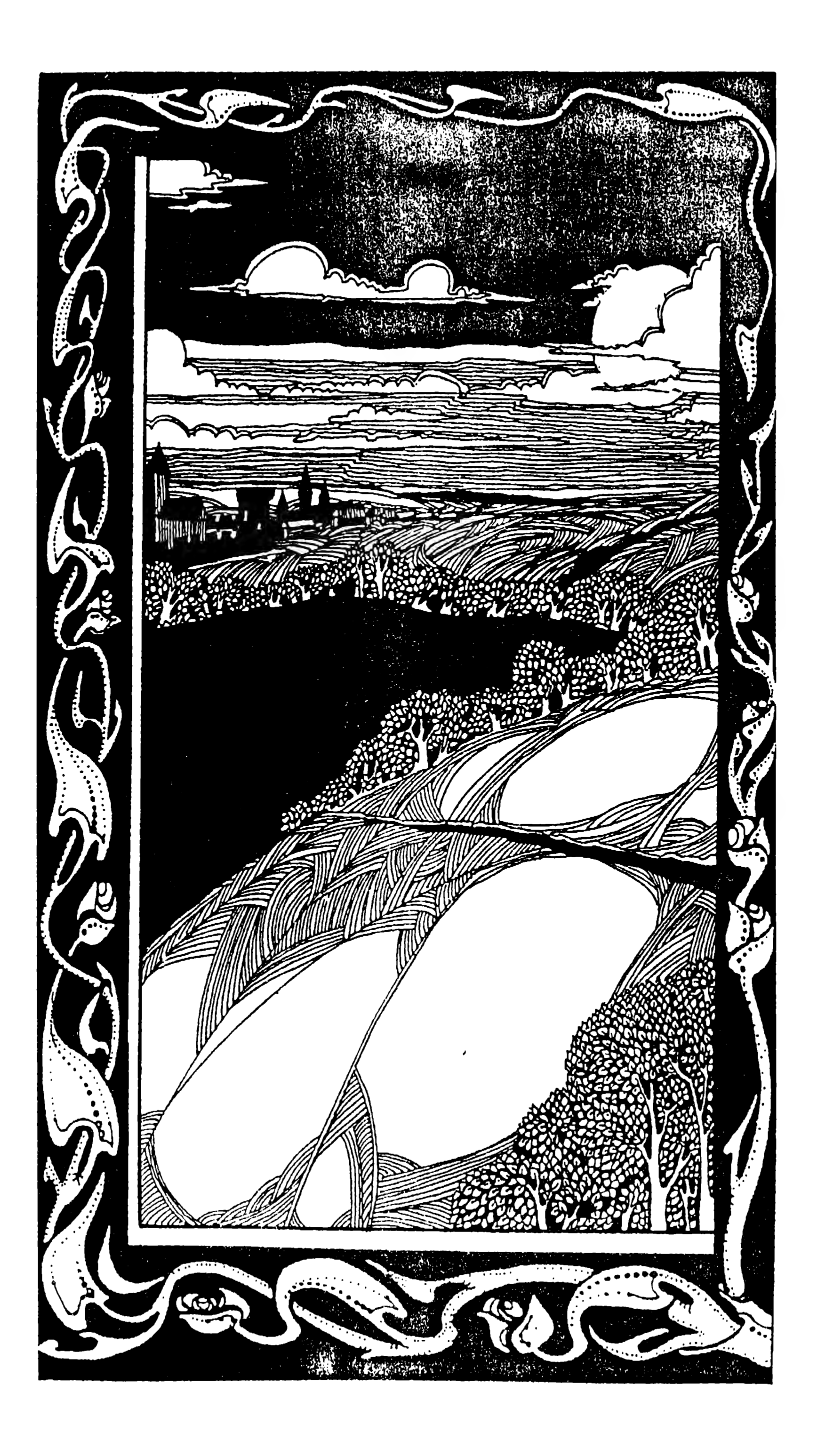
ностей изготовления прочнейшего меча Экскалибур, и, может быть, им даже захочется поискать закованного в броню рыцаря или многобашенный Камелот на средневековом ландшафте, хотя это и бесполезная затея.

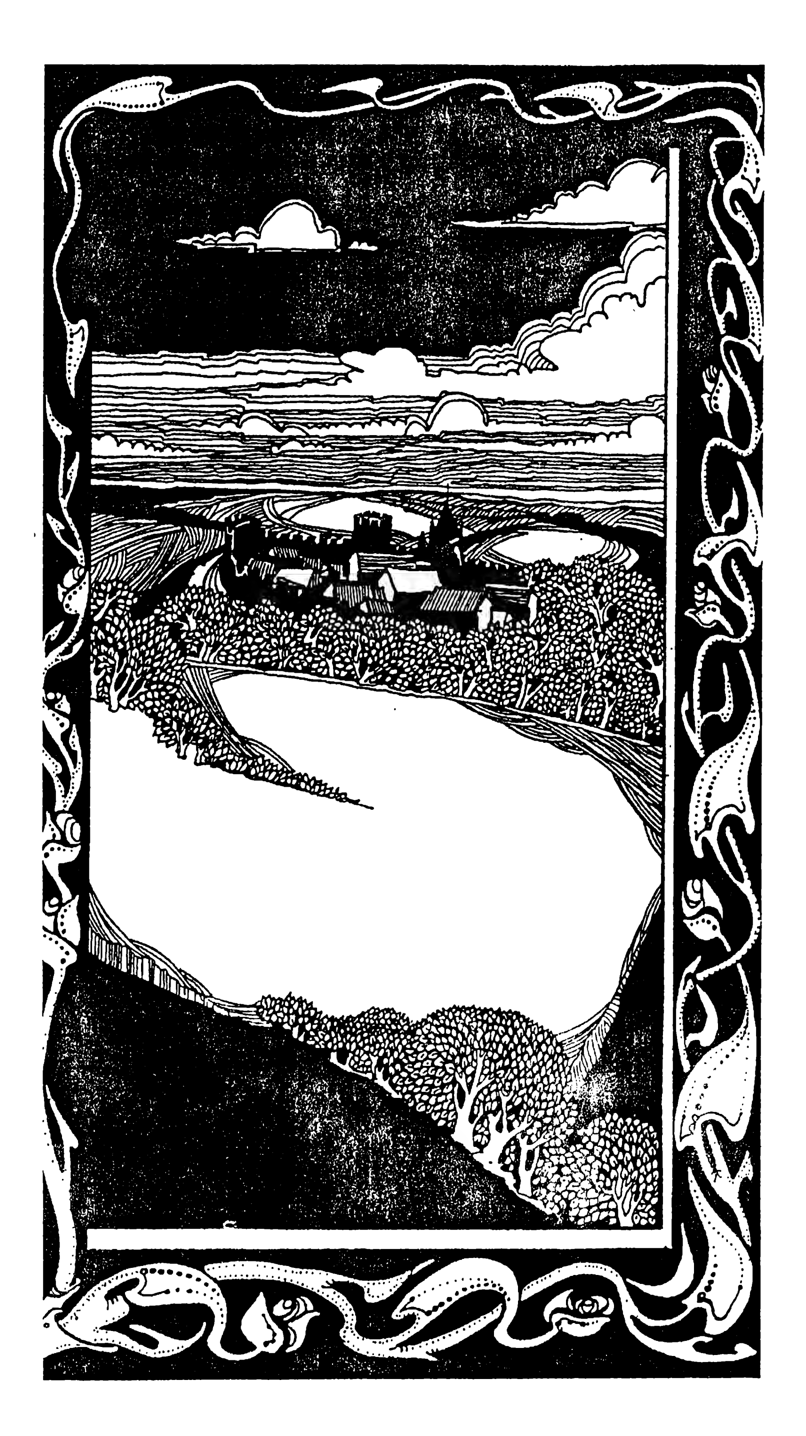
Однако на западе Англии действительно есть такой ландшафт, и там находится крепость соответствующей мощи. Легенды, вероятно созданные владельцами крепости, чьи политические традиции во время войны Алой и Белой Роз оставались националистическими, повествуют, что в конце средних веков эту крепость называли Камелот. Современные археологи считают, что это место было заново заселено и укреплено военным



лидером, располагавшим достаточными военными силами и финансами. Эти сведения не являются «доказательством» существования Артура, но ясно показывают важность легенды и при использовании ее в качестве средства для политических спекуляций, и в качестве руководства для археологов. В этой книге рассказано о том, как легендарный король Артур попал в Западную страну, и о подтасовках фактов из его жизни.

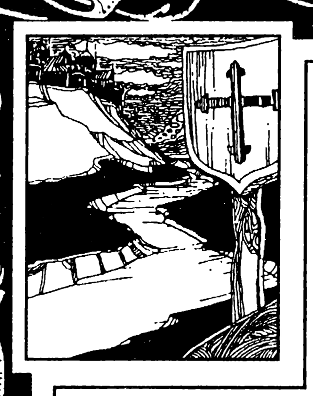
Некоторые элементы этой легенды изначально связаны с Корнуэллом. Уэлльсские барды не сомневались, что «столица» Артура находилась в Келливике, в местах где более поздние писатели





расположили Тинтагиль и Камланн; в средние века роль Сомерсета трудно переоценить, но «сомерсетский» Артур был придуман в 12 веке с явно политическими целями. Ирония же заключается еще и в том, что «владение» уэлльсскими писателями Артуром столько времени никто не оспаривал.

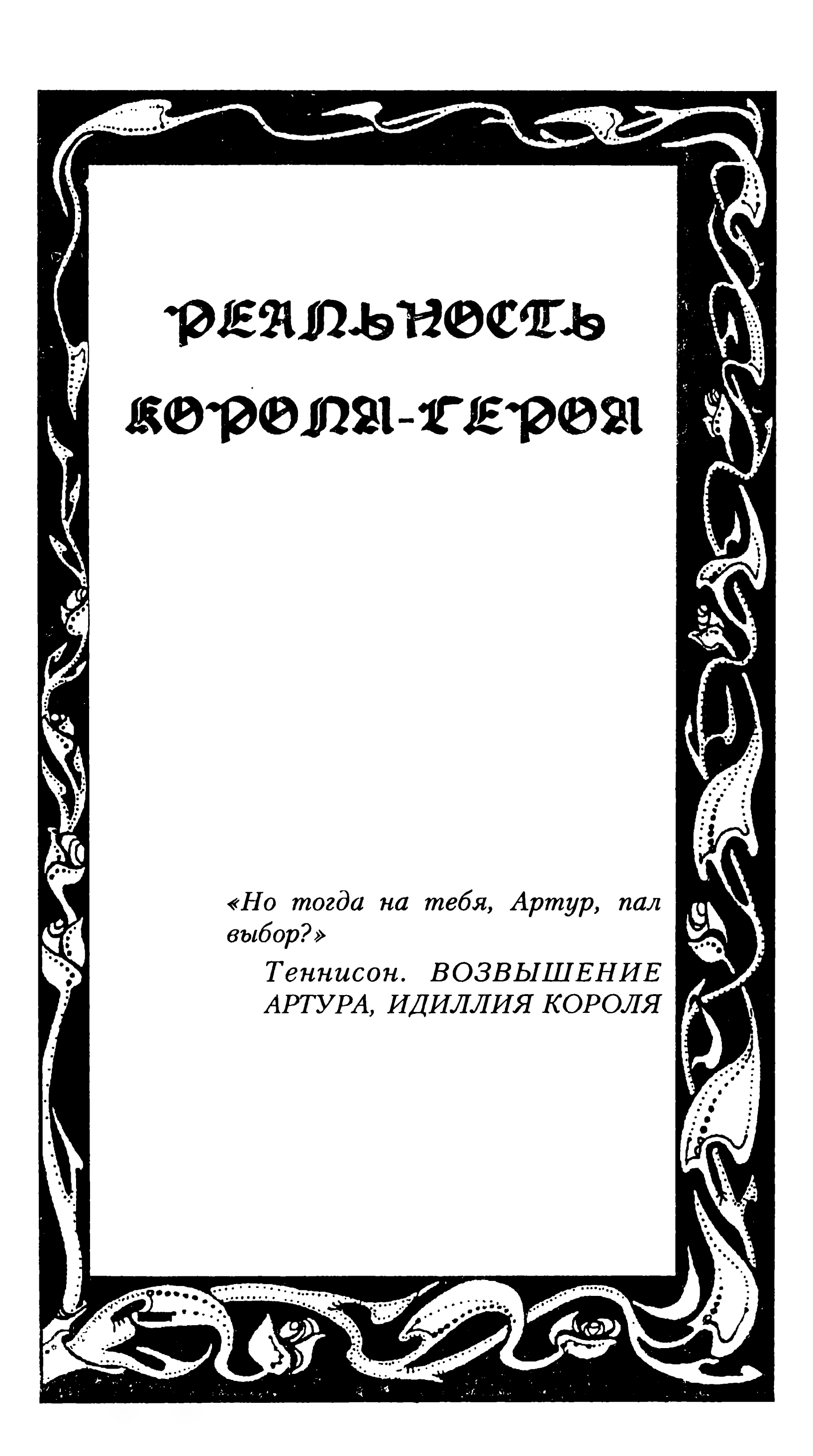
В общем, это попытка с серьезными целями проследить все «когда и как» широко известной истории, заполненной загадками и фантазией. Смотреть на это, как на все больше разрастающуюся ложь, значит ошибаться в эпохе и людях, поскольку основание Аббатства Гластонбери сыграло неоспоримую роль в становлении христианства в



Англии; и там, где другие монастыри для привлечения людей использовали святых, Гластонбери окончательно и удачно избрало образ популярного героя и связало его с тайной Грааля. Это было сильное сочетание, и оно удерживало аббатство во главе монастырей Англии вплоть до Реформации, да и поныне позволяет находиться ему в разряде известных центров паломничества пилигримов всех религий и атеистов.

Однако гостей, даже в смутные времена перед англиканской Реформацией 1539 года, привлекали не только владения Гластонбери — аббатство, Тор, Вэриел Хилл и Бекери. Его главный конкурент — Уэльс — создал историю о жизни

Артура на землях, примыкающих к Кэрхэмптону в западном Сомерсете, а отсюда следует, что замок Артура находился поблизости, возможно в Данстере. Брент Нолл, аванпост Гластонбери, тоже богат неизбежными рассказами о великанах и храбрых рыцарях из замка Артура. Может быть, Камелот располагался не на юге? Или это выдумка одного из друзей сэра Томаса Мэлори? Дальше на запад находятся Тинтагиль и Камланн, начало и конец истории об Артуре. Западная Англия — это сокровищница для тех, кто ищет короля Прошлого и Грядущего; а таинственные же сырые болота Сомерсета многим представляются островом Авалоном.



РЕАЛЬНОСТЬ КОРОЛЯ-ГЕРОЯ

«Но тогда на тебя, Артур, пал выбор?»

Теннисон. ВОЗВЫШЕНИЕ АРТУРА, ИДИЛЛИЯ КОРОЛЯ

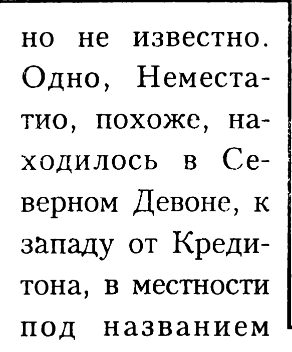
Юго-западная Британия, земли племен Добанн, Доротридж и Дамнон некогда составляли важную часть римской провинции Британия, заметную долю Римской империи. Мендипский свинец и серебро, а также олово из Корнуэлла являлись солидным вкладом в сокровищницу Империи, а целебные свойства вод Аква Салис (Бат) были известны далеко за пределами британских берегов. Зерно выращивалось и хранилось в районе скопления больших вилл в центре Сомерсета, откуда его отправляли на рынки городов и в гарнизоны. Этих мест вдоль великой Старой Дороги и ее окрестностей достигали преимущества римской цивилизации:

военная защита, правительство, доставка редких и экзотических товаров из страны Галлов и Средиземноморья.

Римское правление, по сути, являлось лишь внешним блеском. Местные жители были плотно связаны с землей; некоторые добавляли к своим старым именам римские, например, Салис Минерва в Бате, занимались своей традиционной работой и ремеслами, торговлей и искусствами. Способ их жизни и труда так же был далек от тогдашних социальных образцов, как и места их жительства от тех областей, которые считались цивилизованными.

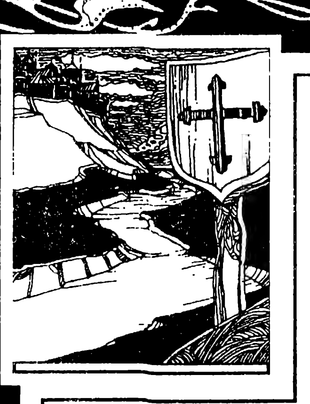
Однако влияние Империи преобладало: товары Империи все

видели и все ими пользовались. Римские монеты и керамику находят даже на побережье Корнуэлла, что означает проникновение туда римской торговли и культуры. Однако другие признаки Рима стали чуждыми для дальнего запада Британии. Во втором столетии было всего шесть значительных поселений (даже не городов) во всей стране к западу от Бата, и ни одного на западе, дальше легионного лагеря Иска Думнониорум (Эксетер). Во времена позднего Рима здесь существовало всего четыре значительных места, помимо Эксетера, однако до нынешних дней не сохранилось ни одного из них, даже в виде деревни, и теперь место их расположения точ-



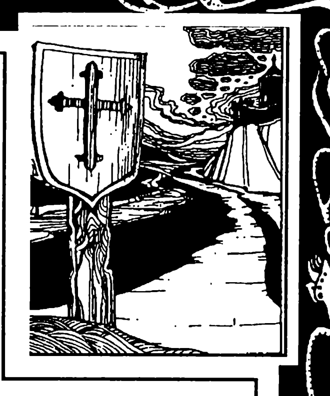
но не известно. Одно, Неместатио, похоже, находилось в Северном Девоне, к западу от Кредитона, в местности под названием Наймет. Девентистено находился где-то в Южном Девоне, Тамарис — возле Тамара, а Дурокорнавис — в районе нагорья Рамп в Северном Корнуэлле.

Дальше к востоку были обнаружены некоторые из покинутых поселений, традиционно расположенные на вершинах холмов. Крепости клана Доротридж — Ход Хилл и Мэйден Кастл в Дорсете, очевидно, были атакованы и разрушены Вторым легионом Августа, под командованием Веспасиана в 44 году нашей эры, однако два других оплота — Кэдбери и



Хэм Хилл в Сомерсете остались неповрежденными.

Жизнь в Кэдбери продолжалась, как и прежде, хотя за пределы границ, определенных мирным соглашением с Римом, мало кто отваживался выезжать. Началось заселение места у подножия холма, которое впоследствии превратилось в деревню Южный Кэдбери. А на вершине холма процветала торговля: дорогу наверх замостили, торговали заморскими ювелирными изделиями и кухонной утварью, заново была отстроена и посещалась часовня. Однако два поколения спустя произошли другие, более серьезные события. Вероятно, римские правители потребовали, чтобы от их



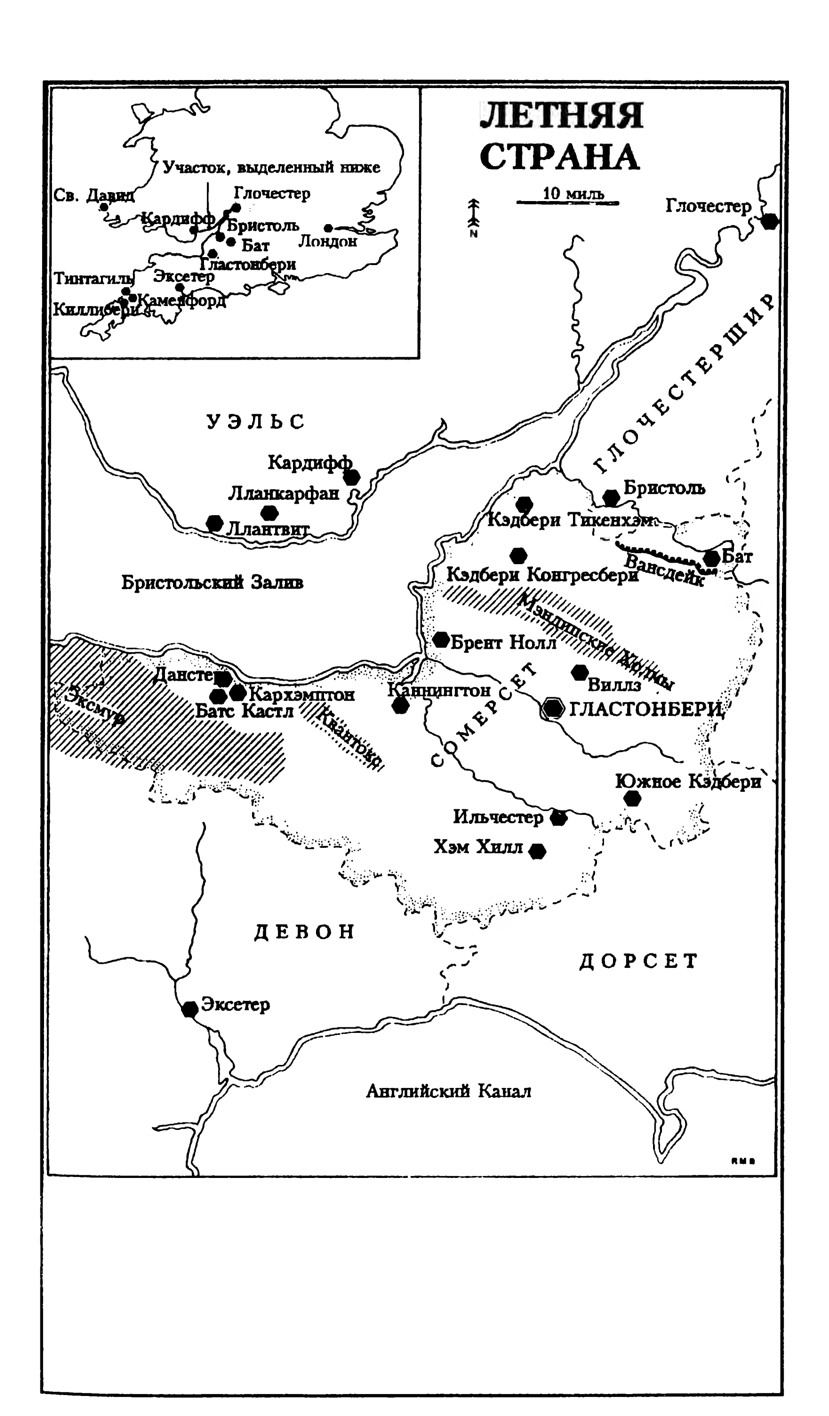
родовой крепости было удалено местное население, а когда люди попытались воспротивиться этому, укрепив вал и забаррикадировав юго-западные ворота, за дело взялись войска. Защитников ворот перебили и оставили лежать там, где они упали, а оставшихся в живых переселили в низины у Кэтсгора или Ильчестера. Укрепления Кэдбери были разрушены, и на два столетия здесь воцарился дух запустения.

В условиях мира, созданного Римской империей, торговцы все дальше проникали на юго-запад, налаживая дороги вдоль северной границы Дартмура и вдоль Корнуэлльского хребта для разведки и освоения его минеральных запасов.

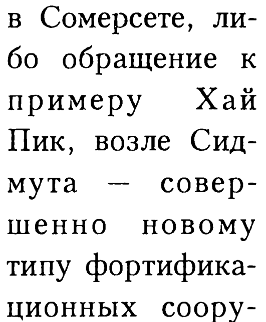
Они основывали речные порты в Сомерсете: Ильчестер, Крандон и Комбвич; Иск же можно было снабжать и морем, и по земле. Римская технология помогла осушить сомерсетские болота в окрестностях Брент Нолла и возле Чеддера, обезопасив таким образом низинные пастбища вокруг Яттона, каменоломни в Дэндри и Хэм Хилле, железные рудники Брендона. Там же изготовляли оловянную и даже стеклянную посуду.

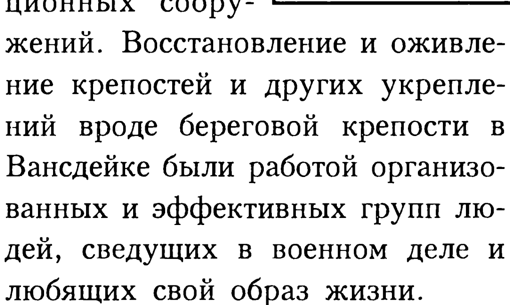
КОНЕЦ ИМПЕРИИ

Знаменитое письмо императора Гонориса в 410 году, фактически снимавшее защиту Римской армии, для Британии не означало


ЛЕТНЯЯ СТРАНА
10 миль
N
Участок, выделенный ниже
Св. Давид
Глочестер
Кардифф
Бристоль
Бат
Лондон
Гластонбери
Тинтагиль
Эксетер
Камелфорд
Киллибери
Глочестер
ГЛОЧЕСТЕРШИР
УЭЛЬС
Кардифф
Лланкарфан
Ллантвит
Бристоль
Кэдбери Тикенхэм
Бат
Вансдейк
Кэдбери Конгресбери
Бристольский Залив
Мэндипские Холмы
Брент Нолл
Данстер
Кархэмптон
Батс Кастл
Эксмур
Кантокс
Каннингтон
СОМЕРСЕТ
Виллз
ГЛАСТОНБЕРИ
Южное Кэдбери
Ильчестер
Хэм Хилл
ДЕВОН
ДОРСЕТ
Эксетер
Английский Канал

внезапного конца цивилизации. Подразделения Римской армии на практике были сняты узурпатором Максимом Магнусом еще в 383 году. Сельские поселения типа Третерджи в Корнуэлле и маленькие городки типа Ильчестера оставались заселенными, однако часть населения Иска вернулась к сельскому хозяйству, и к 400 году часть окруженного стенами города превратилась в кладбище. Дренажная система купален в Бате засорилась, и местность начала заболачиваться. Однако страна продолжала нуждаться в защите, и ответом на это могли стать либо возврат к древним крепостям на вершинах холмов, как Чан Кастл в Корнуэлле и Южный Кэдбери



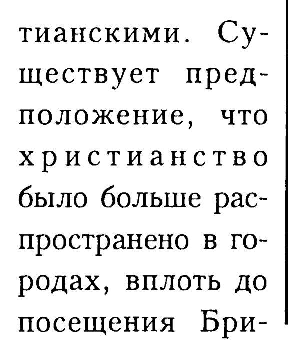


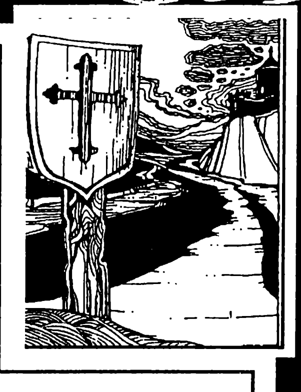
в Сомерсете, либо обращение к примеру Хай Пик, возле Сидмута — совершенно новому типу фортификационных сооружений. Восстановление и оживление крепостей и других укреплений вроде береговой крепости в Вансдейке были работой организованных и эффективных групп людей, сведущих в военном деле и любящих свой образ жизни.

Одной из характерных черт этого образа жизни, усердно разыскиваемых археологами, было применение керамики, привезенной из Восточного Средиземноморья. Другим, наверное более важным, обстоятельством являлось то, что жители были христианами. Традиции юго-западной Британии густо про-

низаны влиянием деятельности множества миссионеров — мужчин и женщин из Уэльса, Ирландии и Бретани. Существуют также слабые следы Римского христианства в V веке на территории западного Сомерсета, Северного Девона и Корнуэлла.

Так, святой Альбан был казнен за веру в 209 году, а уже столетие спустя Британскую Церковь на Вселенском Соборе представляли четыре епископа. Часовня в Хенли Вуд неподалеку от Конгресбери в Сомерсете, возможно, была разрушена христианами, а более поздние, конца IV века, постройки часовен в Брин Дауне и Ламиатт Беконе, всего в нескольких милях оттуда, являлись хрис-





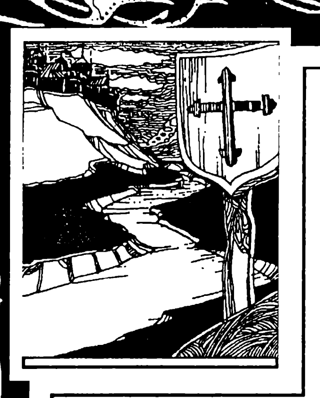
тианскими. Существует предположение, что христианство было больше распространено в городах, вплоть до посещения Британии в 396 году по приглашению нескольких британских епископов Витрисием, епископом Руана.

Витрисий принес с собой и успешно распространял опасные доктрины Амброзия и Мартина, он проповедовал почитание мучеников, пострадавших от несправедливых властителей, поощрял отречение монахов от мирской жизни, проповедовал и крестьянам, и варварам. Успех не заставил себя ждать. На месте мученической смерти св. Альбана основали часовню, в Кентербери была построена церковь св. Мартина, «хотя

© Р. У. Даннинг

римляне еще жили в Британии»; Ниниан, ученик Витрисия, проповедовал среди варваров на Севере и построил в Гэллоуэй еще одну церковь во имя св. Мартина. Это было время сельской Церкви, приобретающей власть и силу.

Около 540 года средних лет мужчина с Севера, возможно, из Ланкашира либо с родины Ниниана — Пограничья, написал знаменитую проповедь. Его звали Гильдас, и в юности он учился у человека, имевшего классическое образование. Он писал для собственной аудитории, для людей, способных понять его язык, его учение, а также вспомнить, как они жили во времена своего детства.



Ученые до сих пор не сойдутся во мнениях относительно Гильдаса, однако все согласны с тем, что его труд имеет огромное значение. Некоторые утверждают, что он писал в Южном Уэльсе, поскольку позднее его считали основателем монастырей в тех краях. Другие думают, что он жил на Северо-Западе. Понять, где он жил, весьма важно, поскольку это помогло бы определить точнее, что он написал, и что оставил ненаписанным.

Написанная им знаменитая работа «Руины Британии», возможно, самая близкая к письменному изложению истории важных полутора столетий после окончания официального правления римлян

in rubo igneo. secundo modo in monte q̄dragintā diebꝫ & q̄dragintā noctibꝫ ieiunauit. tercio modo similes fuer̄ etate centū uiginti annis. quarto modo sepulchrū illi̇ nemo scit. s; in occulto humat̄ ē nemine sciente. quindecī annis in captiuitate. uicesimo quinto anno ab amatheo scō episcopo subrogat̄. octingentorū & quinq; annorū in hibernia p̄dicauit. Res aut̄ exigebat ampli̇ loqui de scō patricio. sed tamen p̄ cōpendio sermonis uolui breuiare.

In illo tempore saxones inualescebant in multitudine & crescebant in brittannia. Mortuo aut̄ hengisto octha fili̇ ei̇ transiuit de sinistrali parte brittannie ad regnū cantorū. & de ipso orti s̄ reges cantorū.

Tunc arthur pugnabat contra illos in illis diebꝫ cū regibꝫ brittonū. s; ipse dux erat bellorū. Primū bellū fuit in ostiū fluminis quod dicit̄ glein. Secundū & tertiū & quartū & quintū sup aliud flumen quod dicit̄ dubglas. & ē in regione linnuis. Sextū bellum sup flumen quod uocat̄ bassas. Septimū fuit bellū in silua celidonis. id ē cat coit celidon. Octauū fuit bellū in castello guinnion. in quo arthur portauit imaginē scē marie p̄petue uirginis sup humeros suos. & pagani uersi s̄ in fugā in illo die. & cedes magna fuit sup illos p̄ uirtutem dnī nrī ihu xp̄i & p̄ uirtutē scē marie uirginis genitricis ei̇. Nonū bellū gestū ē in urbe legionis. Decimū gessit bellū in litore fluminis quod uocat̄ tribruit. Undecimū factū ē bellū in monte qui dicit̄ agned. Duodecimū fuit bellū in monte badonis. in quo corruer̄ in uno die nongenti sexaginta uiri de uno impetu arthur.

История Британии Ненниуса описывает двенадцать великих битв Артура

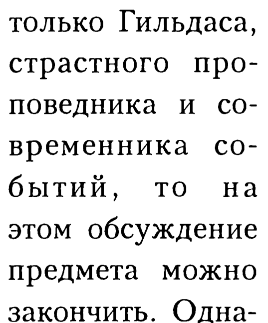
— Темных Времен. Она не претендовала на историческую правдивость; это был бесстрастный призыв к тому, что цивилизацию и культуру его юности и прошлого, частью которого он был духовно, возможно еще воскресить войнами, правившими в его время страной.

Гильдас рассматривал прошлое как печальный закат культуры и цивилизации после просвещенного правления Рима. В своей «истории», написанной без упоминания дат, он говорил о вторжениях с Севера, происшедших после ухода римлян, о гражданской войне и голоде, а затем о возрождении Британии и победе над варварами, о последовавшем мире и начале королевского правления.

После этого произошло еще несколько вторжений варваров, и для борьбы с ними были приглашены саксонские наемные войска. После первого успеха наемники в свою очередь обратили оружие против нанимателей. Была война, были разрушены цивилизованные города, и многие британские дворяне бежали в Галлию. Но постепенно они реорганизовались и восстановили силы под руководством своего вождя Амбросиуса Аврелиануса, и под его же руководством добились серии побед над саксонцами, завершившейся, возможно, уже при жизни Гильдаса, сражением при Маунт Бадон. Но даже эта великая победа не принесла мира и возрождения

культуры, на которые надеялся Гильдас.

Амбросиус, по Гильдасу, — великий воин, «последний из римлян», уникальная личность. Но где же тогда был Артур? Или Гильдас со своими предубеждениями северянина был таким несведущим в истории Британии? Или он обвинял мелких тиранов Уэльса и Западной Британии: злобного Константина из Дамнонии или воинственного Конана из Глочестера, или трех ужасных королей Уэльса? Знал ли он о кампаниях, завершившихся при Маунт Бадон, больше, чем отобразил в своих записях? А может быть, он использовал имя Амбросиуса для нападок на его потомков? Если читать



только Гильдаса, страстного проповедника и современника событий, то на этом обсуждение предмета можно закончить. Однако существуют убедительные свидетельства, что задолго до того, как легенды были записаны, их пели в виде баллад и поэм не только в Британии, но и в Ирландии и в Бретони, и повествовали они об одном герое. Сейчас известны только две из них, да и те не в своем исходном виде. Одна из них, «Поэма о Геранте», а другая обычно известна как «История Ненниуса». «Поэма» энергичным языком повествует о битве (вероятно при Портчестере, хотя иногда считают, что речь идет о Лангпорте), где Герант, правитель

Записи о битвах у Маунт Бадон и Камлана в Анналах Уэльса

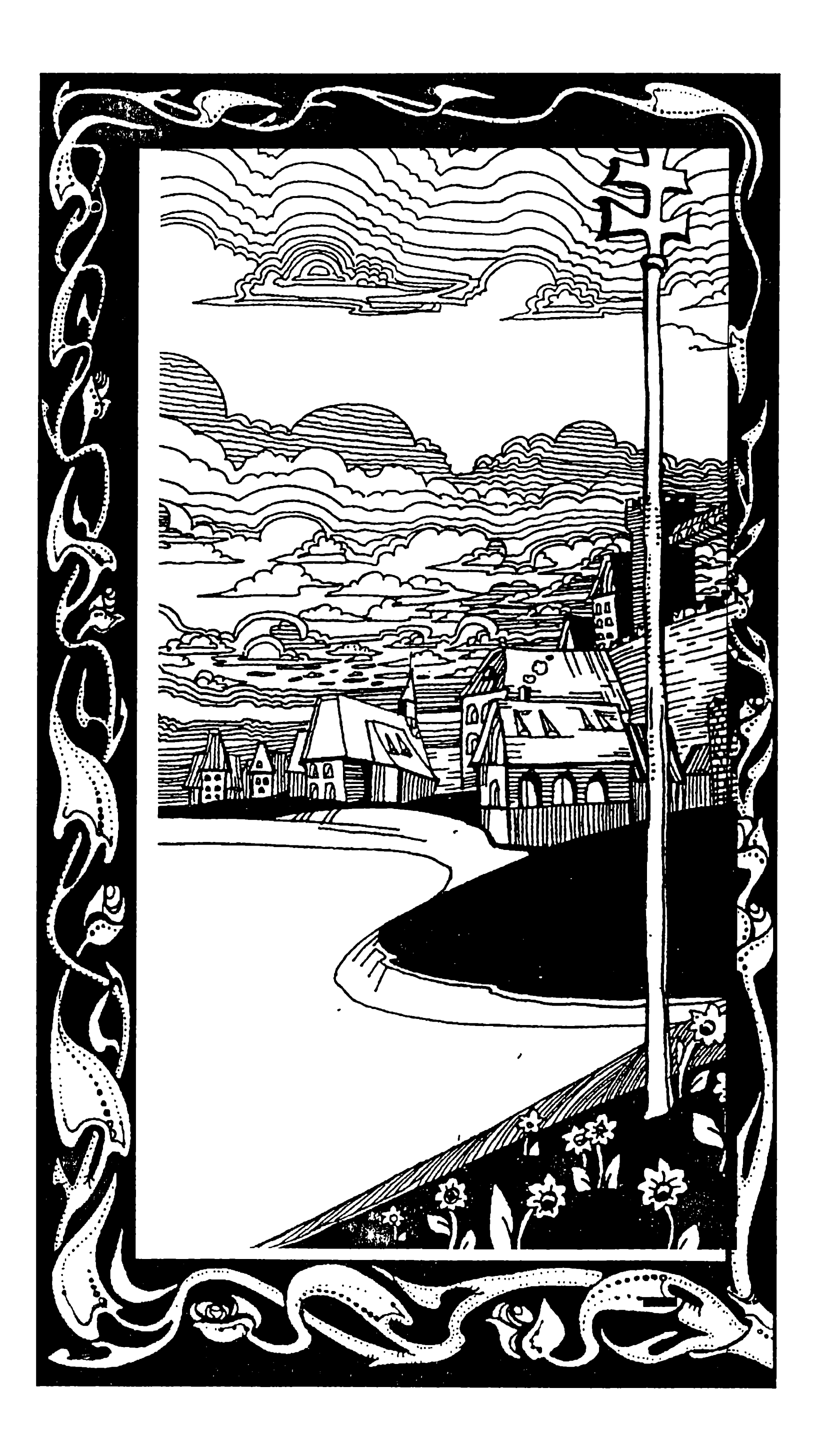
Дамнонии, был убит в битве с захватчиками:

«В Ллонгборте видел я блеск
мечей,
Ужас людей и
реки крови
Пред Герантом Великим, сына
отца своего».

Но за кого же сражался Герант, кто был командующим, кто руководил кампанией?

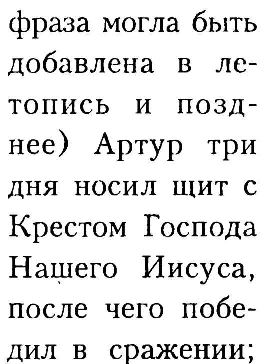
«В Ллонгборте я видел Артура,
Героев, закованных в сталь,
И Императора, наших трудов
владыку».

Ненниус, писавший по уэльсски, примерно в 800 году более подробно рассказал об этом правителе и военачальнике. Он описывал Артура как человека, управлявшего



атаками британцев в двенадцати битвах, и не только как простого военного руководителя, но и чуть ли не основателя христианства в Британии. В битве при Кастеллум Гуиннион, восьмой по счету, на его щите был изображен образ Девы Марии; и в двенадцатой и последней битве при Маунт Бадон в сражении погибло 960 человек.

Однако какое же место занимает эта «история» во времени и пространстве? В хронике, которую начали вести в конце восьмого века в Сент Дэвиде, известной как Анналы Уэльса, Артур упоминается дважды. В записях после 72 года говорится о том, что перед битвой при Маунт Бадон (но эта

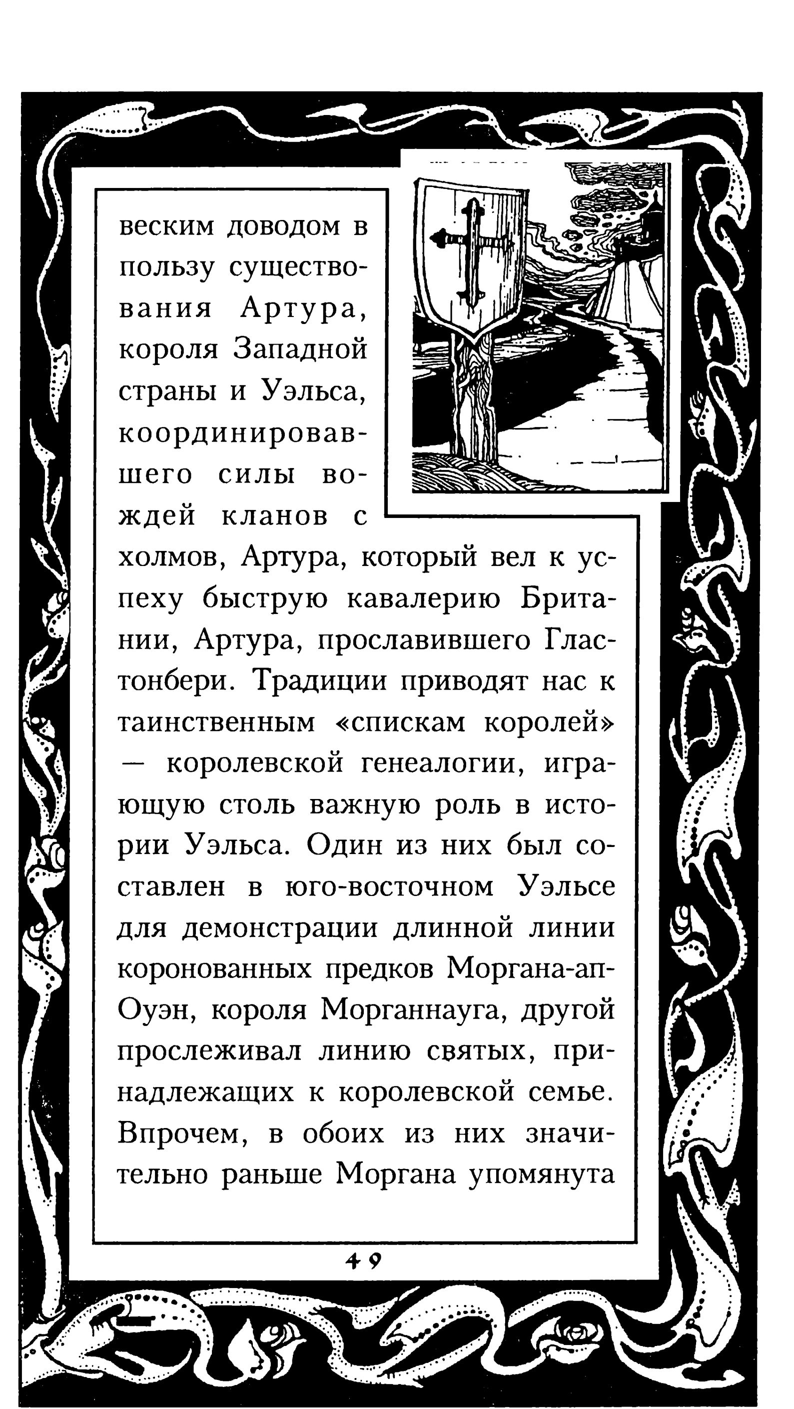


фраза могла быть добавлена в летопись и позднее) Артур три дня носил щит с Крестом Господа Нашего Иисуса, после чего победил в сражении; и в записях 93 года указана битва при Камланне, в которой Артур и Мордред погибли. В этом не много пользы, однако в какой-то мере другие ссылки на Артура подтверждает и Бадон. Современные ученые, заинтересованные в том, чтобы внести свой вклад в историческую науку, датируют битву при Бадоне между 480 и 520 годами и с меньшей уверенностью указывают на возможное ее место — Солсбери Хилл возле Бата, либо западнее, в Бэдбери Рингз в Дорсете, либо Лиддингтон Кастл возле Бэдбери в Уилтшире.

Разумеется, остаются и сомнения. Они есть и по поводу самого существования Артура как личности, поскольку им может оказаться собирательный образ, созданный недовольными кельтами. Некоторые считают, что эта фигура — из другого времени, когда борьба с варварством только начиналась, и задолго до Гильдаса. Некоторые предполагают даже более поздний период, когда шла борьба с соседними саксонскими королевствами. И все эти теории не имеют точных доказательств.

ТРАДИЦИИ И АРХЕОЛОГИЯ

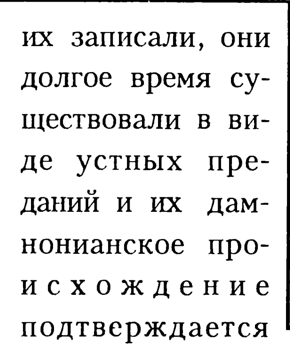
Традиции вместе с археологическими свидетельствами служат

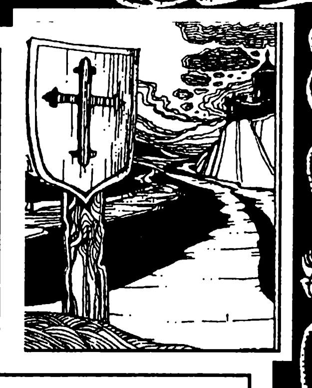


веским доводом в пользу существования Артура, короля Западной страны и Уэльса, координировавшего силы вождей кланов с холмов, Артура, который вел к успеху быструю кавалерию Британии, Артура, прославившего Гластонбери. Традиции приводят нас к таинственным «спискам королей» — королевской генеалогии, играющую столь важную роль в истории Уэльса. Один из них был составлен в юго-восточном Уэльсе для демонстрации длинной линии коронованных предков Моргана-ап-Оуэн, короля Морганнауга, другой прослеживал линию святых, принадлежащих к королевской семье. Впрочем, в обоих из них значительно раньше Моргана упомянута

королевская линия Дамнонии: Константин из Корнуэлла, отец Эрбина, отца Геранта, отца Кэдви. Тот ли это Константин, которого упоминал Гильдас? Был ли этот Герант тем, кто привел своих людей на восток сражаться за Артура против варваров и погиб там? Был ли этот Кэдви тем, кто вместе с Артуром правил Диндрайтоу?

Вообще-то говоря, «королевские списки» и другие образчики уэльсской литературы, кстати некоторые из них были известны Джеффри Монмутскому, а некоторые дошли и до нашего времени, нельзя считать историческими документами в научном смысле этого слова. До того времени, как





их записали, они долгое время существовали в виде устных преданий и их дамнонианское происхождение подтверждается лишь традициями Уэльса. К IX веку Константин, Герант и Кэдви стали народными героями Уэльса. Но действительно ли ничего не осталось от Дамнонии, ничего более существенного, чем народные саги? Неужели в Стране Лета не осталось следов героев, сражавшихся у стен своих крепостей?

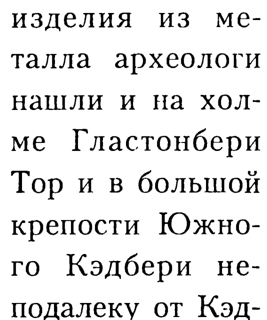
Если имеются некоторые сомнения по поводу реальности героев Дамнонии, то относительно каменного монумента возле Кастл Дор в южном Корнуэлле таких сомнений нет. На нем высечены слова на латыни: «Здесь лежит

Друстан, сын Каноморуса», которые обычно переводят как «Здесь лежит Тристан, сын Кинфавра». Кинфавр (его еще называют Марком) присутствует в генеалогическом древе Дамнонии и является отцом Константина Корнуэлльского. И еще одна реальность: на северном берегу Корнуэлла существовал ирландский монастырь, который позже назвали Тинтагиль. Это была школа для священников в ирландских традициях, одновременно являвшаяся и центром религии и культуры. Здесь тоже были найдены фрагменты керамики, служащей ключом к Темным Временам на Западе. Большинство фрагментов представляют собой части кувшинов с вином, маслом

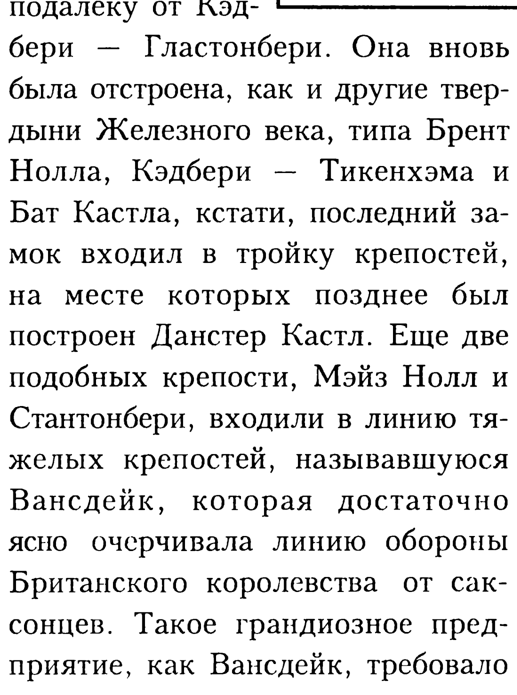
и, возможно, даже фруктами с далекого Средиземноморья. Эти вина и масла применялись для религиозных церемоний и, вероятнее всего, употреблялись в королевских дворцах. В Дамнонии, безусловно, были и герои, и святые.

Но Корнуэлл еще много лет находился вдали от переднего края борьбы за выживание. Действительно серьезные проблемы возникали гораздо западнее и там, в Летней стране, в Сомерсете трудности и христианская культура стояли рука об руку с организованным и сильным местным правительством, а армия успешно противостояла саксонской угрозе.

Такую же средиземноморскую керамику и высококачественные

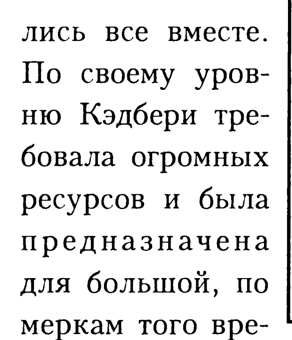


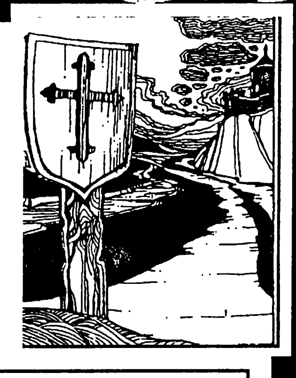
изделия из металла археологи нашли и на холме Гластонбери Тор и в большой крепости Южного Кэдбери неподалеку от Кэдбери — Гластонбери. Она вновь была отстроена, как и другие твердыни Железного века, типа Брент Нолла, Кэдбери — Тикенхэма и Бат Кастла, кстати, последний замок входил в тройку крепостей, на месте которых позднее был построен Данстер Кастл. Еще две подобных крепости, Мэйз Нолл и Стантонбери, входили в линию тяжелых крепостей, называвшуюся Вансдейк, которая достаточно ясно очерчивала линию обороны Британского королевства от саксонцев. Такое грандиозное предприятие, как Вансдейк, требовало



отличной административной и военной организации. Другая крепость, в Каннингтоне, была связана не только с постоянным поселением, но и с кладбищем, частично языческим, частично христианским, на котором несколько могил располагались так, что составляли как бы свиту для одной могилы молодого человека. Был ли он, как племянник Каратакуса, чье имя выбито на камне Уинсфорд Хилла, отпрыском владетельной христианской семьи, вождем вроде тех, кто владел горными крепостями дальше на запад?

Возможно, над всеми этими вождями возвышался тот, кто правил с высоты Южного Кэдбери, тот, чьи воины заполняли огромный сводчатый зал, когда собира-





лись все вместе. По своему уровню Кэдбери требовала огромных ресурсов и была предназначена для большой, по меркам того времени, армии. Она располагалась в стратегически важном месте и представляла собой базу для действий, расположенную в глубине земель, занятых саксонцами, и на приемлемой дистанции от возможных мест сражения при Маунт Бадон. Могла ли Кэдбери быть трамплином для окончательного триумфа этого вождя?

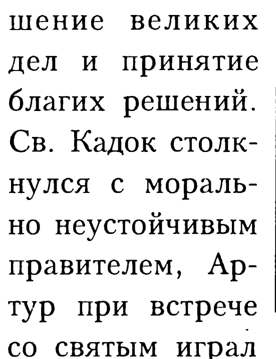
ДЖЕФФРИ МОНМУТСКИЙ И РОСТ РОМАНТИЗМА

Даже древнейшие письменные источники, упоминающие Артура,

своим происхождением обязаны его тщательно сохранявшейся и расширявшейся популярности. Ненниус и Анналы Уэльса были лишь частью растущего объема литературных работ, которые не дошли до нашего времени, но к концу VIII века сделали Артура героем Уэльса. Вполне естественно, что он стал популярной фигурой в уэльской литературе, его имя можно найти в уэльских триадах-заголовках, призванных помочь бардам вспомнить истории, воспеваемые ими. К концу XI века поклонники Артура рассказывали о нем истории известные в целом как Мабиногион, частично являвшиеся мифами, а частично заимствованные из французских романсов.

В конце XI века имя Артура появляется в таких своеобразных литературных произведениях, как Жития Святых. До нашего времени дошли четыре из них, все скорее всего написаны уэльсцем и посвящены уэльсцам. Два из них сохранились в монастыре Лланкарфан. Они рассказывают о поведении и примечательных деяниях святых Кадока и Падарна, Карантока и Гильдаса. Во всех произведениях главными героями являются, разумеется, сами святые, но есть в этих историях и один общий персонаж — Артур. Во всех четырех житиях он выступает в роли нечестного, мелочного деспота, которого влияние святых подвигнуло на свер-

шение великих дел и принятие благих решений. Св. Кадок столкнулся с морально неустойчивым правителем, Артур при встрече со святым играл



на вершине холма в кости со своими приятелями Каем и Бедивером. Встретившись со Св. Падарном, Артур «положил свой алчный глаз» на тунику святого, когда же с ним столкнулся св. Каранток, то увидел в Артуре слабого правителя, неспособного прогнать дракона, опустошавшего его земли, и мелкого жулика, попытавшегося превратить переносной алтарь святого в кухонный стол. Св. Гильдас счел его правителем, не терпящим возражений, но мужем, чья жена была взята в Гластонбери королем Летней Страны Мельвасом.

Очевидно, что истории об Артуре пришли и укоренились в мире кельтов в начале XII века. По некоторым сведениям, Лаону, посетившему Западную страну в 1113 году, показывали трон Артура и его камин, возможно в Дартмуре, в Девоне; а в Корнуэлле он чуть не вызвал бунт, поскольку не поверил местному жителю, заявившему что Артур жив. Уильям из Малмсбери, «официальный» историк аббатства Гластонбери, знал Артура и исторического, и Артура, как он уничтожающе писал, «из лживых сказок». Свидетельства Ненниуса оценивал как точные, но считал, что тот чрезмерно увлекался литературным приукрашиванием и без того широко

распространенным в то время.

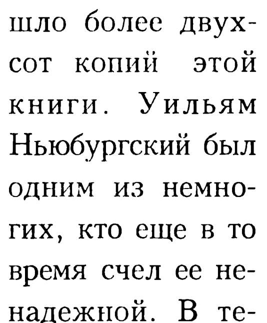
Это литературное приукрашивание достигло своего расцвета в работе Джеффри Монмутского, который между 1130-м и 1136-м или 1138 годами написал свою величайшую работу, «Историю королей Британии». Джеффри, уроженец или Корнуэлла, или Бретони, или Уэльса, стал служителем церкви скорее волей случая; иногда он был ученым, иногда романтиком, и во время учебы в Оксфорде нашел способ обрести известность благодаря своему литературному гению. В чем выразилось это приукрашивание? Уильям Ньюбургский, писавший около 1190 года, заявляет: «Очевидно, что все, написанное этим

человеком о короле Артуре и его сподвижниках... выдумка, частично его собственная с целью польстить британцам». Это одно мнение. Сам Джеффри заявлял, что глава книги, называвшаяся «Пророчества Мерлина», основана на рассказах его друга Александра, епископа Линкольна; кроме того, он неоднократно заявлял, что источником для его «Истории» послужила «очень древняя книга на британском языке», которую ему дал другой его друг, Уолтер, оксфордский архидьякон.

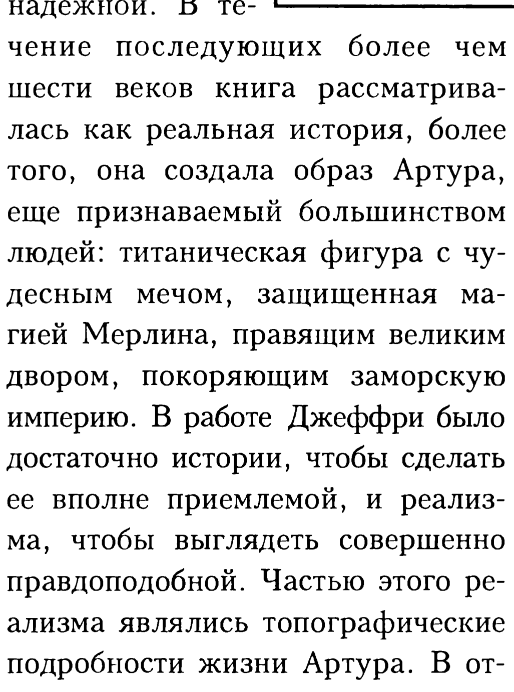
Ученые продолжают спорить по поводу источников Джеффри, но существует общее мнение, что на книгу повлияло его собственное схоластическое образование (он

был знаком с работами Гильдаса, Бида и Неениуса), частично традиции кельтского мира, к которому он принадлежал, и огромное влияние оказали его собственное богатое воображение и литературные склонности. Сыграло заметную роль и его желание достичь успеха на литературном поприще. Джеффри посвятил свою «Историю» одновременно Роберту, графу Глочестера, незаконному сыну Генриха I, и Валериану, графу Меллента, сыну Роберта де Бомона. Эти люди обладали большой властью.

Работа Джеффри имела огромный литературный успех, по средневековым меркам она стала бестселлером, и до наших дней до-

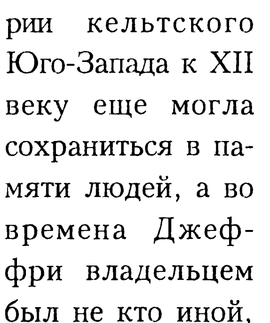


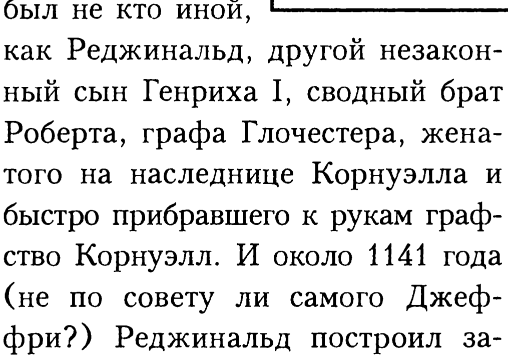
шло более двухсот копий этой книги. Уильям Ньюбургский был одним из немногих, кто еще в то время счел ее ненадежной. В течение последующих более чем шести веков книга рассматривалась как реальная история, более того, она создала образ Артура, еще признаваемый большинством людей: титаническая фигура с чудесным мечом, защищенная магией Мерлина, правящим великим двором, покоряющим заморскую империю. В работе Джеффри было достаточно истории, чтобы сделать ее вполне приемлемой, и реализма, чтобы выглядеть совершенно правдоподобной. Частью этого реализма являлись топографические подробности жизни Артура. В от-



личие от предыдущих работ это уже не неопределенный уэльсец, а уроженец юго-запада, возможно, Корнуэлла. Он представлен наследником иного, почти независимого, королевства корнуэлльской династии, которая когда-то правила всей Британией. От начала до конца книги Артур был корнуэлец, уроженец Тинтагиля, и его последнее сражение, Камланн, проходило на реке Камель. Возможно, что собственное происхождение Джеффри заставило его предположить Кэрлон на Аске местом расположения замка Артура, но это было почти заблуждением.

Знаменателен выбор именно Тинтагиля. Его важность в исто-

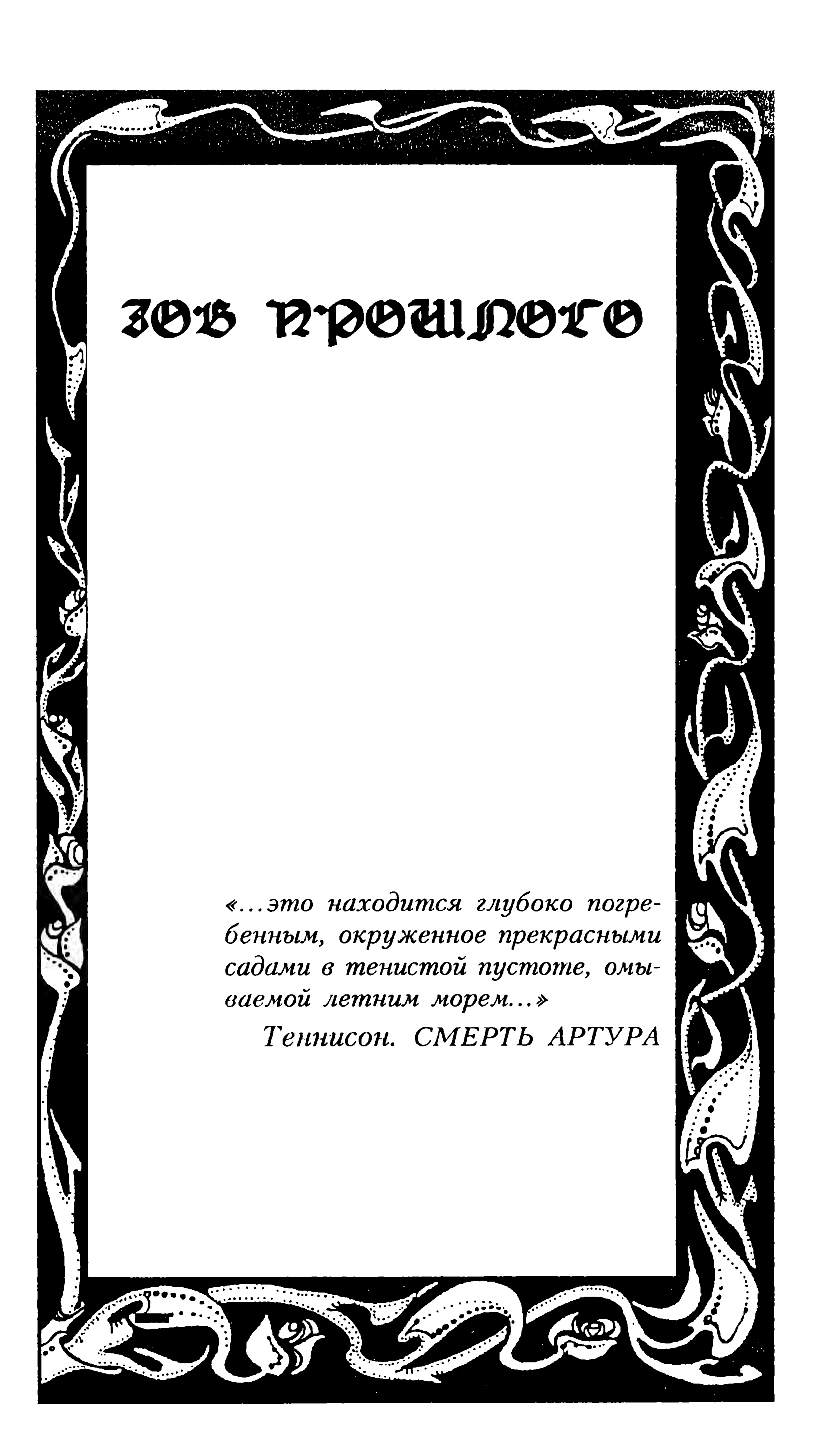




рии кельтского Юго-Запада к XII веку еще могла сохраниться в памяти людей, а во времена Джеффри владельцем был не кто иной, как Реджинальд, другой незаконный сын Генриха I, сводный брат Роберта, графа Глочестера, женатого на наследнице Корнуэлла и быстро прибравшего к рукам графство Корнуэлл. И около 1141 года (не по совету ли самого Джеффри?) Реджинальд построил замок.

Джеффри применил политическую лесть, намекая на то, что норманнские короли являлись действительными наследниками великих королевств Британии прошлого, а норманнская знать — современным зеркалом их верных

последователей. Не было ли продолжением этой лести предположение, что Артур смог выжить? Не мог ли он продолжать жить в добрых делах Дома, правившего страной? Но если так, то где же место его могилы? Джеффри не мог этого определить. Артур отправился на Авалон для того, чтобы вылечить свои раны. Джеффри, разумеется, знал о Гластонбери, но это был не Гластонбери.

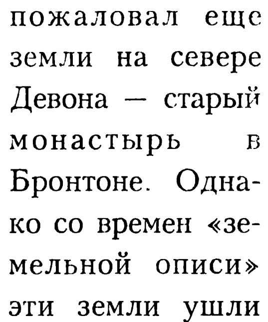


ЗОВ ПРОШЛОГО

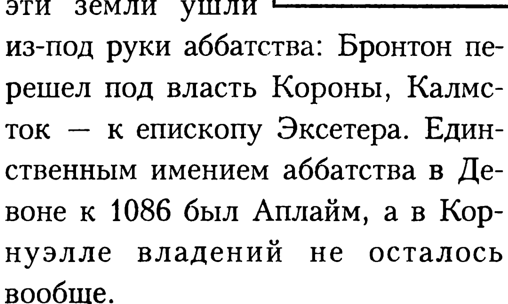
«...это находится глубоко погребенным, окруженное прекрасными садами в тенистой пустоте, омываемой летним морем...»

Теннисон. СМЕРТЬ АРТУРА

Во времена норманнского завоевания аббатство Гластонбери являлось богатейшим монастырем в стране. Установив свое правление по всему западному полуострову, саксонские короли были весьма удовлетворены тем, что их владения простираются так далеко от их дома, в низинах центрального Сомерсета. Король Кинвульф около 670 года пожаловал аббатству земли в Калмстоке, в Девоне, а его наследник Айн, после победы над Герантом Корнуэлльским, владение, находящееся еще западнее, между Тамаром и Лингером. Следующим пожертвованием стало другое крупное имение — Торидж Вэлли в Девоне примерно в 729 году, а в 855 году король Эгберт



пожаловал еще земли на севере Девона — старый монастырь в Бронтоне. Однако со времен «земельной описи» эти земли ушли из-под руки аббатства: Бронтон перешел под власть Короны, Калмсток — к епископу Эксетера. Единственным имением аббатства в Девоне к 1086 был Аплайм, а в Корнуэлле владений не осталось вообще.

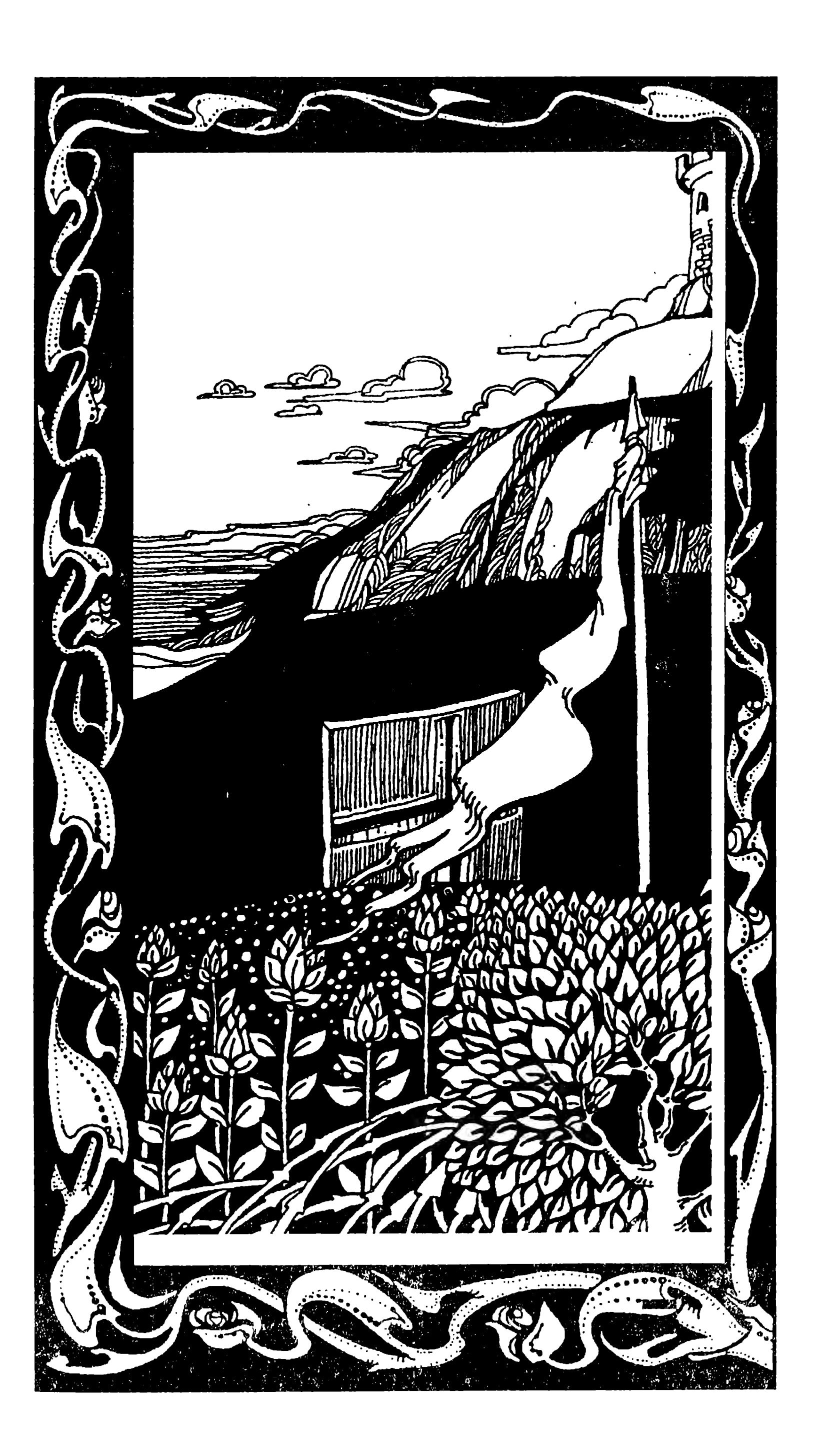


ГЛАСТОНБЕРИ ПОД ДАВЛЕНИЕМ

Аббатство оставалось уязвимым из-за завистливых взглядов новых соседей, тех, кто пришел из-за Пролива вместе с Завоевателем, чтобы победить и сменить англосаксонских землевладельцев, некогда

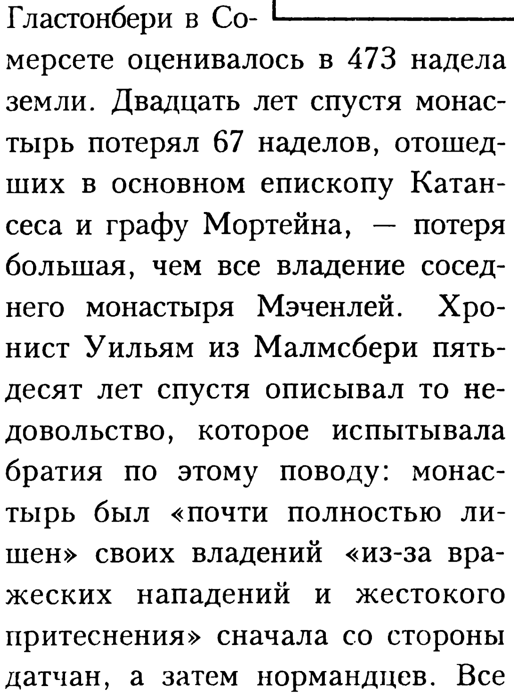
да добрых друзей и жертвователей для аббатства. Аббаты Этельвард и Этельнот, если верить сообщениям более поздних хроник, способствовали упадку монастыря еще до прихода Завоевателя, и противостоять требованиям новых землевладельцев он был просто не в состоянии. Аббата Этельварда хронисты аббатства упоминают в связи с тем, что он приказал выкопать останки короля Эдгара и поместить их в раку с мощами св. Винсента и св. Аполлинария. Аббат Этельнот продал некоторые из сокровищ аббатства, в том числе золотые и серебрянные украшения, подаренные монастырю епископом Брайтволдом из Рамсбери за пятьдесят лет до этого.

Св. Дунстан преклоняет колени перед Христом: страница из «Учебника св. Дунстана»

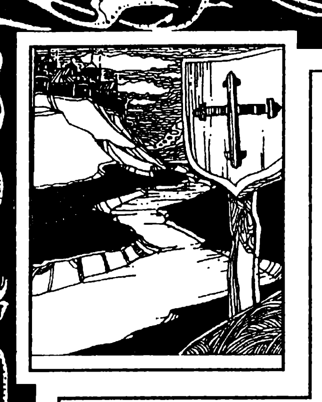


Расплата за эти кощунства последовала соответствующая: Этельвард сошел с ума и вскоре после этого сломал себе шею, выходя из монастырской церкви. Этельнот, к большому неудовольствию монахов подаривший своей матери монастырское имение в Бэткомбе, вместе с Завоевателем удалился в Нормандию и оставался там до 1077—1078 года, пока не был смещен и возвращен в Кентерберийский кафедральный приход, где ранее служил причетчиком. Для монахов Гластонбери такая судьба вполне попадала под определение безумной.

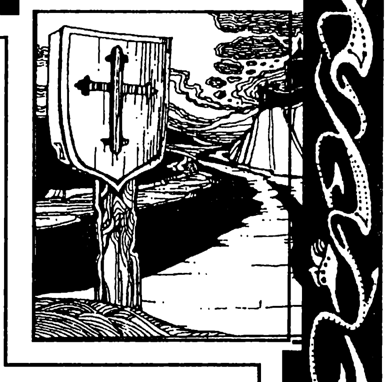
Помимо этих старинных хроник об упадке по сравнению с временами св. Дунстана, в «земельной



описи» имеются и записи о таких фактах: в 1066-м, когда еще был жив Эдуард Исповедник, владение аббатства Гластонбери в Сомерсете оценивалось в 473 надела земли. Двадцать лет спустя монастырь потерял 67 наделов, отошедших в основном епископу Катансеса и графу Мортейна, — потеря большая, чем все владение соседнего монастыря Мэченлей. Хронист Уильям из Малмсбери пятьдесят лет спустя описывал то недовольство, которое испытывала братия по этому поводу: монастырь был «почти полностью лишен» своих владений «из-за вражеских нападений и жестокого притеснения» сначала со стороны датчан, а затем нормандцев. Все

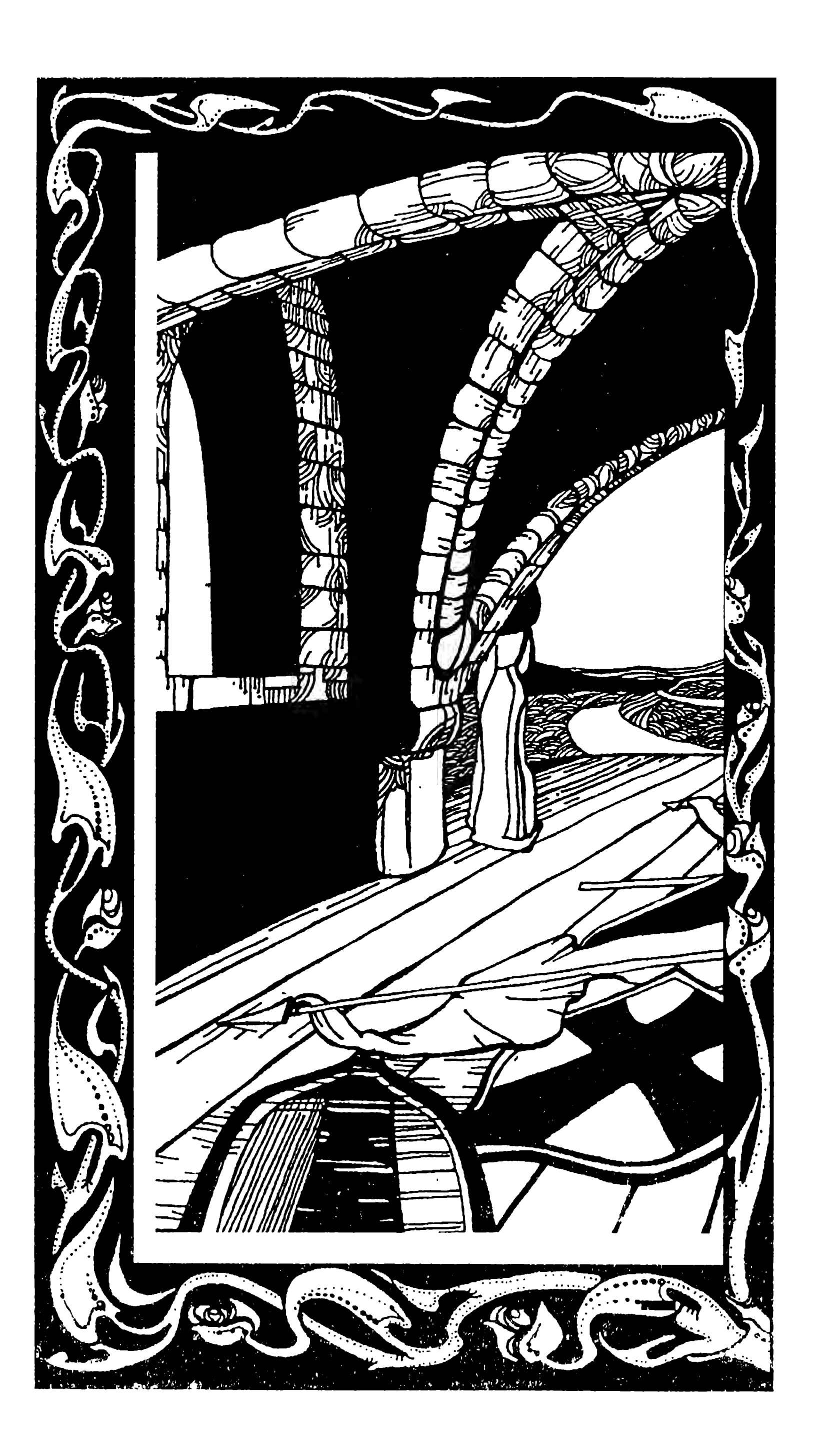


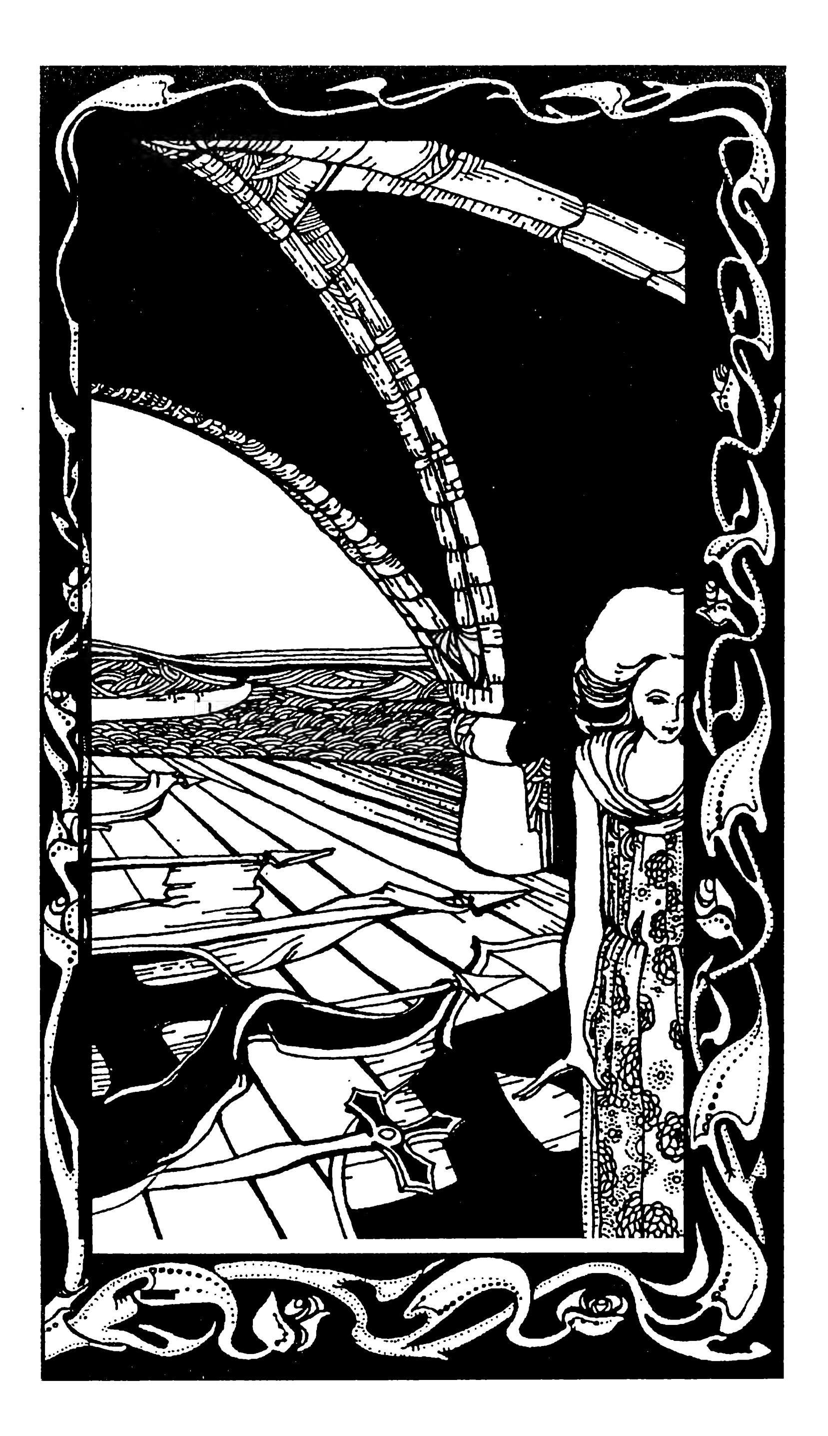
это прекрасно отражало чувства монахов Гластонбери; для саксонцев норманны и датчане — почти одно и то же. Смещение Этельнота не положило конец напастям обители. Король и архиепископ Ланфранк на его место назначили Торстена — монаха из Кэна. Вначале он пользовался репутацией достойного наследника св. Дунстана, так как не только добился превосходства монастыря над небольшими обителями бенедиктинцев в Мэченлей и Атенли, но и независимости от епископов местной епархии. На встрече в присутствии Ланфранка, «с большим красноречием и твердостью» Торстен доказывал необходимость отделения своей обители, отвечая на



встречные заявления епископа Уэльса цитатами из королевских хартий от Сенвайна до Айна, в которых подтверждались вольности, пожалованные аббатству. Он достиг крупной победы; как говорили его сторонники, Уэльс «отступил без чести и славы».

Однако для Торстена это была временная победа. Вскоре после этого он оказался в состоянии конфликта с братией. Вел себя скорее как автократ, властитель, а не пастырь, заботящийся о пастве, он первым предложил более строгий устав, чем тот, по которому жили монахи, наконец, именно он потребовал введения в литургию иностранных песнопений. Гластонберийские монахи





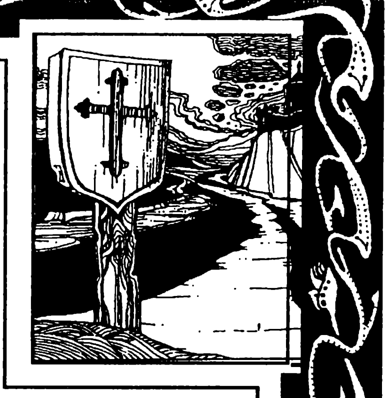
были более чем традиционалистами, и их сопротивление вынудило Торстена наконец-то перейти к действиям. Чтобы добиться повиновения, он вызвал группу солдат. Норманнские рыцари напали на саксонских монахов, как на религиозных отступников, прямо в церкви, завалили двери в зал, а сами поднялись на хоры. Монахам, прячущимся за скамейками и вооруженным одними подсвечниками, нечего было противопоставить стрелам норманнов, находившихся выше них на галерее. Два или даже три монаха были убиты, а более десятка ранены.

Когда до короля дошел слух об этом событии, Торстена быстро возвратили назад, в Нормандию,

а многих из монахов перевели в другие монастыри под стражу. Норманны не прощали подобного сопротивления. Гластонбери, устроившее почти что бунт против жестокости норманнов, память о событии того страшного времени. Во время этого боя стрела попала в распятие, которое держал один из монахов, и фигура Христа ниже колена была повреждена. Рана на распятии чудесным образом начала кровоточить, и это, естественно, привело к прекращению атаки, а воин, пустивший стрелу, тут же сошел с ума. С этого времени распятие почиталось как чудотворное, и, по свидетельству Джона Гластонберийского, даже в XIV веке на нем

был хорошо заметен след от раны.

Большинство потерь земельных владений Гластонбери в пользу норманнских землевладельцев приходится на время, когда аббатом был Торстен (1077/73–1096). Его наследником являлся аббат Герлуин (1100–1118). Другой же монах из Кэна известен как великий строитель и благодетель для обители. При нем часть утраченных земель удалось вернуть. Следующий аббат, Сефрид Пелопин (1120/1–1125), монах из Сиза, брат архиепископа Ральфа Кентерберийского потерял как минимум три поместья, тем самым сведя к нулю все усилия своего предшественника. Задачи, стоявшие перед новым аб-



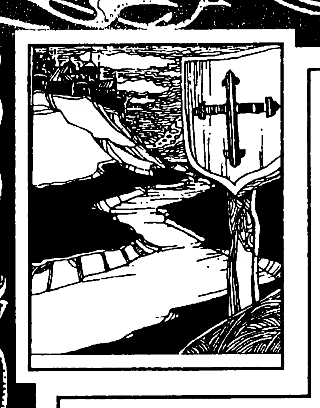
батом, были просто огромными.

Но появился человек, способный справиться с этими задачами. Молодой, менее тридцати лет от роду, монах из Клани Генри Блойсский по происхождению был племянником короля Генриха I и братом его наследника, короля Стефана. Обладавший несомненными финансовыми и административными талантами, способный, симпатизирующий культуре, Генри в 1126 году был назначен аббатом Гластонбери. Тремя годами позже стал также епископом Винчестерским и эти обязанности нес на себе вплоть до смерти в 1171 году.

Немедленно по приезде в Гластонбери Генри начал работы по

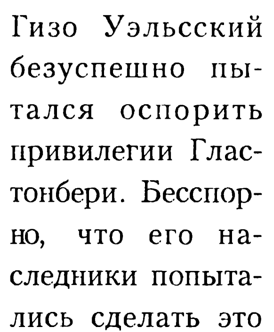
восстановлению финансовой базы монастыря и возведению величественной группы монастырских строений. Во время недавних раскопок в монастыре к юго-западу от нынешней церкви Богородицы были найдены фундаменты массивных стен «дворца» Генри. Изящная резьба по камню свидетельствует о высоком качестве работ при создании аркады монастыря, основного строения, трапезной, общих спален и монастырской больницы.

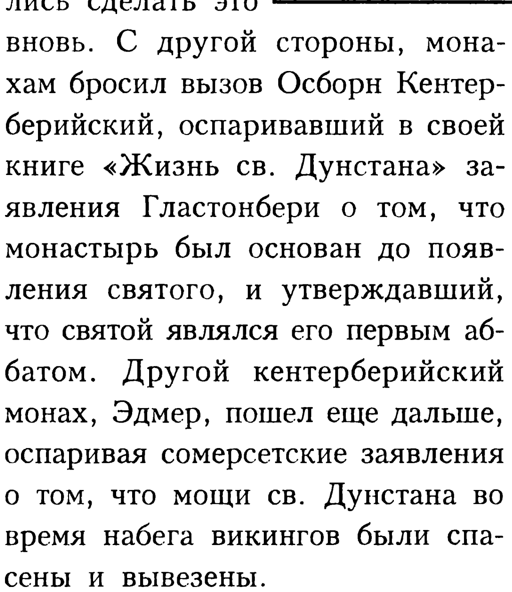
Однако, чтобы оплатить такую работу, необходимо было вернуть утраченные владения, что являлось непростой задачей даже с учетом сил и влияния аббата Генри. Хроники Гластонбери свидетельствуют,



что Генри смог вернуть поместья Меллз, Аффкалм, Камертон и Дэмерхэм, несколько деревень вдоль Полден Риджа, остров Найленд и наделы земли в Брентских Болотах. Чтобы удостовериться, что эти и другие владения впредь останутся за обителью, аббат прибег к помощи трех Пап, которые издали формальные указы, подтверждавшие владения монастыря: Папа Иннокентий II в 1137-м, Папа Люций II в 1144-м, и Папа Александр III в 1168-м. Теперь в глазах Вселенской церкви владения монастыря Гластонбери были в безопасности.

Однако угроза независимости монастыря все равно оставалась. Во времена аббата Торстена епископ





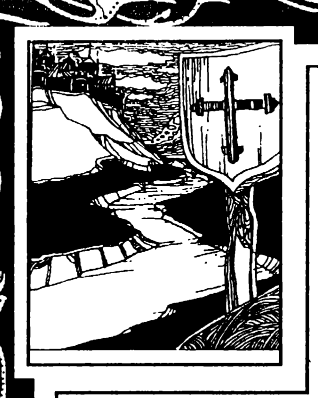
Гизо Уэльсский безуспешно пытался оспорить привилегии Гластонбери. Бесспорно, что его наследники попытались сделать это вновь. С другой стороны, монахам бросил вызов Осборн Кентерберийский, оспаривавший в своей книге «Жизнь св. Дунстана» заявления Гластонбери о том, что монастырь был основан до появления святого, и утверждавший, что святой являлся его первым аббатом. Другой кентерберийский монах, Эдмер, пошел еще дальше, оспаривая сомерсетские заявления о том, что мощи св. Дунстана во время набега викингов были спасены и вывезены.

ВЛЕЧЕНИЕ К СВЯТОСТИ

Перед лицом такого давления гластонберийские монахи — англичане до кончиков пальцев — решили изменить традиции. Они нисколько не сомневались в том, что история их монастыря началась задолго до начала ведения регулярных исторических записей о нем. Из поколения в поколение монахи передавали друг другу веру в то, что ажурная церковь в сердце монастыря является старейшей христианской часовней в стране. Однако доказать это было нечем. А теперь возникла необходимость утвердить свою веру. Жизнеописание святых Гластонбери нужно было и для укрепления подавленного духа братии, и для поощре-

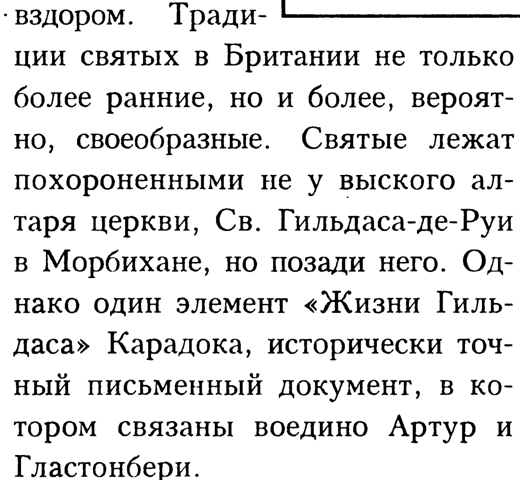
ния прихода новых братьев в обитель. Кроме того, требовалось повысить интерес общества к монастырю и для привлечения покровителей и пилигримов.

Исходя из этого, монахи обратились к двум людям, которые могли помочь им. Это были люди с очень разными талантами: один из них агиограф — профессиональный описатель жизни святых, а другой — историк. Агиограф, Карадок из Лланкарфана, к тому времени уже написал «Жизнь Кингара» для канонов Уэльса, «Жизнь Св. Кадока» и, вероятно, «Жизнь Св. Ильтуда» для своего монастыря Лланкарфан в Уэльсе, кроме того, он написал «Жизнь Св. Гильдаса» для Гластонбери. Агиографы



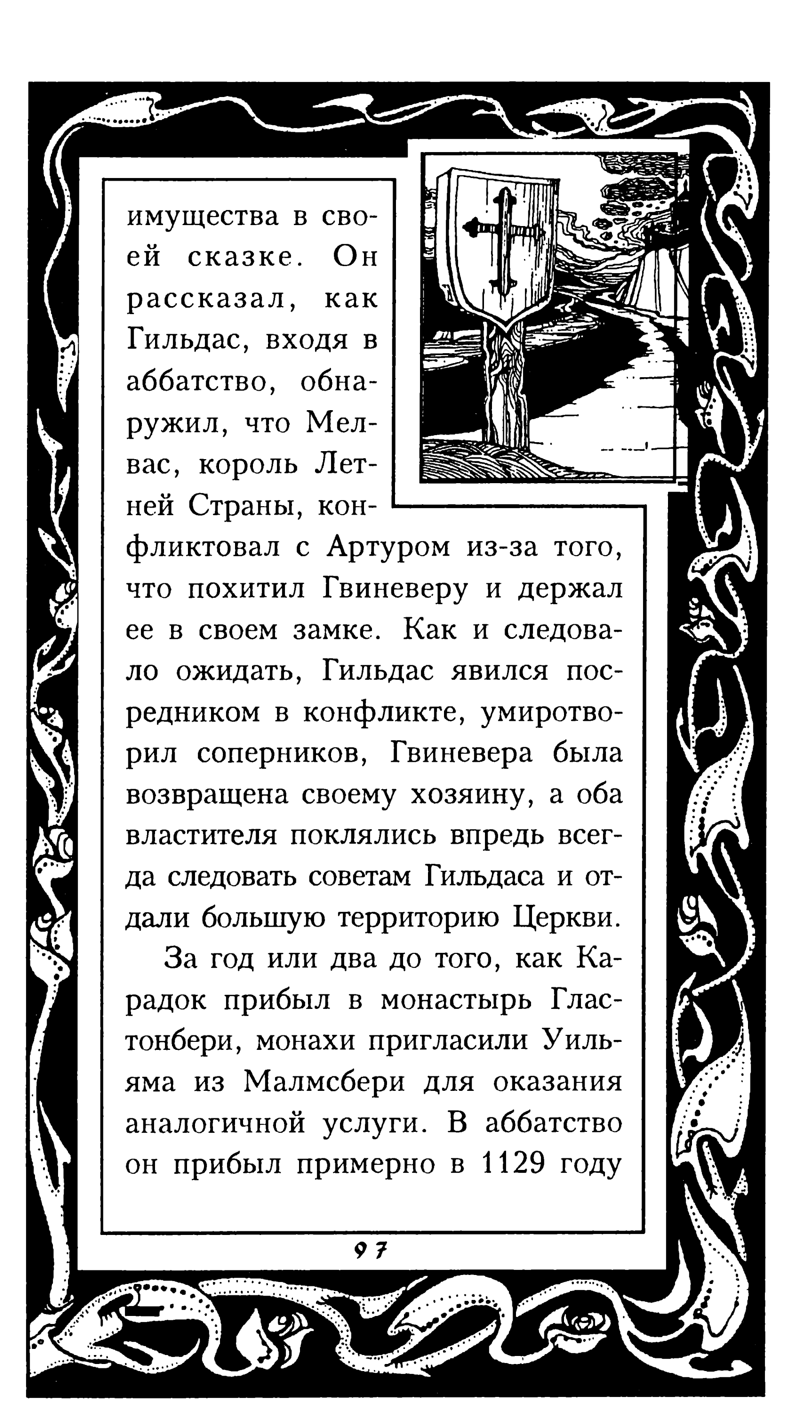
ставили перед собой весьма специфичную задачу: они рассказывали о своем герое не в точных исторических терминах, а скорее с целью создать чувство привязанности к нему и преданности. Карадок, как и многие его коллеги, брал несколько известных фактов о Гильдасе, связывал их с историями о других святых из различных источников и изысками собственного воображения и на основании этого создавал повествовательный рассказ, который, однако, не следует воспринимать как историю.

Например, нет сомнения, что Св. Гильдас в XI веке благоговел перед Гластонбери. И это по крайней мере возможно, что он проводил некоторое время там, однако



заявление Карадока о том, что Гильдас умер в Гластонбери и погребен там перед алтарем, является просто вздором. Традиции святых в Британии не только более ранние, но и более, вероятно, своеобразные. Святые лежат похороненными не у выского алтаря церкви, Св. Гильдаса-де-Руи в Морбихане, но позади него. Однако один элемент «Жизни Гильдаса» Карадока, исторически точный письменный документ, в котором связаны воедино Артур и Гластонбери.

Эта история, возможно, была рассказана в Гластонбери до того, как Карадок придал ей какую-то респектабельность, и нет сомнения, что он использовал ее пре-



имущества в своей сказке. Он рассказал, как Гильдас, входя в аббатство, обнаружил, что Мелвас, король Летней Страны, конфликтовал с Артуром из-за того, что похитил Гвиневеру и держал ее в своем замке. Как и следовало ожидать, Гильдас явился посредником в конфликте, умиротворил соперников, Гвиневера была возвращена своему хозяину, а оба властителя поклялись впредь всегда следовать советам Гильдаса и отдали большую территорию Церкви.

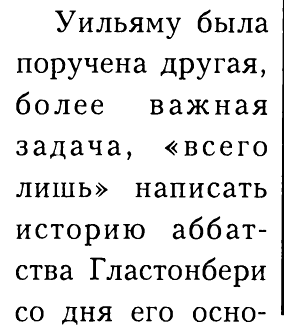
За год или два до того, как Карадок прибыл в монастырь Гластонбери, монахи пригласили Уильяма из Малмсбери для оказания аналогичной услуги. В аббатство он прибыл примерно в 1129 году

и получил задание написать Житие четырех гластонберийских святых: св. Патрика, св. Бенигнуса, св. Индрахта и св. Дунстана. Однако Уильям оказался историком и археологом в большей степени, чем агиографом, поэтому результаты его работы были не такими, как ожидали монахи. Например, Уильям не нашел доказательств того, что мощи св. Дунстана когда-либо попадали из Кентербери в Гластонбери, и не смог заставить себя притвориться, что верит в это. Похожие чувства он испытывал по отношению и к другим историям, рассказанным ему монахами Гластонбери. Однако, не желая оспаривать дорогого для его хозяев, он тем не менее

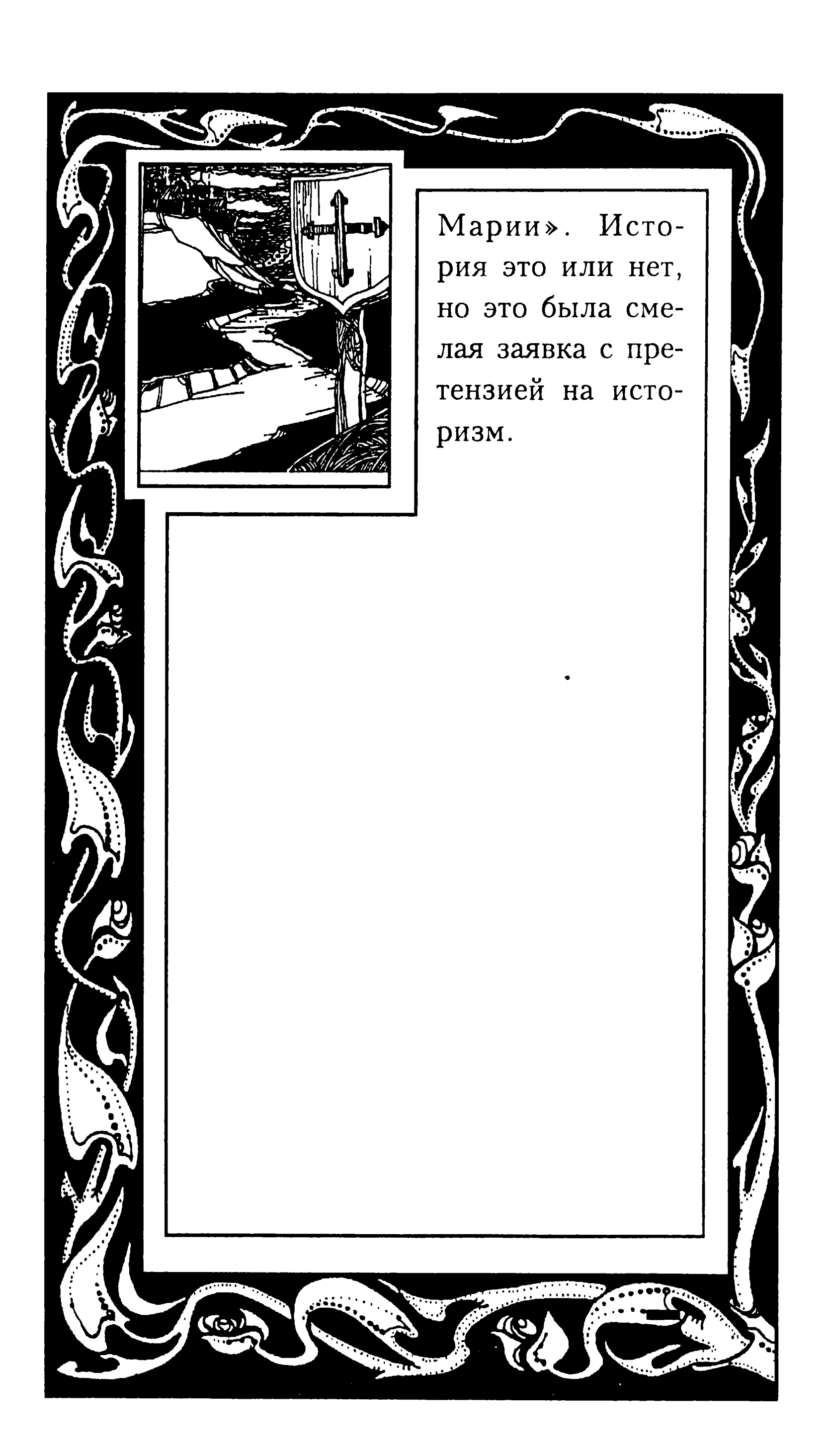
«История Гластонбери» Уильяма из Малмсбери

внимательно отделял то, во что он верил, от того, в чем не был убежден.

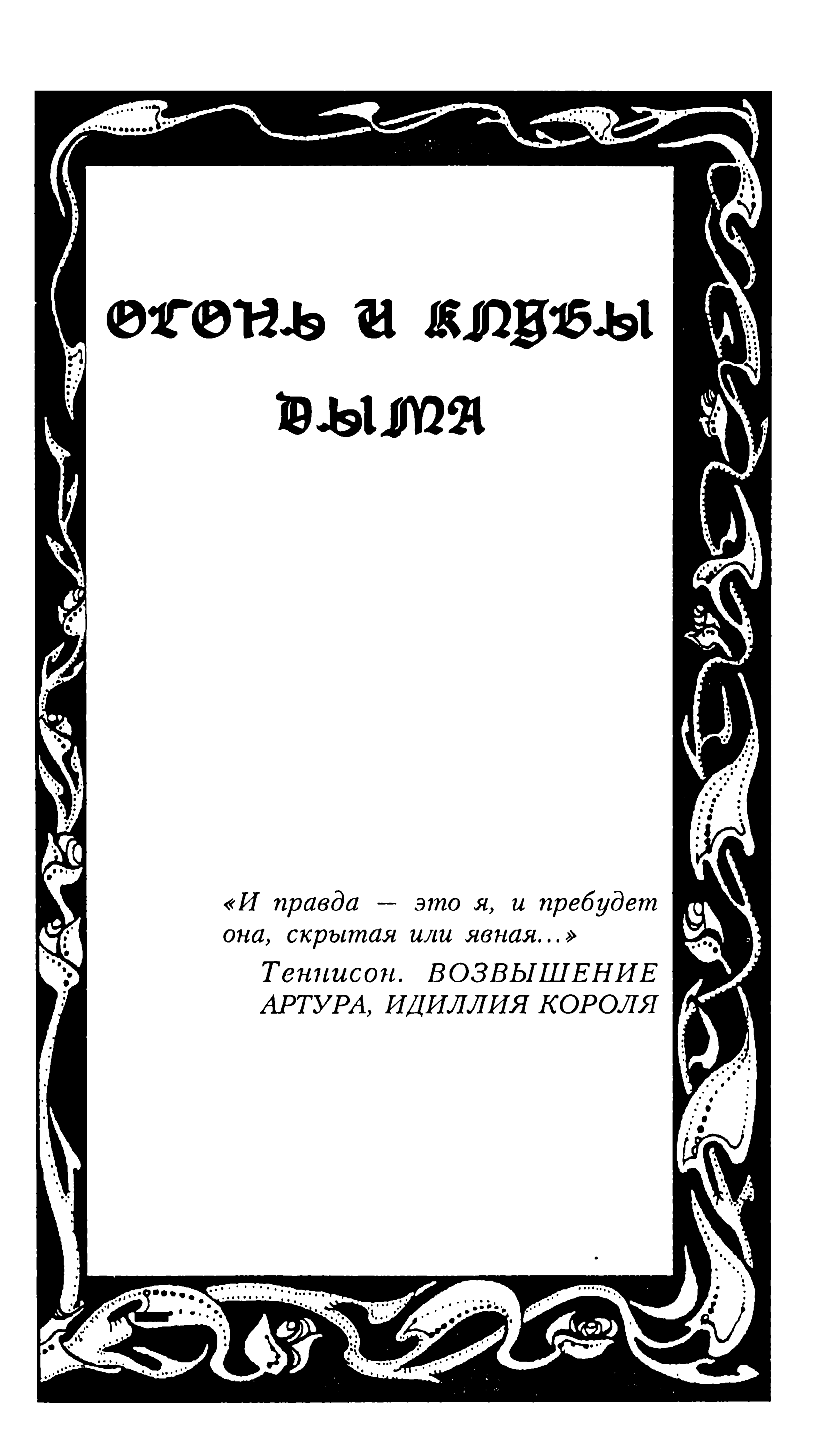
Результат, оказалось, разочаровывал монахов. В своем предисловии к знаменитой истории Гластонбери Уильям рассказывает, что ему пришлось подчинять свои Жития требованиям братии, так как «если будет замечено нечто неразумное, то оно должно быть должным образом исправлено». Обсудив книгу, монахи, наконец, пришли к выводу, что работа должна быть оценена положительно, и согласились, что «в ней ничто не оскорбляет веру или свидетельствует о недостатке милосердия». Однако вердикт свой они вынесли без энтузиазма.



Уильяму была поручена другая, более важная задача, «всего лишь» написать историю аббатства Гластонбери со дня его основания. Разумеется, при этом он снова столкнулся с проблемой предпочтения: факт или легенда? И снова вполне ясно показал, что каким-то историям монахов верит, а каким-то — нет. Однако попытался раскрыть все богатство этой истории с самого начала: предание о двенадцати учениках, посланных Апостолом Филиппом, и о том, что первые обращенные в христианство обнаружили в Гластонбери церковь, «подготовленную самим Богом для спасения человечества..., посвященную и ему самому, и святой Богородице, Деве



Марии». История это или нет, но это была смелая заявка с претензией на историзм.



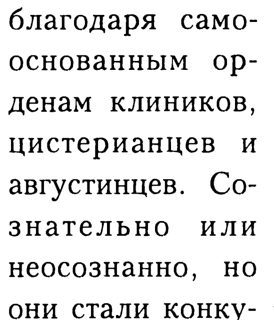
ОГОНЬ И КЛУБЫ ДЫМА

«И правда — это я, и пребудет она, скрытая или явная...»

Теннисон. ВОЗВЫШЕНИЕ АРТУРА, ИДИЛЛИЯ КОРОЛЯ

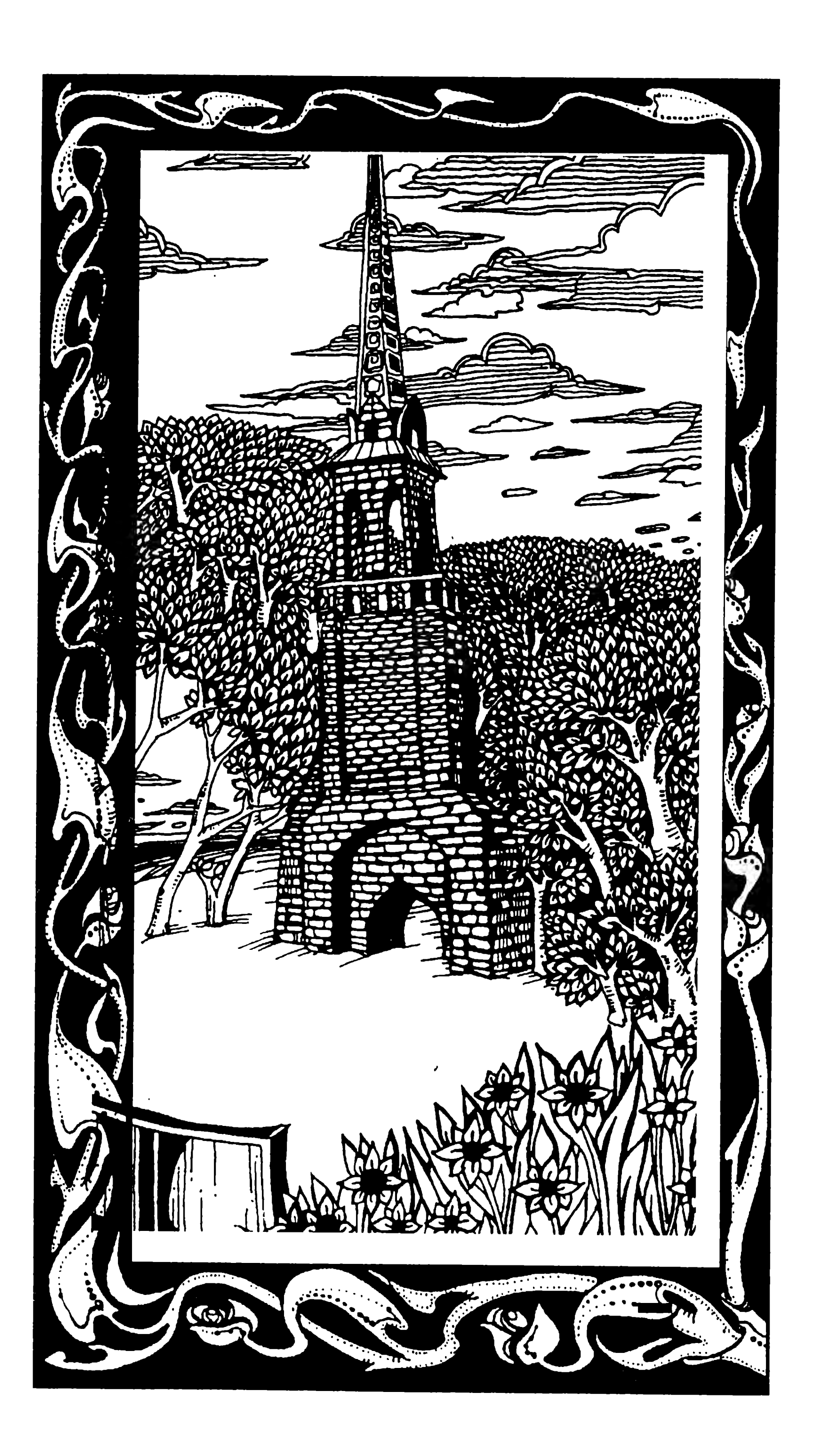
Однако очевидно, что одной истории еще недостаточно; необходимы были также и дополнительные выводы и заключения. Всего лишь в течение нескольких лет после написания Уильямом из Малмсбери «Истории Гластонбери» другие руки дописали то, что сам Уильям не счел нужным вносить в книгу, другие представили историческим фактом то, что он счел лишь легендой. Причина этих изменений была та же самая, по которой монахи сочли необходимым несколько ранее пригласить в монастырь Уильяма и Карадока: Гластонбери снова оказалось под давлением.

В XII веке начало резко увеличиваться число монастырей,

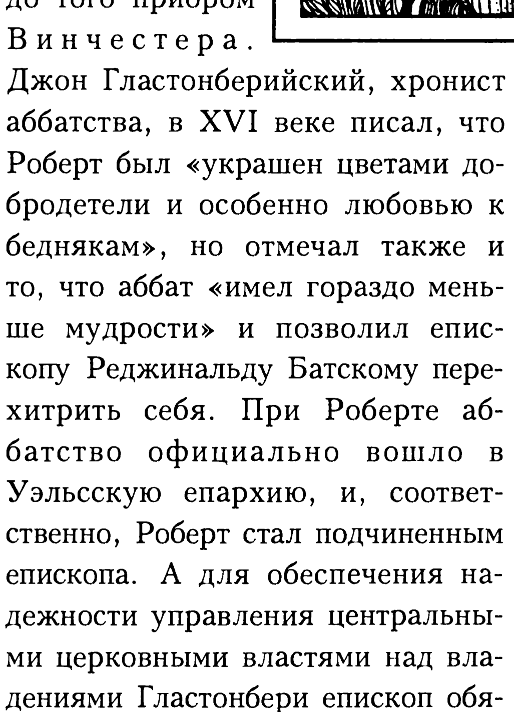


благодаря самоосновованным орденам клиников, цистерианцев и августинцев. Сознательно или неосознанно, но они стали конкурентами старинного ордена бенедиктинцев в соревновании за влияние на жертвователей и неофитов. Гластонбери в Сомерсете оказался в окружении как новых, так и уже известных монастырей-соседей, таких, как Монтакут или Уайтхэм, практиковавших более строгие и простые Уставы, или других, типа Тонтона, Брутона и Кейнсхэма, в которых были менее строгие дисциплинарные правила.

Заявления епископов Бата становились все более жесткими. По окончании правления аббата Генри



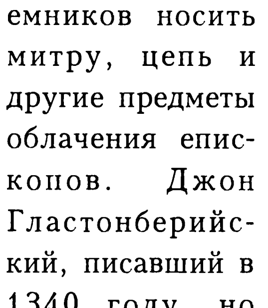
Блойсского, место это в течение года было вакантным, а затем выбор пал на Роберта, бывшего до того приором Винчестера.

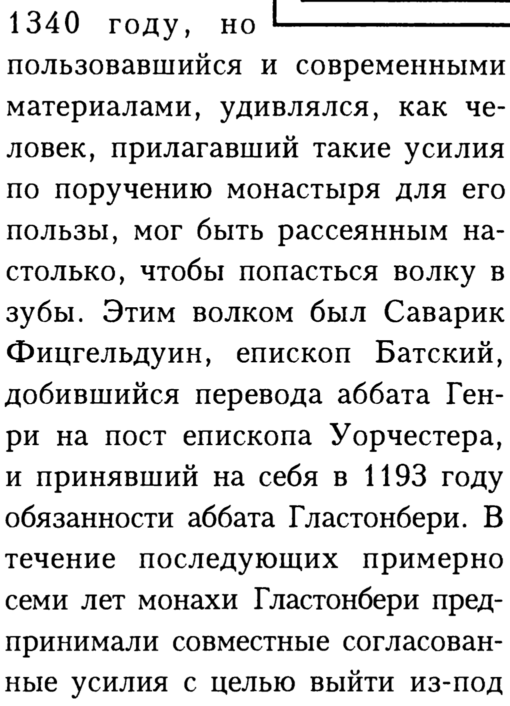


Джон Гластонберийский, хронист аббатства, в XVI веке писал, что Роберт был «украшен цветами добродетели и особенно любовью к беднякам», но отмечал также и то, что аббат «имел гораздо меньше мудрости» и позволил епископу Реджинальду Батскому перехитрить себя. При Роберте аббатство официально вошло в Уэльсскую епархию, и, соответственно, Роберт стал подчиненным епископа. А для обеспечения надежности управления центральными церковными властями над владениями Гластонбери епископ обя-

зал аббата в качестве компенсации передать церковь Южного Брента под управление архидьякона Уэльса. Первое соглашение вскоре было расторгнуто, однако церкви Пилтона и Дитчета надолго стали собственностью Уэльса.

После смерти аббата Роберта в 1180 году это место оставалось вакантным девять лет. Ознаменовались они кризисами и трагедиями. После 1189 года аббатом в Гластонбери в течение четырех лет был Генри де Салли, прежде приор монастыря Клиников в Бермондсее. Огромным успехом аббата Генри было получение разрешения от папы Целестина III в 1191 году для себя и своих пре-



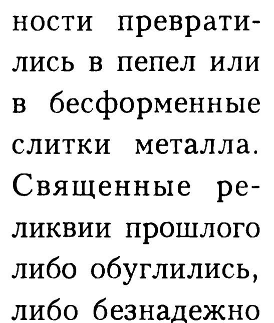


емников носить митру, цепь и другие предметы облачения епископов. Джон Гластонберийский, писавший в 1340 году, но пользовавшийся и современными материалами, удивлялся, как человек, прилагавший такие усилия по поручению монастыря для его пользы, мог быть рассеянным настолько, чтобы попасться волку в зубы. Этим волком был Саварик Фицгельдуин, епископ Батский, добившийся перевода аббата Генри на пост епископа Уорчестера, и принявший на себя в 1193 году обязанности аббата Гластонбери. В течение последующих примерно семи лет монахи Гластонбери предпринимали совместные согласованные усилия с целью выйти из-под

непрошеной опеки аббата-епископа. Дело не обошлось без насилия, и скоро монастырь оказался под отлучением; монахи были разделены между собой, и дух их пребывал в упадке. Однако братия смогла пережить не только эту, но и гораздо худшую беду.

БЕДСТВИЕ В ГЛАСТОНБЕРИ

В канун дня св. Урбана (25 мая) 1184 года опустошительный пожар разрушил строения монастыря в Гластонбери, оставив лишь кельи и церковь, построенные аббатом Робертом, и колокольню, возведенную аббатом Генри Блойсским. Золото, серебро, шелка, книги, украшения и другие цен-



ности превратились в пепел или в бесформенные слитки металла. Священные реликвии прошлого либо обуглились, либо безнадежно испортились. Не нашлось аббата, способного стать во главе братии, и стоны, плач и стенания слышны были со всех сторон.

Вскоре после пожара король, который до того в отсутствие аббата с удовольствием посещал монастырь, приказал своему постельничему Ральфу Фицстефену провести работы по восстановлению строений. Ральф справился со своей задачей настолько хорошо, что, примерно через год или два, новая Церковь Богородицы была возведена на месте старого здания. Ее построили «с отменным качест-

вом», любоваться которым мы можем и поныне. Ральф начал также восстановление и других монастырских строений — в первую очередь тех, чьи стены не разрушились, и использовал для строительства новой церкви аббатства камень от «дворца» аббата Генри и внешние стены ограды, стоящие на массивных фундаментах.

Однако требовалось восстанавливать не только разрушенные здания. Прежние реликвии аббатства следовало привести в порядок и шире обнародовать с тем, чтобы монастырь мог соперничать в притягательности с Абингтоном, Эли, Вестминстером и особенно Кентербери. На первом этапе из земли возле остатков алтаря Ста-

рой Церкви были эксгумированы тела св. Патрика, св. Индрахта и св. Гильдаса. Затем их останки поместили в соответствующие раки. Очень помогла удачная находка окованного железом деревянного ящика с драгоценными мощами св. Дунстана, с епископским перстнем на одном из пальцев. Буквы С и Д, выписанные на обоих сторонах ящика, не оставляли сомнений в его подлинности, что бы там ни говорили в Кентербери. Для хранения мощей подобающим образом была изготовлена специальная рака из золота и серебра, в ней позднее хранились также плечо и предплечье св. Освальда.

Разумеется, продолжались также и строительные работы, и к

моменту смерти Генриха II «большая часть» церкви аббатства была возведена. Затем работы по строительству почти остановились, вплоть до назначения аббатом Генри де Салли, впрочем, он не проявил большого энтузиазма в отношении строительства. Поэтому монахам пришлось взять дело в свои руки, распространяя по стране реликвии и индульгенции с целью пополнить казну аббатства. По собственному признанию, их успехи были довольно скромными. Требовалось сделать что-то более эффективное. Нет уверенности в том, откуда в Гластонбери появилась идея о короле Артуре. Возможно, ее источником послужили народные легенды,

основанные на кельтской мифологии, а также топография окрестностей и климат, с его часто меняющейся, таинственной погодой, способной у впечатлительных людей вызвать безудержный полет фантазии.

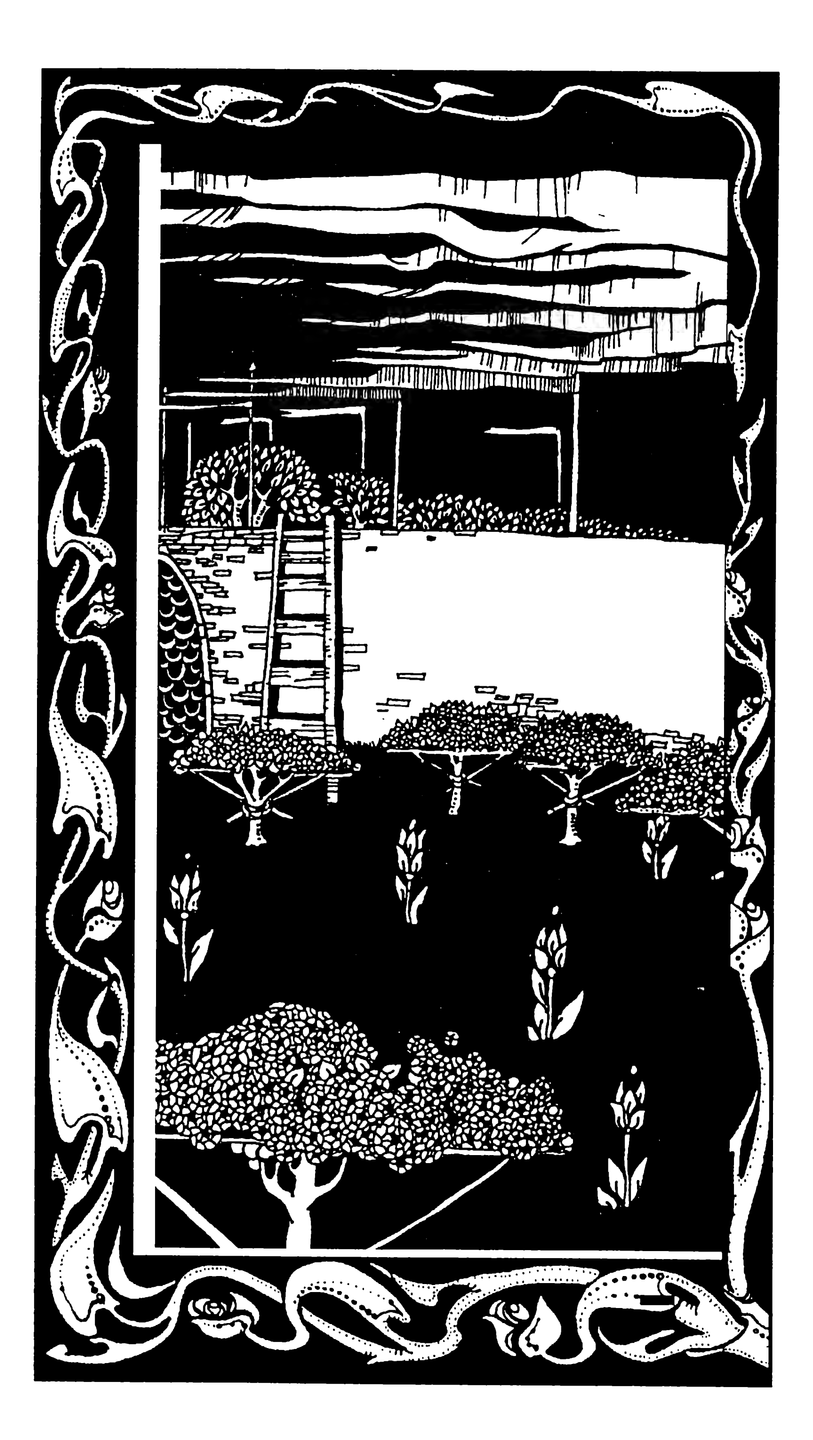
ОТКРЫТИЕ АРТУРА

Карадок из Лланфаркана, по всей видимости, был первым, кто еще в 1130 году провозгласил существование исторической связи Артура и Гластонбери. Однако Уильям из Малмсбери в своей исчерпывающей истории не упоминал Артура, и монахам более шестидесяти лет пришлось искать другие способы поддержки своего

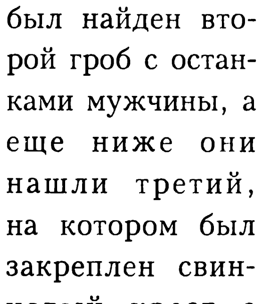
дела. Наличие реликвий св. Гильдаса, св. Давида, св. Патрика и остальных не сделало монастырь более известным и значительным. В таких условиях находка останков короля Артура была просто ловким ходом.

Вплоть до XX века по поводу открытия этих реликвий не возникало, по-видимому, никаких сомнений, хотя и очевидных свидетельств столь значительного факта не сохранилось, да и источники, близкие к описываемым событиям, во многом противоречивы. И здесь поэтому, в случае отсутствия других причин, кроются основания для подозрений.

Очевидно, что самые первые версии этой истории появились в

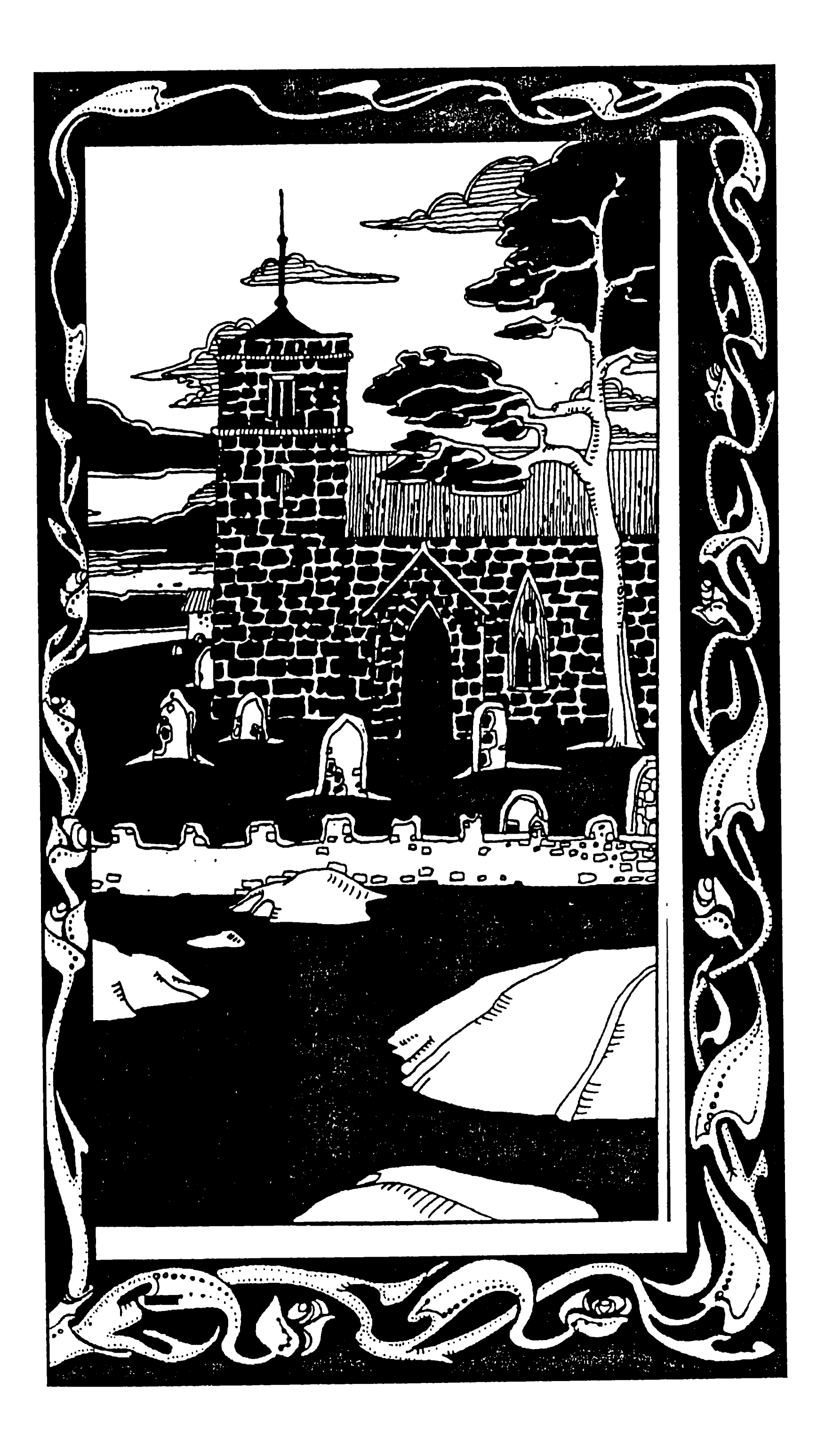


Уэльсе от хрониста аббатства Маргэм, который вполне мог узнать о событии до того, как аббатство Гластонбери отправило официальное сообщение в форме циркулярного бюллетеня. Хронист Маргэма описывает случай, когда один из монахов умолял о разрешении быть похороненным на древнем кладбище, на месте меж двух древних оснований от крестов, на которых написано несколько имен совершенно неразборчивыми письменами. Около 1191 года, когда монах умер, на указанном им месте начали копать могилу. Сначала могильщики наткнулись на гроб, в котором содержались останки женщины с сохранившимися волосами. Под ним



был найден второй гроб с останками мужчины, а еще ниже они нашли третий, на котором был закреплен свинцовый крест с надписью на латыни: «Здесь покоится прославленный король Артур, погребенный на острове Авалон». Внутри третьего гроба находились кости крупного мужчины. По заявлению хрониста, первый гроб содержал тело «Гвиневеры, жены того же Артура, во втором находились останки Мордреда, его племянника, в третьем останки вышеуказанного принца».

Вторая запись о находке сделана другим уэльсцем (кстати, а почему проницательный уэльсец так уж сразу поверил жителям Сомерсета?) — популярным писателем



и публицистом Джеральдом Уэльсским. Если монахи хотели прославить свою находку, то они сделали разумный выбор. Джеральд посетил Гластонбери в течение очень короткого времени после открытия и сделал описание и свинцового креста, который он ощупал руками, и бедренной кости, и черепа (и то и другое весьма примечательных размеров), показанные ему аббатом Генри де Салли. Однако ко времени его визита эта история заметно изменилась.

Джеральд предварил свое описание находки нападками на «известные истории» о короле Артуре, имевшие «сказочное» завершение, в которых король «удаляется

Рисунок Креста Артура, выполненный Уильямом Кэдменом (1607)

в уединенное место — туда, где смерти не существует». Разумеется, тело существовало. Джеральд заявил, что в записях аббатства имелись «намеки» на то, что тело находится в Гластонбери, и письмена, начертанные на основаниях крестов на кладбище, хотя и «почти полностью стертые временем», свидетельствуют о том же. Далее, «видения и откровения», явившиеся «святым людям и служкам»; наконец, король Генрих II лично рассказывал уэльсскому барду (снова уэльсец) о том, что тело Артура будет найдено в выдолбленной дубовой колоде в земле, на глубине шестнадцати футов, и все это заметно отличается от истории о случайном

открытии, записанном хронистом из Маргэма.

Изменилось также и содержание находки. Самой находке сопутствовали «чудесные и таинственные знамения», призванные, по-видимому, ободрить могильщиков. По описанию Джеральда, сначала в земле лежал камень, к которому был прикреплен свинцовый крест. Под ним находился гроб, только один, но разделенный; две трети в изголовье содержали останки мужчины, а одну треть в ногах занимали останки женщины с хорошо сохранившимися золотыми волосами, заплетенными в косу, обратившуюся в пыль, как только к ней прикоснулся нетерпеливый монах. Не было ни третьего тела,

ни третьего гроба. Слова, написанные на кресте, также не соответствуют тем, что описаны хронистом Маргэма: «Здесь лежит погребенный на острове Авалон знаменитый король Артур со своей любимой женой Гвиневерой».

Третий хронист, Ральф из Коггешелла, писавший примерно в 1193 году, упоминает о находке мельком. По его версии, как и по версии хрониста из Маргэма, эта находка случайна — результат желания быть похороненным в этом месте умершего монаха. И надпись на кресте не содержала никакого упоминания о Гвиневере. Два более поздних хрониста аббатства Гластонбери, Адам из Домерхэма и Джон Гластонберийский, добав-

ляли свои собственные подробности, сообщая, что было две могилы и что при раскопках крышки гробов были разложены поблизости.

По понятным причинам возникли сомнения даже по поводу надежности этих источников. Не вызывали вопросов лишь два факта. Один — наличие ямы, вырытой на монастырском кладбище между двух оснований для крестов; следы от этих раскопок были хорошо заметны при раскопках, проведенных в 1960 году. Другой факт то, что крест действительно существовал. Во времена Генриха VIII Джон Леланд держал его в своих руках. Как он писал, в длину крест имел около фута, а над-

пись на нем соответствовала той, что описана хронистом Маргэма. Антиквар Уильям Кэдмен в 1607 году опубликовал рисунок этого креста, и это единственный ключ к его надписи, а после XVII века он исчез из виду. Соответственно, сейчас его нельзя подвергнуть научным исследованиям, чтобы наверняка установить, является ли он подделкой XII века, либо он действительно изготовлен в VI веке. Однако, является он подлинником или нет, сейчас уже неважно; он «доказывал», что Гластонбери — это остров Авалон, а кости — останки Артура и этого было достаточно.

Однако на случай, если кости покажутся кому-то недостаточным

доказатсльством, хронист из Маргэма, по-видимому, предварительно просвещенный на эту тему монахами Гластонбери, включил в свой рассказ небольшое этимологическое изыскание. Гластонбери является островом Авалоном, поскольку оно в действительности расположено на острове, со всех сторон окруженном болотами, а на языке бриттов «аваль» означает «яблоко». Джеральд Уэльсский пошел дальше по этому пути и выяснил, что одно из старых названий Гластонбери — Инис Аваллон, что означает «Остров яблок»; другое название было Инис Гутрин (иначе Инисвитрин), «стеклянный», остров, кстати, саксы, когда они тут обосновались, и

составили «Гластонбери», потому что на их языке «глас» значит «стекло», а «бери» — «крепость», «город». Нужно сказать, что большинство современных этимологов не приняли бы подобной версии.

МОГИЛА КОРОЛЯ

Найденные кости Артура и Гвиневеры были перенесены в монастырскую церковь (к тому времени еще не законченную) и погребены в могиле в центре хоров, в самом сердце литургической жизни монастыря. Немногим меньше чем через сто лет могила была открыта, и это явилось важным эпизодом в тщательно подготовленном церемониале, проведенном

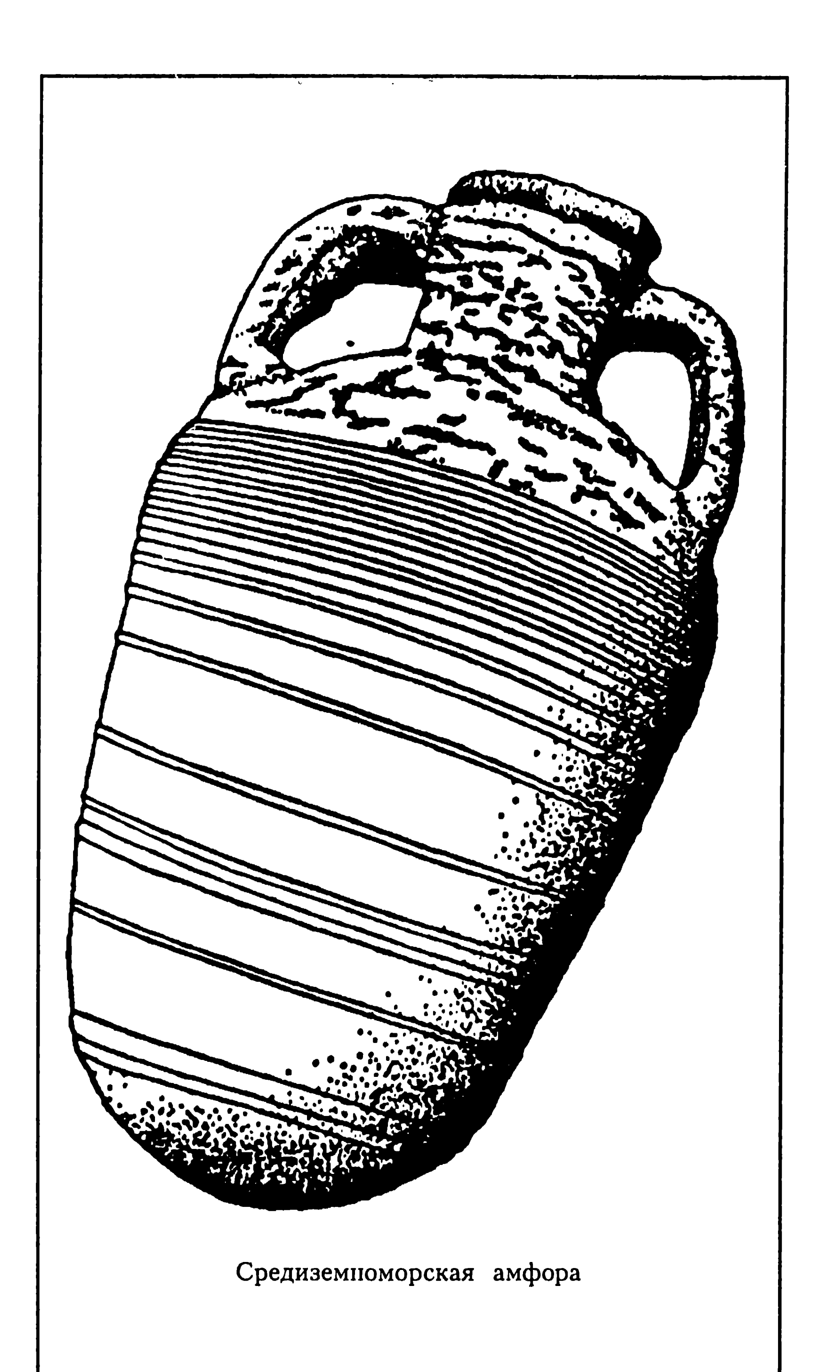
умелым аббатом Джоном из Тонтона.

Джон Гластонберийский подробно рассказывает о том, как в 1278 году юный Эдуард I и королева Элеонора, сопровождаемые кентерберийским архиепископом Килуордби, посетили монастырь, чтобы встретить в нем Пасху. Трижды, всего за несколько дней, аббат по существу смог добиться подтверждения для монастыря вольностей Двенадцати Поместий. Первый раз — отказав требованиям графа Маршалла предоставить помещения для королевской свиты; второй — взяв под свою опеку человека, нанесшего обиду королю; и в третий раз, успешно отклонив предложение о том, чтобы королевские

судьи могли проводить выездные сессии суда в аббатстве в рамках вольностей. Соответственно, им пришлось остаться снаружи, на улице. И Джон Гластонберийский не смог сопротивляться увековечиванию записанного, поскольку каноны Уэльса были введены архиепископом и стали основой. Тем самым была признана их важнейшая роль в распространении Святого Христианства в стране. Килоурдби считал, что ничего подобного не произойдет, поскольку их епископ находился в другом месте, а церемония проходила в церкви аббатства.

Итак, король оплатил расходы за свое пребывание в монастыре, и затем, в Пасхальный Четверг,

произошло церемониальное открытие могилы Артура. В ней были обнаружены две отдельные кости короля «удивительных» размеров, а также «прекрасные и тонкие» кости королевы. На следующий день царствующие король и королева обернули большинство костей в тонкие саваны, окропив их слезами, оставили открытыми лишь головы и колени, «дабы люди могли им поклониться». Могила была закрыта вновь, причем внутри осталось описание события, свидетелем которого стал весь английский королевский двор, включая графа Линкольнского и графа Савойского. Аббат Генри зарекомендовал себя великим защитником вольностей и покровителем



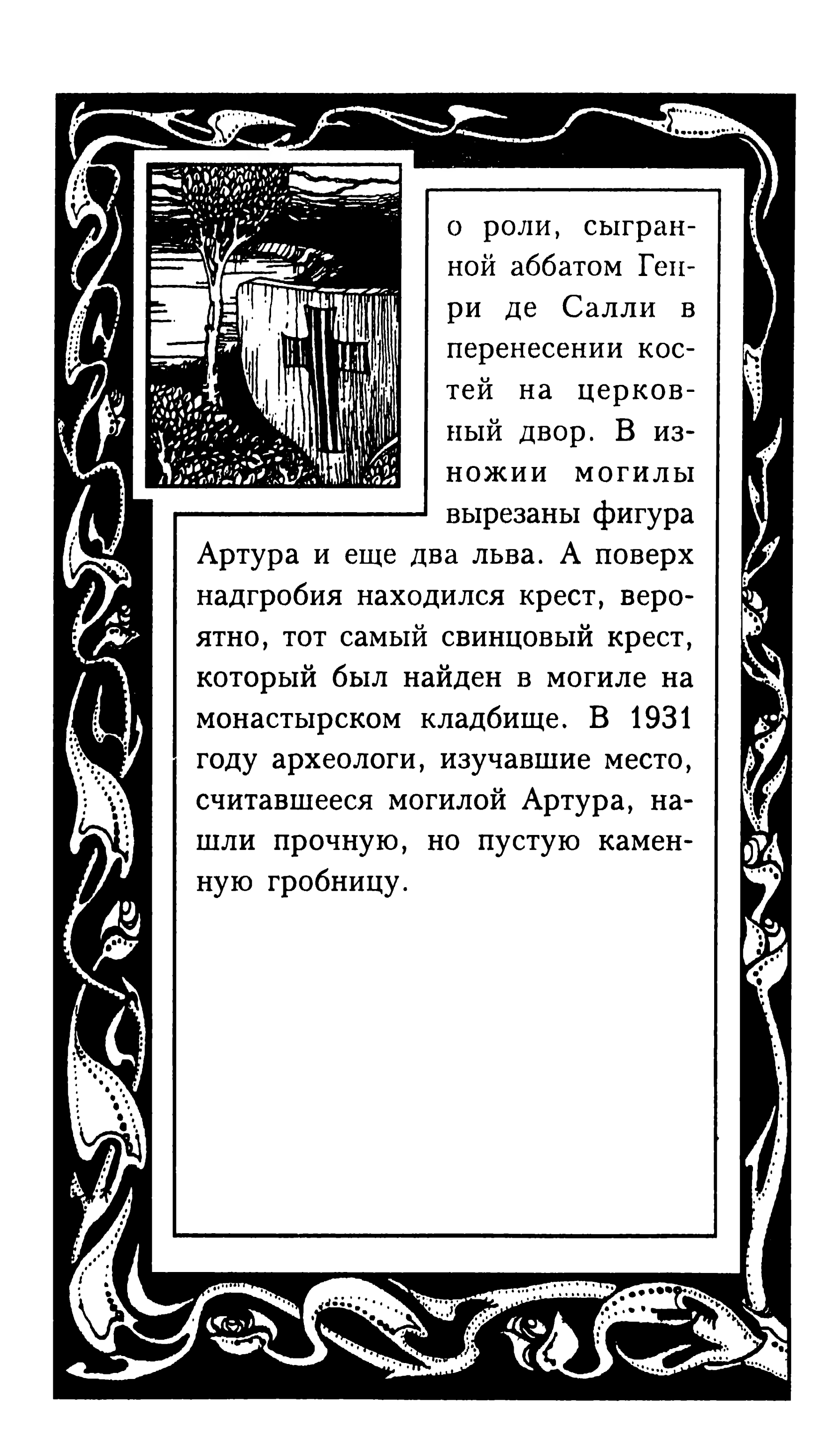
Средиземноморская амфора

героя Гластонбери.

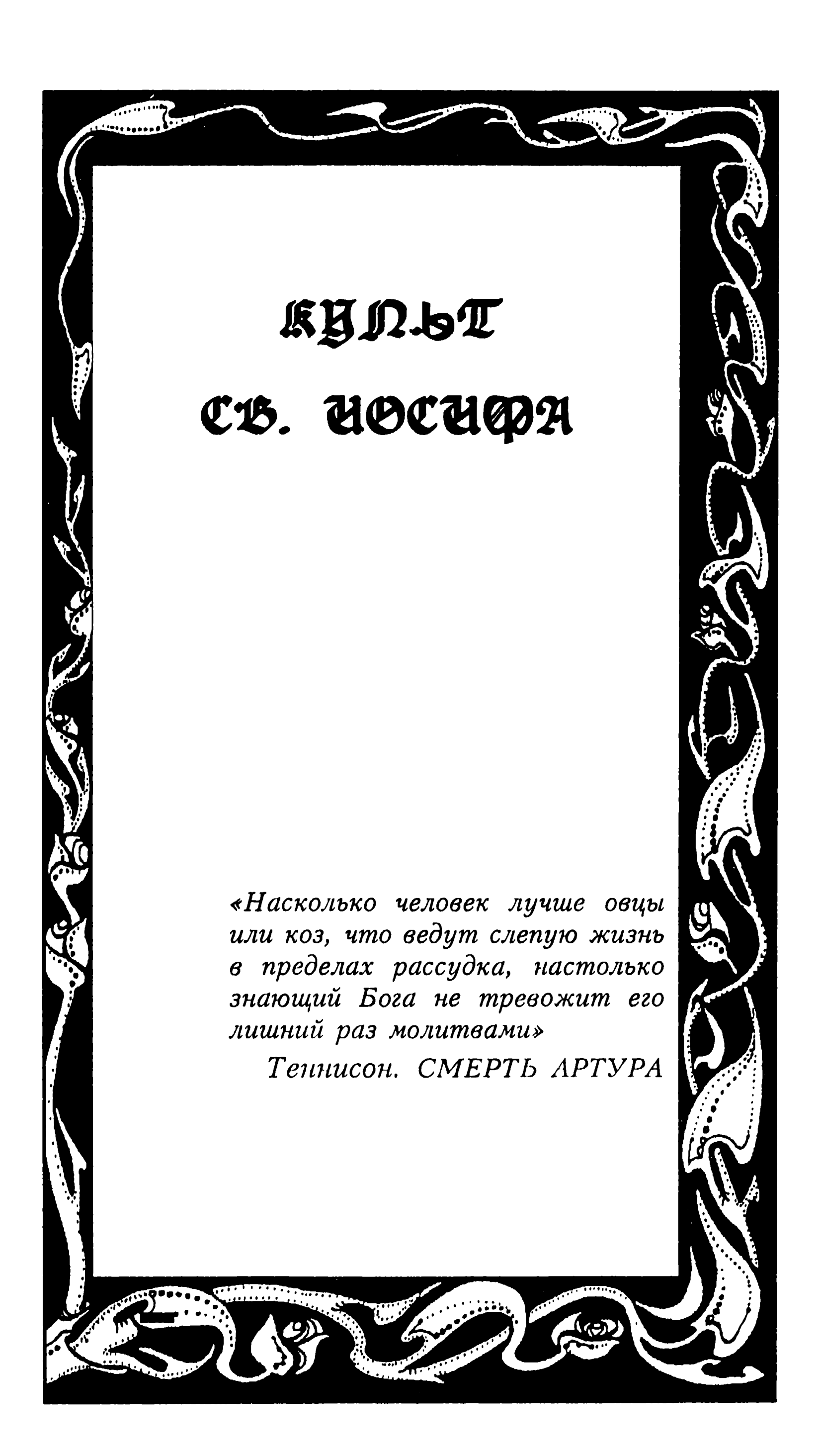
Спустя ровно двести лет Уильям Уорчестерский посетил Гластонбери. Странно, он описал углубление между двумя каменными крестами, где были найдены мощи, но в дошедших до нас записях не содержалось описания могилы в целом. Однако она все еще была там: Хьюго Форестер, ведавший раздачей милостыни в 1446—1447 годах, заплатил ризничему сумму в два шиллинга за «расчистку могилы Артура», а его преемники платили такую же сумму вплоть до Реформации. Последним из приезжих, кто имел возможность описать могилу, был Джон Леланд. Он писал, что на хорах располагались три могилы:

короля Эдуарда Старого на северной стороне, короля Эдмонда Храброго (Иронсид — Железный Бок) на южной и Артура «Arcturus» в центре. «Здесь лежит Артур, цветок среди королей, гордость королевства, чьим обычаям и учению мы воздаем вечную хвалу», — переписал Леланд с надписи на одной из сторон надгробья. А в изножии могилы Леланд прочитал и записал следующую надпись: «Здесь лежит любимая жена Артура, чьи добродетели достойны места на небесах».

Беглое описание Леланда говорит также о том, что в изголовии могилы вырезано распятие с двумя львами, и всего несколько слов



о роли, сыгранной аббатом Генри де Салли в перенесении костей на церковный двор. В изножии могилы вырезаны фигура Артура и еще два льва. А поверх надгробия находился крест, вероятно, тот самый свинцовый крест, который был найден в могиле на монастырском кладбище. В 1931 году археологи, изучавшие место, считавшееся могилой Артура, нашли прочную, но пустую каменную гробницу.



КУЛЬТ СВ. ИОСИФА

«Насколько человек лучше овцы или коз, что ведут слепую жизнь в пределах рассудка, настолько знающий Бога не тревожит его лишний раз молитвами»

Теннисон. СМЕРТЬ АРТУРА

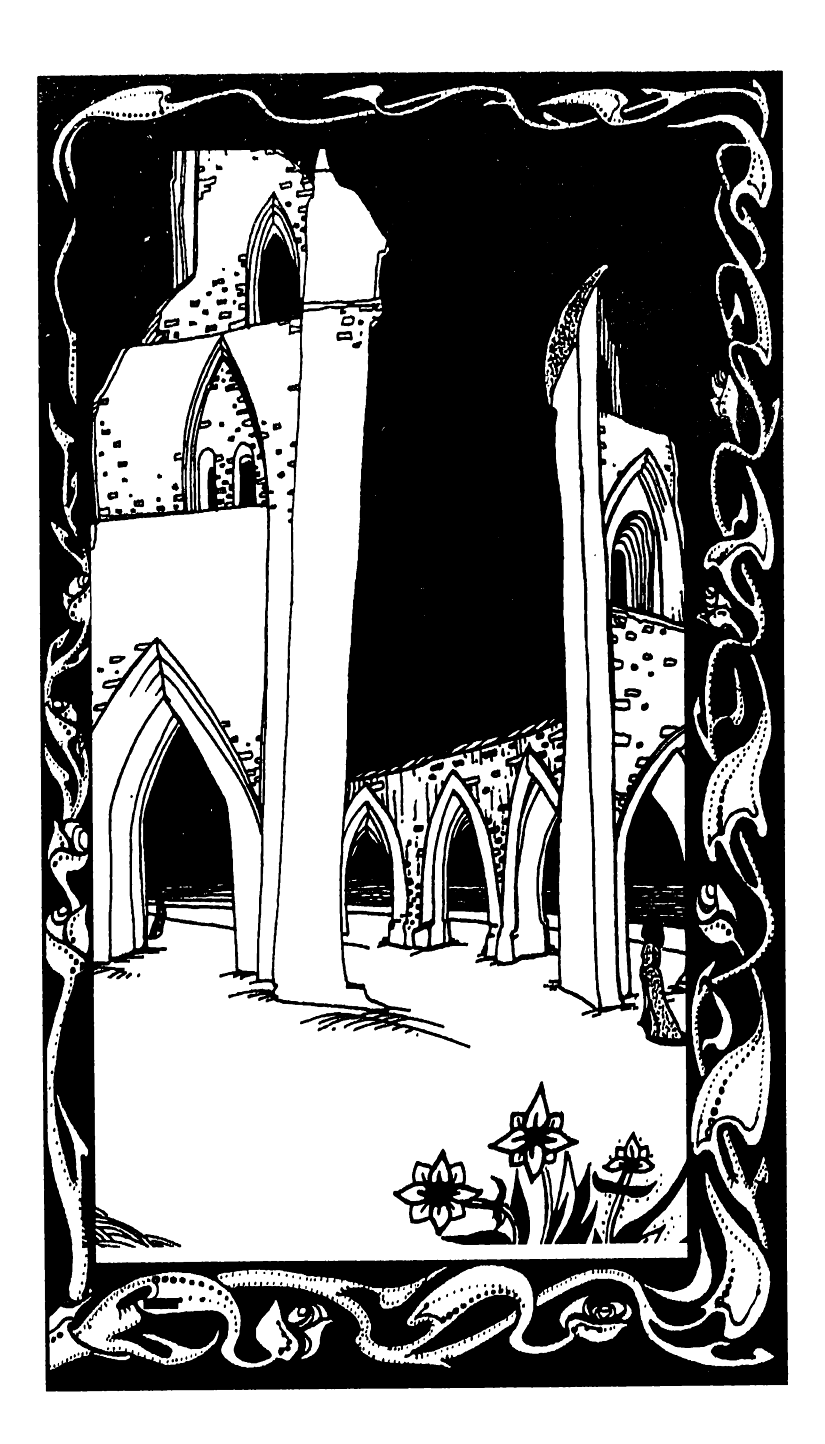
Примерно в середине XIII века, когда король Артур прочно «обосновался» в Гластонбери, история, впервые написанная Вильсельмом из Малсбери, получила новое и последнее дополнение. Это было повествование о том, как Иосиф Аримафейский, поставленный Апостолом Филиппом во главе группы из двенадцати его учеников, был направлен нести слово Божье в Британию. Здесь по воле Архангела Гавриила он построил в Гластонбери церковь во имя Богородицы. Пометка на полях возле этого дополнения сообщает, что Иосиф прибыл в Британию со своим сыном Джозефом, который умер в Гластонбери. Читателей отсылали к книгам «Дея-

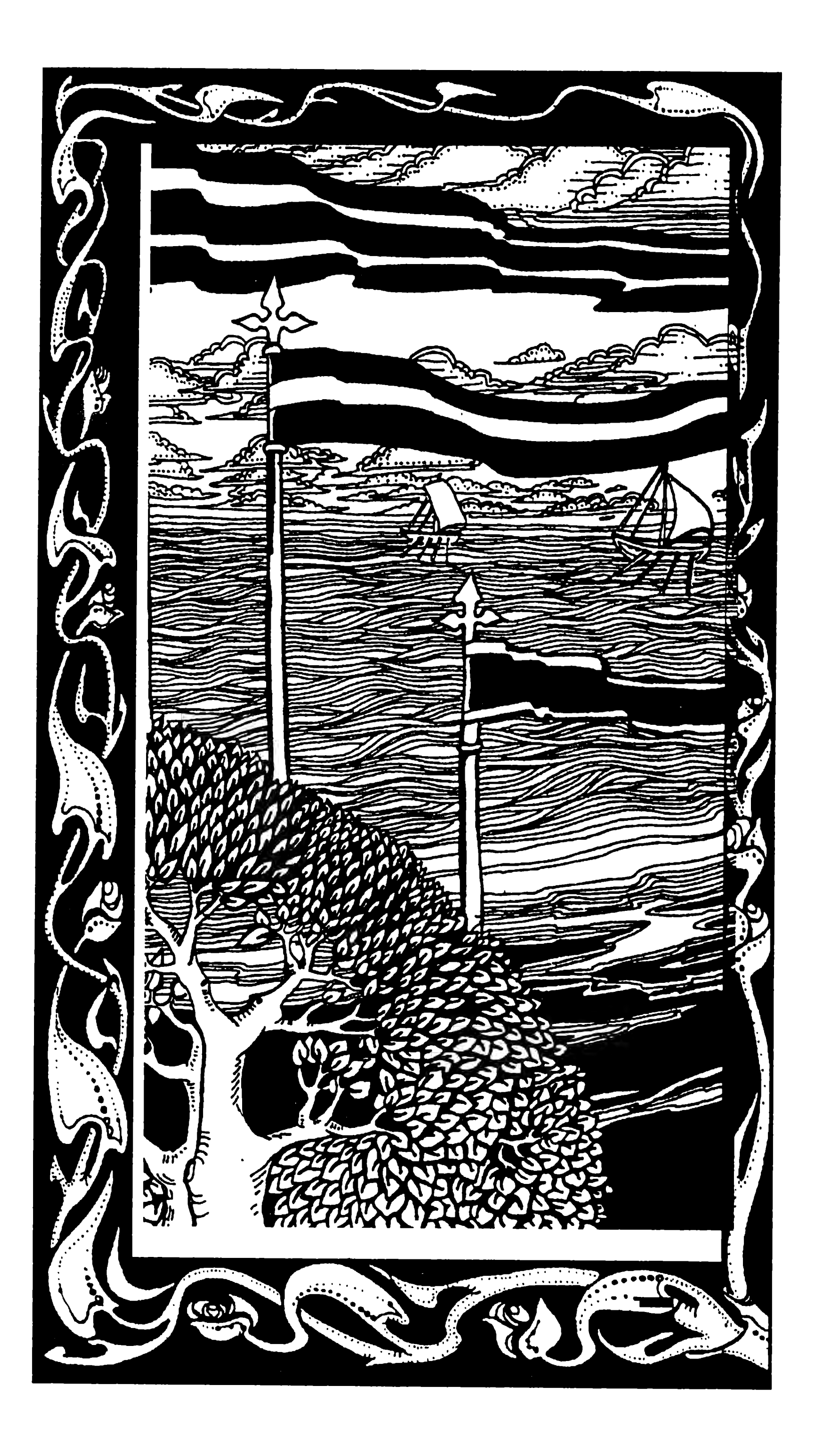
ний славного короля Артура», к «Поискам Ланселота Озерного» и к «поискам чаши, которую они называли Святой Грааль».

Столетием позже Джон Гластонберийский написал более детальную историю, которая начинается с заявления о том, что, согласно «Книге Мелкина», Иосиф похоронен в Гластонбери в мраморной гробнице «на второй развилке к югу от угла часовни, сделанной из плетня» и что в этой гробнице находятся два сосуда с кровью и потом Господа Нашего. Затем, используя известную книгу «Евангелие от Никодима», Джон описывает некоторые предыдущие примечательные деяния Иосифа: о том, как, будучи арестованным за

погребение тела Иисуса, он был чудесным образом освобожден из темницы ангелом; как он и его сын стали учениками Апостола Филиппа и о том, как он стал очевидцем Успения Девы Марии. И затем как по требованию Филиппа отправился в Британию и в Гластонбери.

Здесь Джон Гластонберийский добавляет удивительную историю из другого источника: книги под названием «Святой Грааль». Эта история повествует о том, как 600 и более мужчин и женщин, последовавших за Иосифом и Джозефом, приняли обет целомудрия до той поры, пока они не достигнут земли, указанной им. Обет нарушили все, кроме 150, но верные





последователи смогли в ночь Воскресения Господа Нашего пересечь море на рубашке Иосифа. Когда же и остальные раскаялись, то были подобраны на корабль, сделанный Царем Соломоном и сохраненный специально для этой цели. Так Иосиф и Джозеф со своими последователями достигли Инисвитрина, Острова Стекла.

Начиная с этого момента следует очень точно придерживаться Джона Гластонберийского. Он говорит, что смерть Иосифа Аримафейского описана в «Книге деяний славного короля Артура», в той ее части, где повествуется, как рыцари Круглого Стола искали славного рыцаря по имени Ланс-

лот Озерный. По словам Джона, в той же части книги описан волшебный сосуд, изменявший цвет и вкус напитка (как сказал Гавэйну отшельник), и история о Белом Рыцаре, объяснившем в начале поисков Святого Грааля Галахаду тайну его чудесного щита.

Таким образом в Гластонбери прочно обосновался и Иосиф Аримафейский, но чтобы сделать его исторически более достоверным, он был представлен предком Артура. Выстроилась следующая генеалогия: Алайн, племянник Иосифа, породил Джозию, а Джозия Аминадабский был предком Игерна в пятом колене, «от которого был рожден король Утер Пендрагон,

отец благородного и славного короля Артура». А чтобы создать дополнительную достоверность, было заявлено, что Петр, кузен Иосифа и король Органии, породил Эрлана и далее, через четыре поколения, — Лота, который женился на сестре Артура и был отцом Гавэйна.

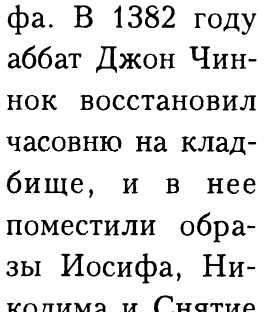
Иосиф одновременно оказался и основателем Гластонбери, и предком славнейшего из его сынов. Но не было установлено никакой связи между аббатством и Святым Граалем. Грааль сам по себе был христианской формой волшебной исцеляющей чаши из кельтского фольклора. Он стал священной чашей Тайной Вечери, которую Иосиф вымолил у Пила-

та, чтобы собрать капли крови Господа нашего, падавшие с Креста; отсюда и следует то, что для некоторых эта чаша — Чаша Тайной Вечери. Рыцарские романы рассказывают о том, как Иосиф привез Грааль с собой в Британию, его видели король Артур и рыцари Круглого Стола, он был предметом их поисков. В романах иногда упоминается Авалон, но — и это очень важно — Гластонбери никогда не заявляло, что имеет какое-либо отношение к Святому Граалю. Вместо этого здесь существовала традиция «кувшинчиков». Такое заявление не только давало Гластонбери напрямую без препятствий место первой христианской миссии в Британии, но и де-

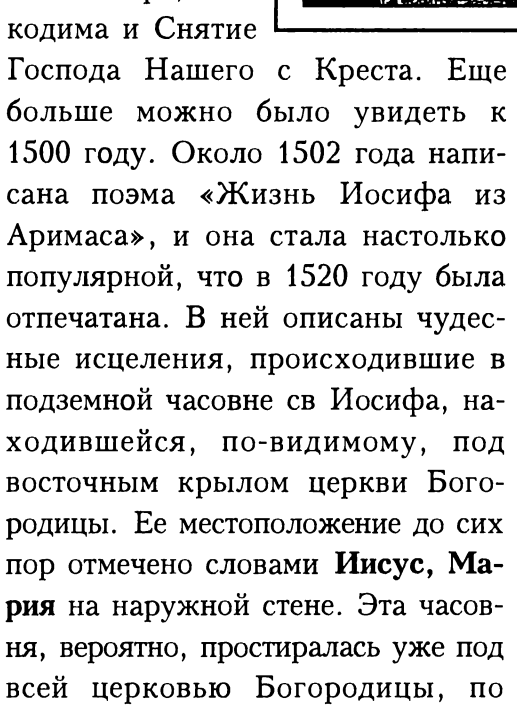
лало его также причастным к событиям Распятия Христа.

На такой вызов ничего не могло ответить даже Кентербери. Он давал аббату Гластонбери право старшинства среди его собратьев в Британии и на международном уровне, например в XV веке, когда Франция провозгласила старшинство сил св. Марии Магдалины, Марты и Лазаря, которые, по их словам, проповедовали в Провансе и Испании, поскольку ее обращал в христианство св. Джеймс. Англия одержала победу благодаря гластонберийской традиции св. Иосифа.

В Гластонбери к концу XIV века появилось больше материальных свидетельств культа св. Иоси-

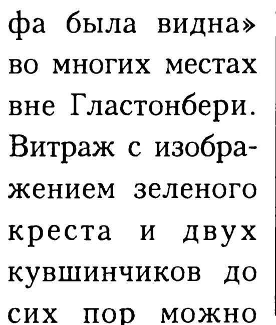


фа. В 1382 году аббат Джон Чинок восстановил часовню на кладбище, и в нее поместили образы Иосифа, Никодима и Снятие Господа Нашего с Креста. Еще больше можно было увидеть к 1500 году. Около 1502 года написана поэма «Жизнь Иосифа из Аримаса», и она стала настолько популярной, что в 1520 году была отпечатана. В ней описаны чудесные исцеления, происходившие в подземной часовне св Иосифа, находившейся, по-видимому, под восточным крылом церкви Богородицы. Ее местоположение до сих пор отмечено словами **Иисус, Мария** на наружной стене. Эта часовня, вероятно, простиралась уже под всей церковью Богородицы, по



мере того, как росла популярность культа. Так невольно было уничтожено лучшее археологическое доказательство происхождения Гластонбери!

Уильям Добрый, умерший иезуитом в изгнании в Неаполе (расстриженный из ордена Иезуитов и умерший в Нейплсе) в 1586 году, в своих записках писал о том, как в 1535 году восьмилетним мальчиком прислуживал в алтаре часовни св. Иосифа. Он вспоминал также, как часовня была разрушена при расформировании монастыря. К этому времени, благодаря преданности аббата Ричарда Бера (аббат в 1493—1524), который вполне мог создать и тайные часовни, «рука св. Иоси-



фа была видна» во многих местах вне Гластонбери. Витраж с изображением зеленого креста и двух кувшинчиков до сих пор можно видеть в алтаре церкви св. Джона в Гластонбери. Кресты и кувшинчики увековечили работу аббата Бера и внутри, и снаружи церкви св. Бенингуса в Гластонбери, и на задней стороне его дома в Шарфаме. Такой же орнамент вырезан на спинках скамей в церкви Северного Кэдбери, а сам святой изображен на стекле витража в церкви Лангпорта и на щите города Плаймтри (Девон).

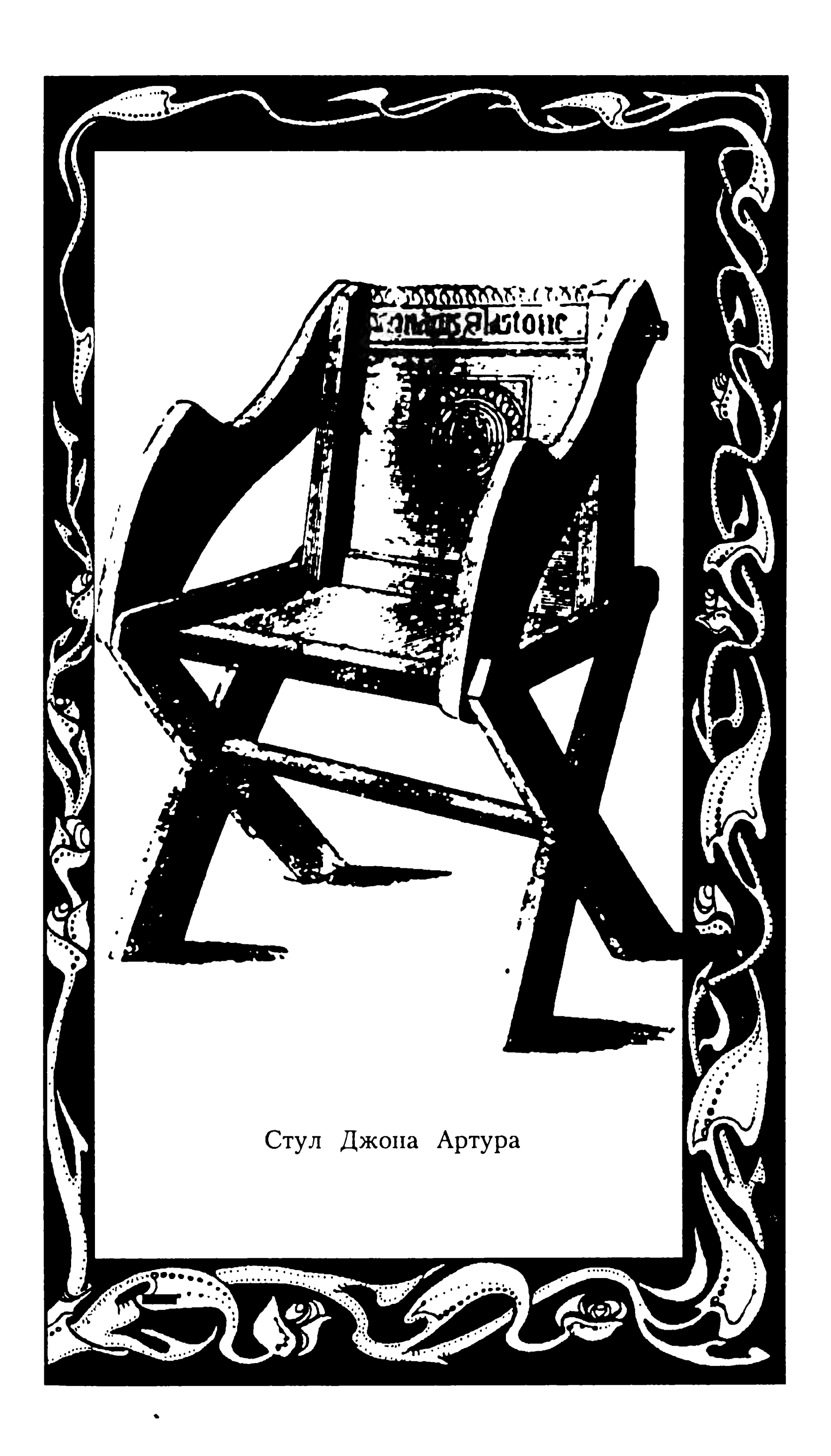
Образ св. Иосифа и церковь, в которой он находился, были разрушены вместе с остальным аббатством в 1539 году, однако исто-

рию о Граале и о поисках продолжали помнить. В XVIII веке были обнаружены особые целебные свойства вод источника у песчаной гряды в известняках Среднего Лайса в долине ниже холма Тор. На улице Магдалины открыли курорт, и люди снова начали стекаться в Гластонбери. В начале XX века эти же самые воды положили начало новой фазе постоянно возобновляющейся истории.

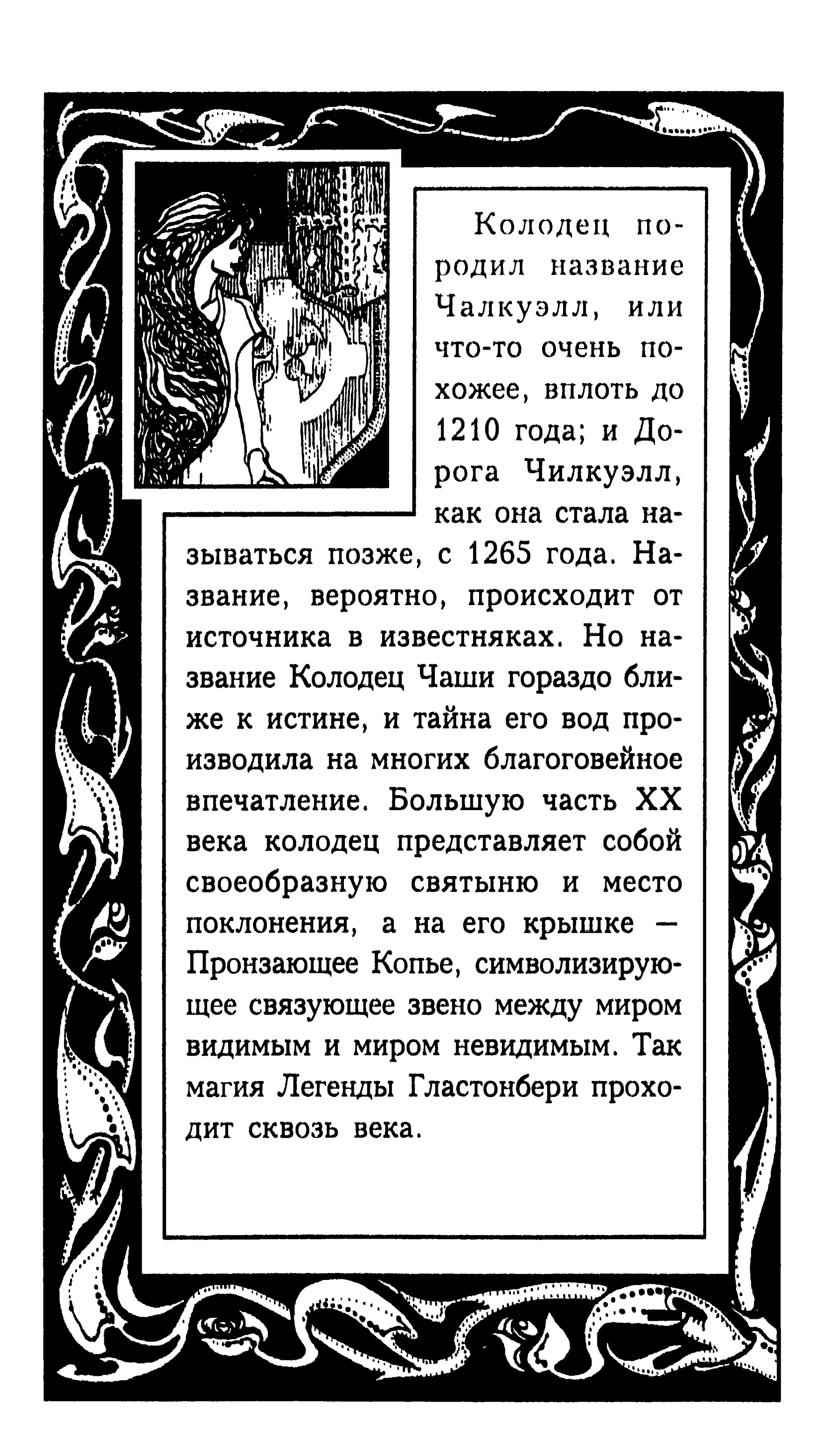
В конце своего романа «Смерть Артура» сэр Томас Мэлори повествует о том, как Ланселот отступил в долину между холмами у Гластонбери; долину, описанную, но не названную в великом рыцарском романе о Граале. Не может

ли это место быть тем, где лежит Чаша Тайной Вечери? Или камни шахты колодца в Чалис Вэлл перестали быть красными?

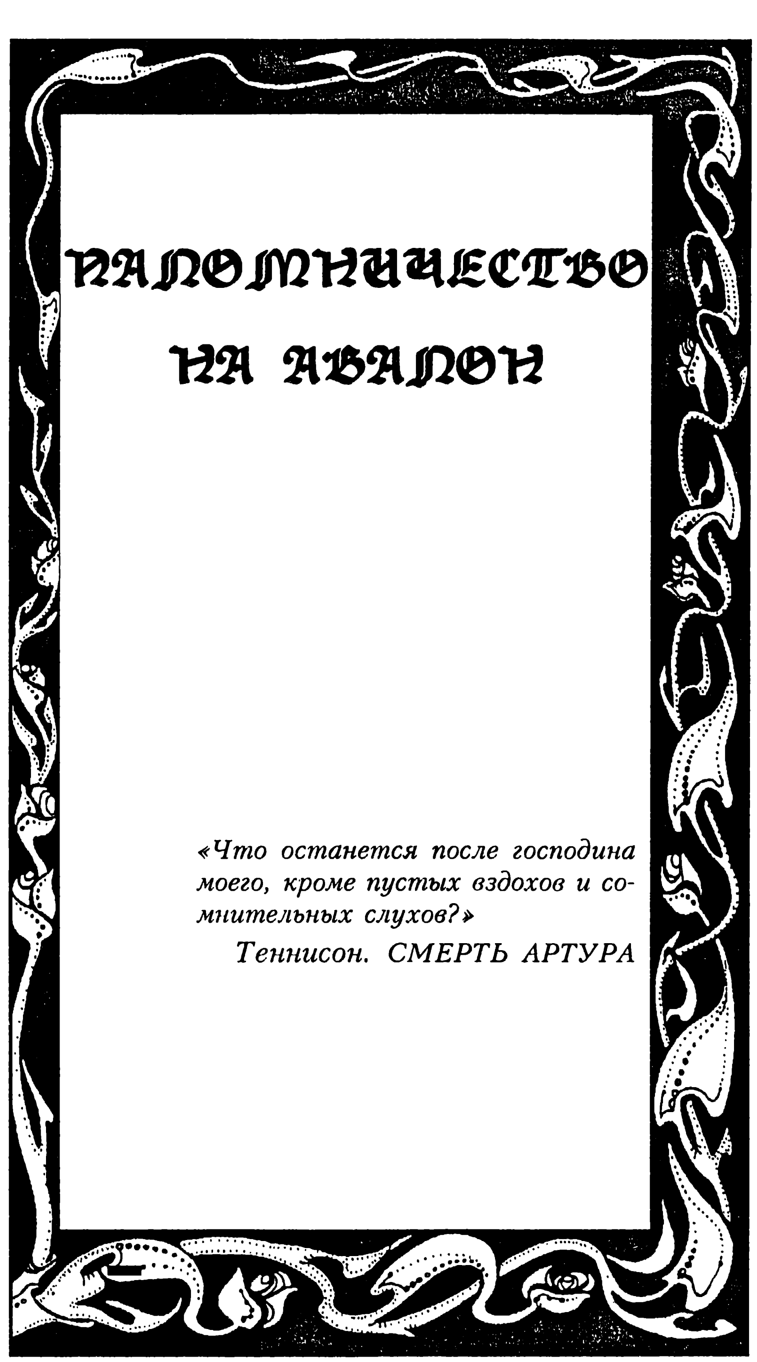
Эту шахту тщательно изучали археологи и согласились, что кубические блоки, из которых она сделана, одинаковы с теми, что применялись при строительстве в аббатстве в XII веке. Поэтому не исключено, что колодец был построен с целью улучшить водоснабжение аббатства после пожара в 1184 году и что это сделали в 1220. Было ли строение в то время отдельной постройкой для защиты колодца, или нечто большим, чем то, что представляет из себя сейчас и чем считается?



Стул Джона Артура



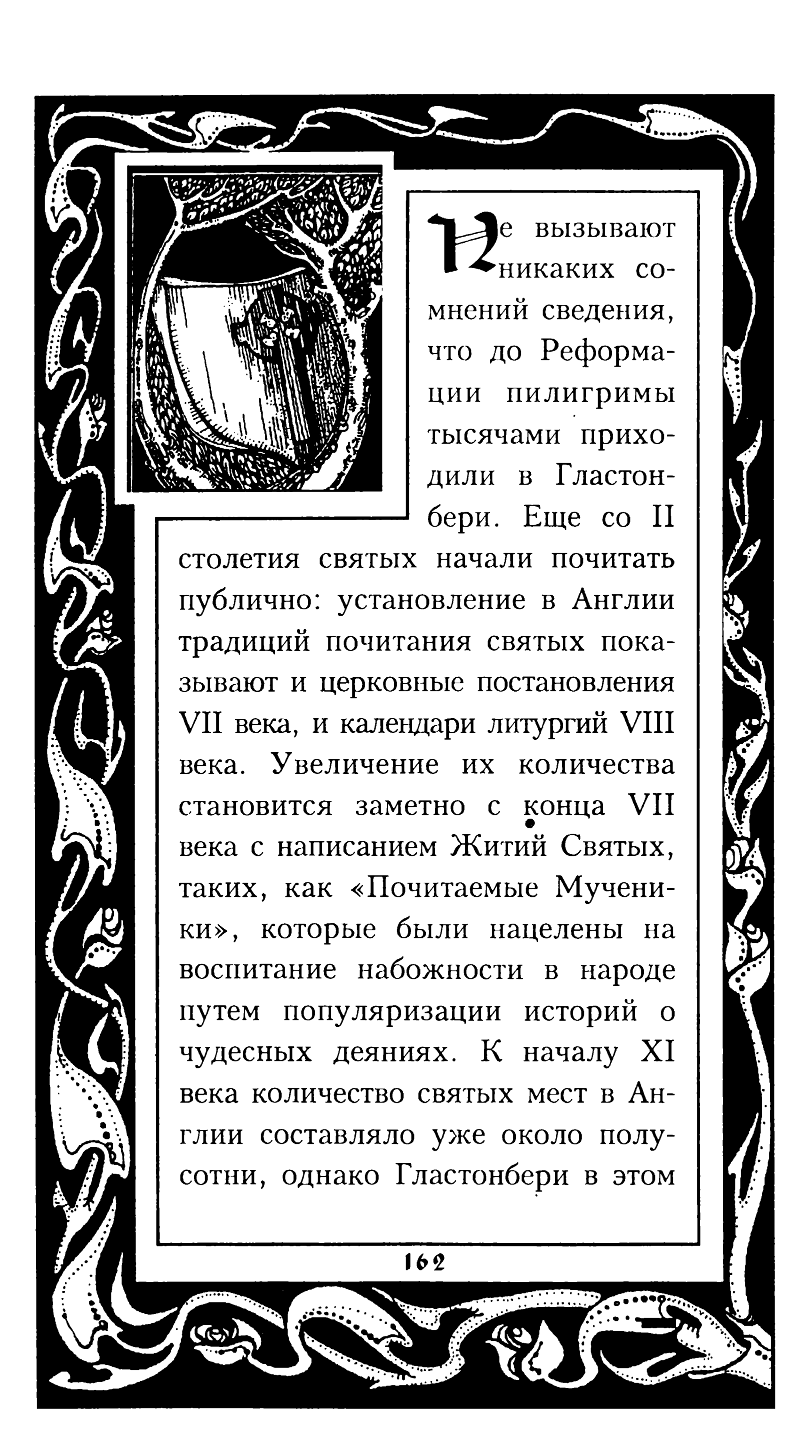
Колодец породил название Чалкуэлл, или что-то очень похожее, вплоть до 1210 года; и Дорога Чилкуэлл, как она стала называться позже, с 1265 года. Название, вероятно, происходит от источника в известняках. Но название Колодец Чаши гораздо ближе к истине, и тайна его вод производила на многих благоговейное впечатление. Большую часть XX века колодец представляет собой своеобразную святыню и место поклонения, а на его крышке — Пронзающее Копье, символизирующее связующее звено между миром видимым и миром невидимым. Так магия Легенды Гластонбери проходит сквозь века.



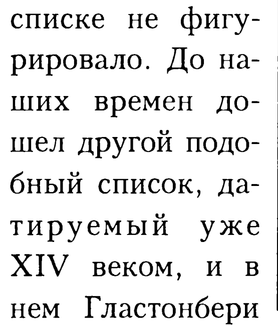
ПАЛОМНИЧЕСТВО НА АВАЛОН

«Что останется после господина моего, кроме пустых вздохов и сомнительных слухов?»

Теннисон. СМЕРТЬ АРТУРА



Не вызывают никаких сомнений сведения, что до Реформации пилигримы тысячами приходили в Гластонбери. Еще со II столетия святых начали почитать публично: установление в Англии традиций почитания святых показывают и церковные постановления VII века, и календари литургий VIII века. Увеличение их количества становится заметно с конца VII века с написанием Житий Святых, таких, как «Почитаемые Мученики», которые были нацелены на воспитание набожности в народе путем популяризации историй о чудесных деяниях. К началу XI века количество святых мест в Англии составляло уже около полусотни, однако Гластонбери в этом



списке не фигурировало. До наших времен дошел другой подобный список, датируемый уже XIV веком, и в нем Гластонбери занимает достойное место.

Вильям из Малмсбери и Карадок из Лланкарфана разными способами помогали становлению Гластонбери как святыни; а стремление монахов защитить свое аббатство привело к тому, что была собрана коллекция реликвий и записей иногда сомнительной достоверности. Королевское покровительство еще со времен саксов делало его крупнейшим в Сомерсете землевладельцем и, по некоторым оценкам, превращало в богатейший монастырь Англии. Были установлены Вольности Гластонбе-

ри, и епископы Бата и Уэльса потеряли возможность вмешиваться в дела Двенадцати Поместий — сердца владений Гластонбери. Но, помимо всего этого, величественные здания аббатства располагались на священнейшей во всей стране земле, в которой лежали тела святых. Эти свидетельства возвращают нас к самым первым дням христианства и в Британии, и вне ее.

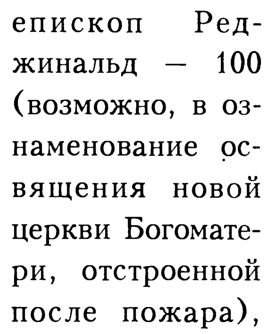
В соответствии с чудесной хартией св. Патрика Гластонбери приобрело право предоставлять паломникам большие привилегии в получении индульгенций; св. Фаган и св. Дерувиан дали право на десяти- и даже тридцатилетнее освобождение от чистилища, которое

Anno post passione do-
mini· xxxi· duodeci sci ex quib;
Joseph ab arimathia prim9 erat huc
venerunt· qui ecciam hui9 regni prima in hoc
loco costruxerunt· qui xpe i honor sue matris & locu p
eoru sepultura psencialit dedicavunt· sco david meneu
ensiu archiepo hoc testante· Cui dns ecciam illa dedica
re disponenti in sopnis apparuit & eu a proposito revo
cavit· necno i signu qd ipe dns eciam ipam prius cu
cimiterio dedicavat manu epi digito pforavit & sic p
forata multis videntib; i crastino apparuit· postea vo ide
epc dno revelante ac scor numero in eade crescente: quenda
cancellu i orientali parte huic ecce adiecit & i honore
scte virginis cosecravit· cui altar iestimabili
saphiro i perpetua hui9 rei meoria isignivit·
Et ne loc aut qntitas prioris ecce
p tales augmetacoes obli
vioni tradat erigit
hec columpna i linea p
duos orientales agulos
eiusde ecce vs meridiem p
tracta & pdictu cacellu ab ea abscin
dente· Et erat ei9 logitudo ab illa linea vs oc
cidente· lx· pedu· latitudo vo ei9 xxvi· pedu·
distancia centri isti9 columpne a puncto me
dio int pdictos angulos· xlviii· pedum·

Латунная табличка с креста, что стоял некогда возле северной стены Церкви Богоматери, Гластонбери

подтвердил Папа Элеутериус; двенадцатилетнее спасение от чистилища принес св. Патрик — булла Папы Целестина, а кроме того, тем, кто взойдет на Тор, — еще тридцать лет, также благодаря св. Фагану и св. Дерувиану.

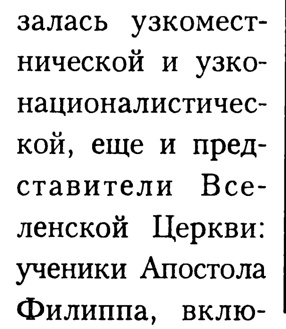
В 1247 году писцы, разобрав различные грамоты и хартии о привилегиях, собрали список Дней Индульгенций, представленных в этих документах и которые позднее были потеряны, хотя Папа Иннокентий III принял и утвердил этот список еще между 1198 и 1216 годами. Древнейшая из 17 хартий, была, вероятно, подделанна тайно св. Дунстаном и давала право на 100 дней индульгенции. Архиепископ Ланфранк пожаловал 30 дней,



епископ Реджинальд — 100 (возможно, в ознаменование освящения новой церкви Богоматери, отстроенной после пожара), епископ Саварик — 100 дней; епископ Джоселин — 30 дней. Поддельные это были грамоты и хартии или нет, но у пилигримов была причина стремиться в Гластонбери.

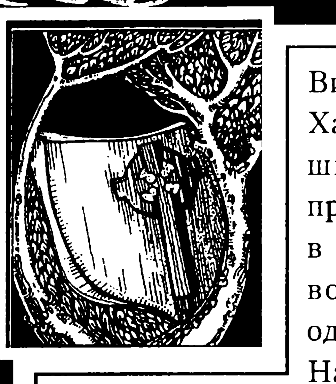
А когда пилигримы прибывали в монастырь, их не ожидало разочарование: здесь было на что посмотреть. Как писал Джон Гластонберийский: «...каменные парапеты по сторонам алтаря и сам алтарь настолько заставлены реликвиями и мощами в раках, что через храм, кладбище и кладбищенскую часовню трудно пройти,

не наткнувшись на прах благословенных». Равным образом аббатство служило и местом упокоения многих святых. Здесь были похоронены св. Патрик, св. Дунстан, св. Гильдас и другие, с кем неразрывно связано прошлое Гластонбери. Здесь же лежали тела святых, собранные саксонскими королями и вельможами и переданные аббатству еще со времен Айна, такие, как Эйден, Павлиниус — святой великомученик, епископ Бенедикт, аббатиса Хильда из Уитби — все это яркие звезды северного христианства. Здесь же покоились тела св. Давида (переданное монастырю знатной дамой) и св. Ильтуда — святителей Уэльса. А чтобы эта коллекция не пока-

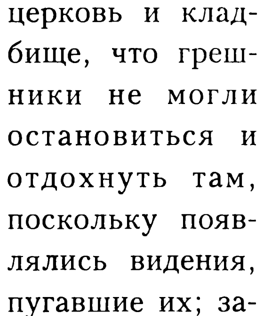


залась узкоместнической и узконационалистической, еще и представители Вселенской Церкви: ученики Апостола Филиппа, включая св. Иосифа Аримафейского, св. Урбан — Папа и мученик, св. Аполлинарий — ученик Апостола Петра, св. Винсент — протомученик Испании. Ну и, разумеется, здесь покоились останки короля Артура и Гвиневеры.

Реликвии должны быть, как оно и было на самом деле, частичными и «личными».Здесь хранились части посохов Моисея и Аарона из времен Ветхого Завета, немного манны небесной, собранной в пустыне, частица могилы Исаака. Из Нового Завета здесь были пеленки и ясли из



Вифлеема, часть Ханаанского кувшина, который превращал воду в вино, множество фрагментов одежды Господа Нашего и реликвии, относящиеся к его Восхождению, включая часть Тернового Венца и частицу земли из дыры от Креста на Голгофе. Здесь были личные реликвии Девы, Апостолов, мучеников, исповедников и святых Дев, список которых длился бы бесконечно. Да, Гластонбери было святым местом, местом, избранным королями и принцами: «...знатнейшие люди нашей страны... скорее предпочтут дождаться Судного Дня и воскрешения из мертвых в стенах монастыря Гластонбери... чем где-либо еще». Настолько святыми местами были



церковь и кладбище, что грешники не могли остановиться и отдохнуть там, поскольку появлялись видения, пугавшие их; записаны случаи, когда животные и птицы во время охоты, спасаясь от смерти, стремились на кладбище, дабы иметь возможность молить о спасении в этом святом месте. Гластонбери было настолько хорошо известно за границей, что, по словам Джона Гластонберийского, знатные люди присылали за горстью святой земли из Гластонбери, дабы положить ее в свою могилу, и не могли понять, почему английские пилигримы пересекали моря, чтобы поклониться иностранным святыням, когда у них дома есть настолько святое

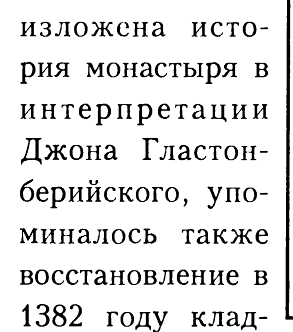
место. Даже султан (правда, не указано, какой земли) знал об этом месте и от английских паломников к Святой Земле, попавших к нему в плен, в качестве выкупа требовал мешочек земли с кладбища, где похоронен Иосиф Аримафейский. «Живущие там, — говорил Султан, — не знают, какова святость этой земли». Сакристан Гластонберийский говорил, что «живущие там становятся святее, тогда как живущие в других местах должны будут ниже поклониться славе этого места».

Не чувствуется ли в этих удивительных историях некоторый привкус просительности? Возможно, это от того, что аббатство не

принимало столько паломников, сколько могло и в скольких нуждалось? Гости там, безусловно, были, но, вероятно, недостаточно. В 1243 году Генрих III пожаловал аббатству хартию, позволяющую продлить благотворительный базар с двух до пяти дней. Ведь некоторые продавцы и покупатели захотят провести еще какое-то время в святом месте. Головы и коленные чашечки короля Артура и Гвиневеры умышленно держали на хорах открытыми для всеобщего обозрения вплоть до 1278 года. Разумеется, людям хотелось бы увидеть хрустальный крест, который Дева дала Артуру во время мессы в Бекери, и который носили по средам и пятницам

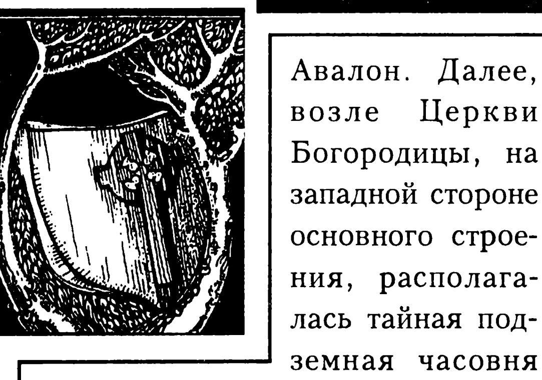
во время крестного хода в Великий пост. В конце 1340-х годов даже чернь знала распятие, из которого текла кровь, когда во времена аббата Торстена оно было повреждено при нападении на монахов.

Но если по поводу популярности аббатства в XIV веке есть некоторые сомнения, то совершенно ясно, что к началу XVI века произошли серьезные перемены. В 1380-х годах, либо чуть позднее, был создан первый путеводитель по монастырю. Его изготовили из досок, он имел вид складывающегося щита и, по всей видимости, был закреплен на колонне церкви аббатства. В нем, вероятно, в обзорном виде, была



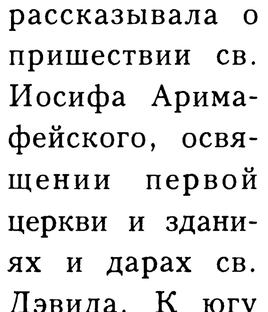
изложена история монастыря в интерпретации Джона Гластонберийского, упоминалось также восстановление в 1382 году кладбищенской часовни усилиями аббата Чиннока. Путеводитель представлял собой естественное начало маршрута паломников по монастырю: сначала по церкви аббатства и его подворью, а затем по окрестностям города, по местам, где историю об Артуре и Иосифе можно было представить себе наяву.

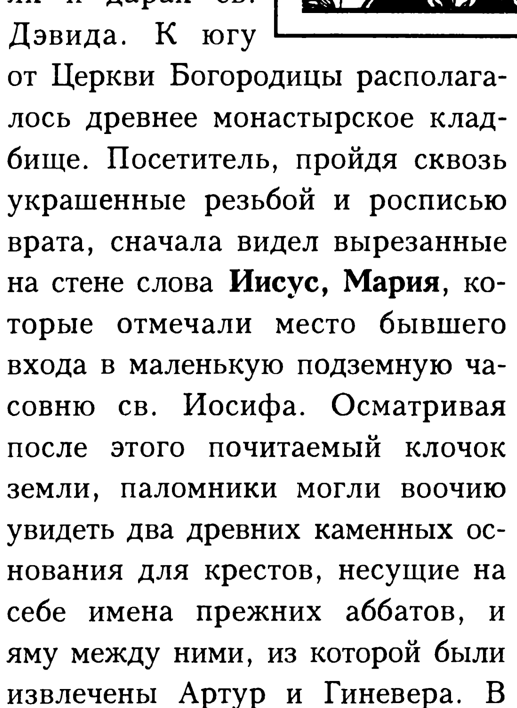
Для начала на хорах аббатской церкви располагалась могила Артура и Гвиневеры, с закрепленным на ней свинцовым крестом, по которому и были опознаны их останки, а аббатство обозначено как



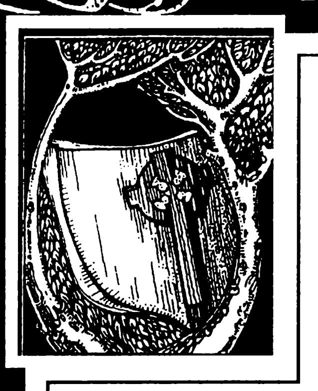
Авалон. Далее, возле Церкви Богородицы, на западной стороне основного строения, располагалась тайная подземная часовня св. Иосифа, вначале маленькая, но затем около 1500 года расширенная аббатом Бером, чтобы совладать с наплывом страждущей паствы, стекавшейся отовсюду: из Уэльса, Долтинга, Банвилла, Ильчестера, Вьевиля, Милборн Порта, разумеется, из Комптона и Пилтона, и из множества других мест помимо Сомерсета.

Снаружи к северу от Церкви Богородицы располагался каменный крест, отмечавший место, где находилась старая церковь аббатства до пожара. Металлическая панель, закрепленная на кресте,





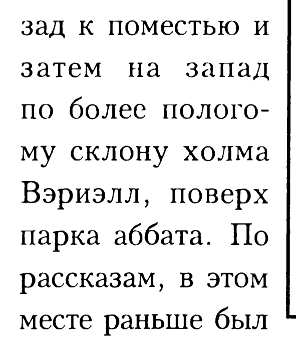
рассказывала о пришествии св. Иосифа Аримафейского, освящении первой церкви и зданиях и дарах св. Дэвида. К югу от Церкви Богородицы располагалось древнее монастырское кладбище. Посетитель, пройдя сквозь украшенные резьбой и росписью врата, сначала видел вырезанные на стене слова **Иисус, Мария**, которые отмечали место бывшего входа в маленькую подземную часовню св. Иосифа. Осматривая после этого почитаемый клочок земли, паломники могли воочию увидеть два древних каменных основания для крестов, несущие на себе имена прежних аббатов, и яму между ними, из которой были извлечены Артур и Гиневера. В



месте упокоения, посещаемом паломниками в 1500-х годах, росло еще одно чудо — грецкий орех, защищенный стеной, который не покрывался листвой до дня св. Бернарда — 11 июля.

После монастырского подворья пилигримы могли пройти через главные ворота на Верхнюю Дорогу. Через высшую точку города, затем по Чилкуэллской Дороге их путь огибал поместье Гластонбери, в том числе и огромный сарай, и колодец у подножия холма Тор. После этого следовал крутой подъем через кроличий садок (участок, где водились кролики) к вершине, где находилась церковь св. Михаила.

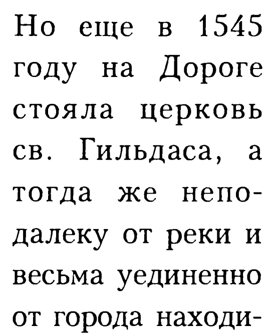
Отсюда они могли видеть следующий этап своего пути — на-



зад к поместью и затем на запад по более пологому склону холма Вэриэлл, поверх парка аббата. По рассказам, в этом месте раньше был женский монастырь, где часто останавливался Артур. А в то время там для всеобщего обозрения рос боярышник, который, как писал автор XVI века, «цвел и был свеж в Рождество так же, как другие в мае».

От холма Вэриуэлл дорога вела вниз к границам торфяника, к Бекери, некогда дому св. Бриджет. Там стояла часовня, а вероятнее, новая часовня на месте прежней, в которой некогда во время мессы в честь Девы сама Дева вручила Артуру хрустальный крест. А после этого, возможно, дорога

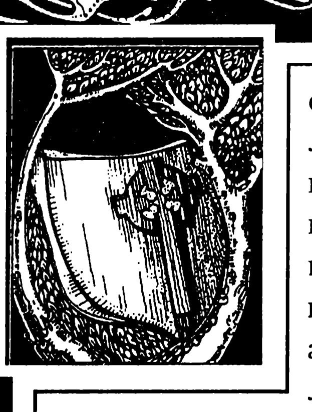
пересекала Бру через мост Понс Перлиоз, чтобы привести уже к другой части истории об Артуре. Когда аббат Джон из Тонтона в 1278 году настоял на вольностях монастыря во время королевского визита и оставил королевских законников за пределами Двенадцати Поместий на Дороге, некоторые из разбиравшихся случаев рассматривались в присутствии короля. Их рассмотрение производилось в церкви св. Гильдаса. Было ли это тем местом, где св. Гильдас, спасаясь от братии, переплывал реку, как писал об этом Карадок из Лланкарфана? Возможно, но не наверняка, однако церковь, построенная Гильдасом, была посвящена Святой Троице.



Но еще в 1545 году на Дороге стояла церковь св. Гильдаса, а тогда же неподалеку от реки и весьма уединенно от города находи-

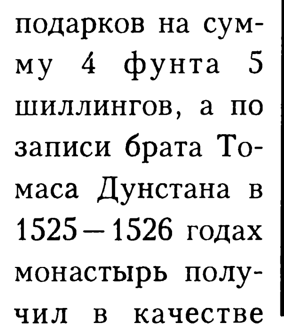
лась приходская церковь Святой Троицы.

Наверное, пилигримы при возвращении в свои жилища в Гластонбери шли мимо новопостроенного мясного рынка и конюшен, а также Трибунала, выстроенного аббатом Бером, и чувствовали немалую усталость. Разумеется, самые богатые из них предпочитали останавливаться на постоялом дворе Джордж Инн, полностью перестроенном аббатом Джоном Селвудом в 1473 году, когда постояльцы Дэвид и Эдит Адам пожертвовали большую сумму в 7



фунтов, 6 шиллингов и 8 денье на наем «большого странноприимного дома». Ежегодная плата за аренду составляла всего 12 денье, стоимость места не являлась проблемой, хотя примерно к 1500 году Джон Стовелл при столь малой сумме аренды оказался в недоимках и нуждался в дополнительных средствах.

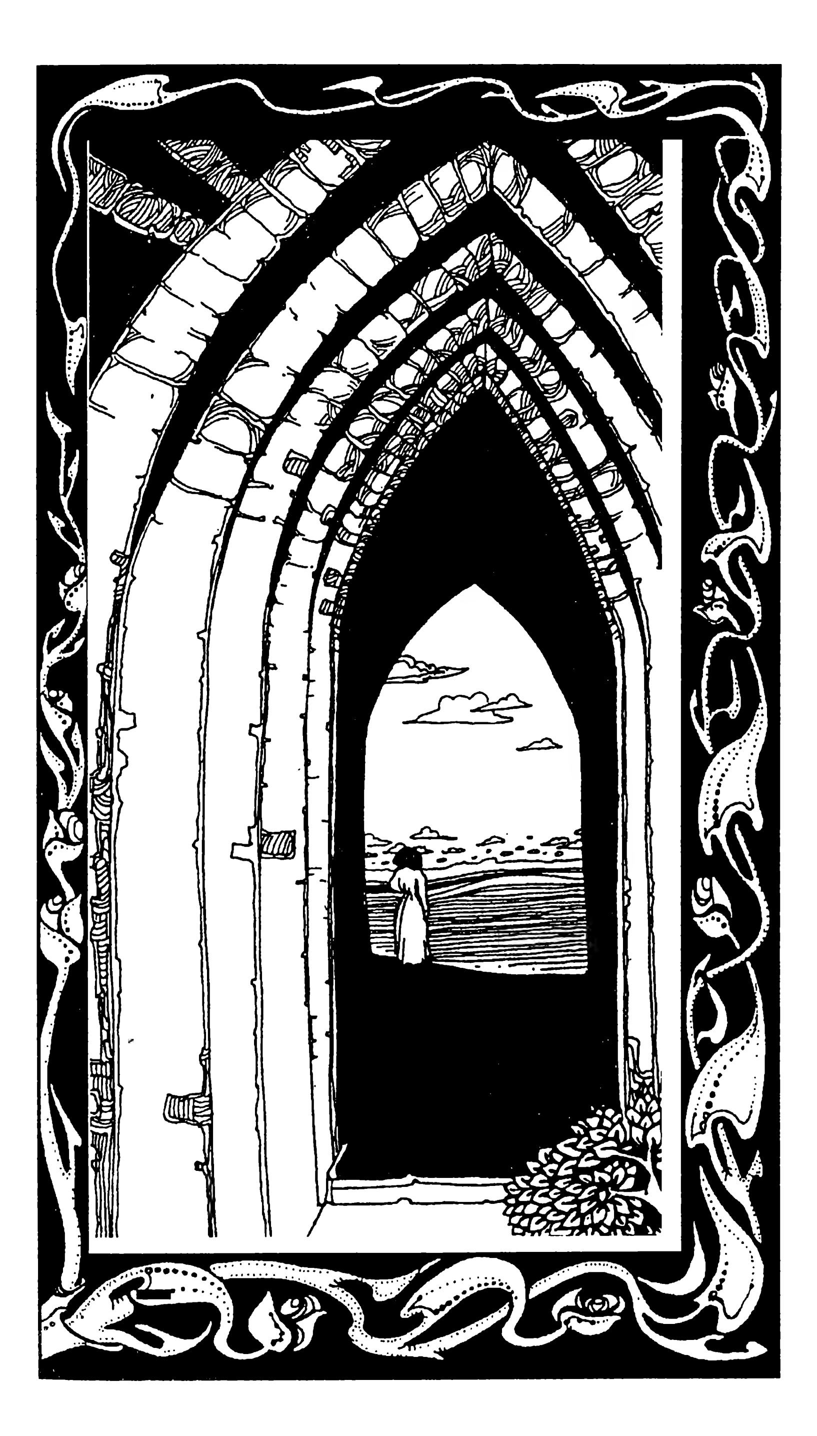
Итак, Гластонбери могло многое предложить своим посетителям, но что же оно получало взамен? Его финансовые отчеты почти не уцелели, впрочем, известны два отчета о приеме паломников, в которых упоминаются и суммы милостыни. Брат Александр Колинс указывает, что в 1503—1504 годах церковь аббатства получила

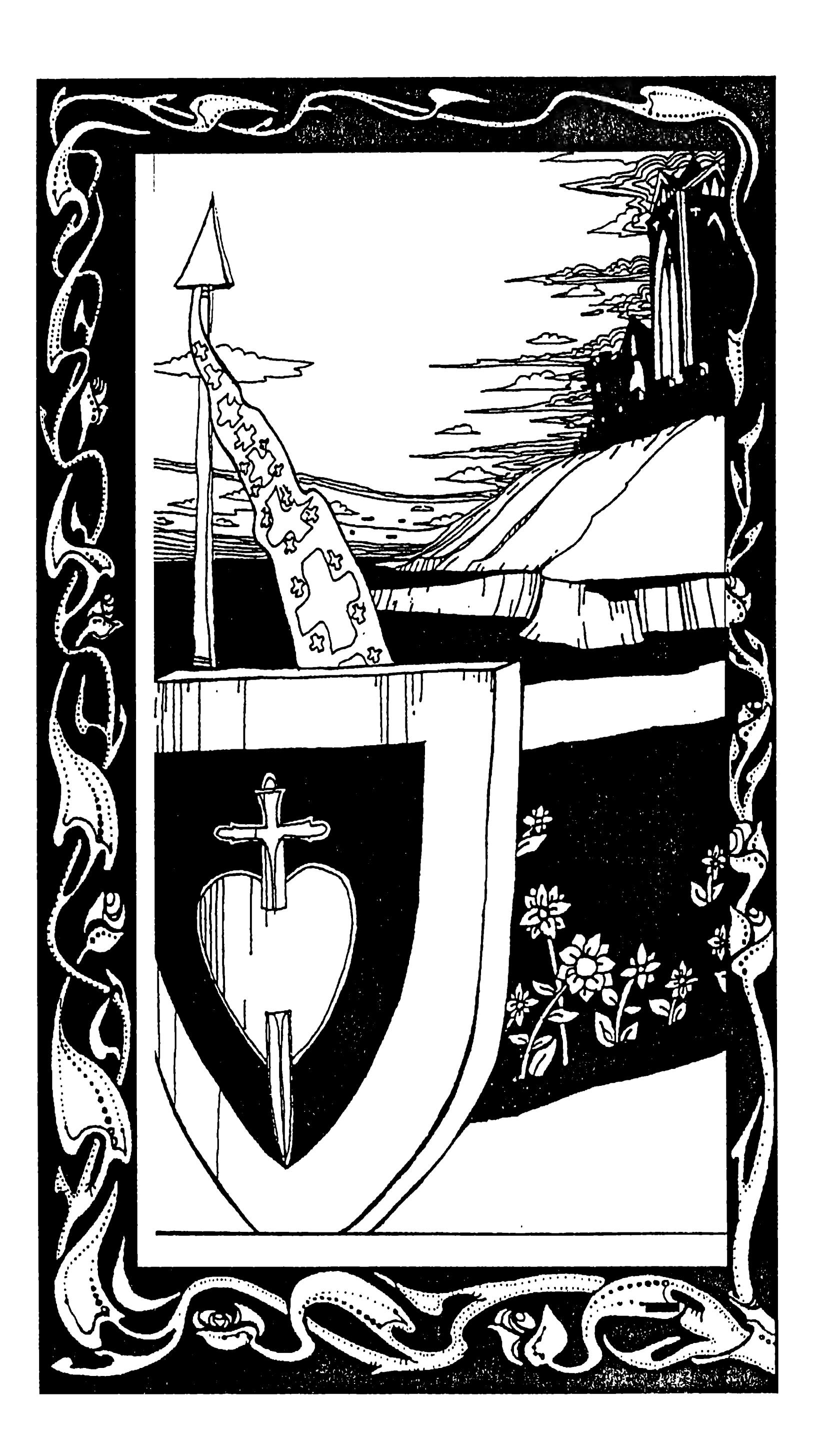


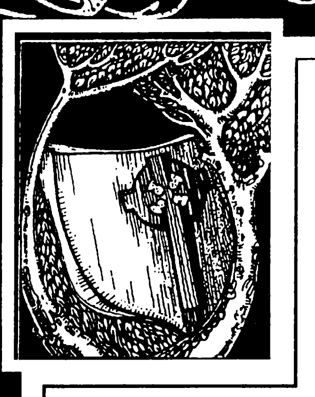
подарков на сумму 4 фунта 5 шиллингов, а по записи брата Томаса Дунстана в 1525—1526 годах монастырь получил в качестве милостыни у церкви аббатства 10 фунтов, 9 шиллингов и 9 денье, а кроме того, 17 фунтов, 4 шиллинга и 10 денье милостыни, собранной в других местах, были получены от брата Джона Мильтона. Для огромного финансового аппарата монастыря это были незначительные суммы, но дело здесь не только в деньгах. Верные богомольцы продолжали делать пожертвования в монастырь все десятилетия, вплоть до самого расформирования.

Эти годы стали очевидцами заметного роста числа людей, всту-

пивших в монастырскую братию, роста, который, по-видимому, вызвал аббат Ричард Бер (1493—1525). Сам он вступил в монастырь в 1470-х годах. Это был человек, по словам современников, наделенный многими достоинствами: «добрый, честный, добродетельный, мудрый» и старавшийся сделать свою и без того славную обитель еще более величественной: при нем возвели часовню Богородицы Лореттской, с чьим культом он столкнулся в 1504 году, в то время он возглавлял посольство к Папе Пию III; восстановили часовню Святой Могилы, где позднее он сам был похоронен; расширили подземную часовню св. Иосифа под церковью

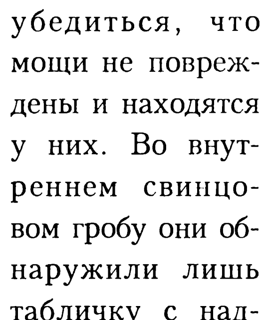




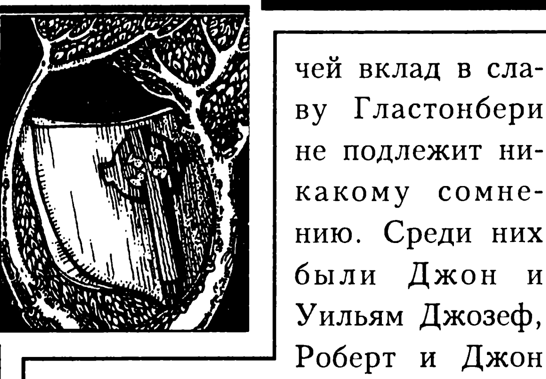


Богородицы. Эта последняя работа аббата вкупе с работой над величественной Часовней Эдгара показывает озабоченность аббата Бера тем, чтобы славное прошлое монастыря использовалось должным образом.

Это было сделано в том же самом духе и в ответ на старые аргументы Кентербери относительно св. Дунстана, которые появились вновь в 1508 году. По приказу аббата Бера изготовили новую раку, в которую поместили драгоценные мощи его великого предшественника. Когда об этом узнали монахи Церкви Христовой, они заявили протест архиепископу Уорхэму и открыли свою собственную раку, дабы все могли



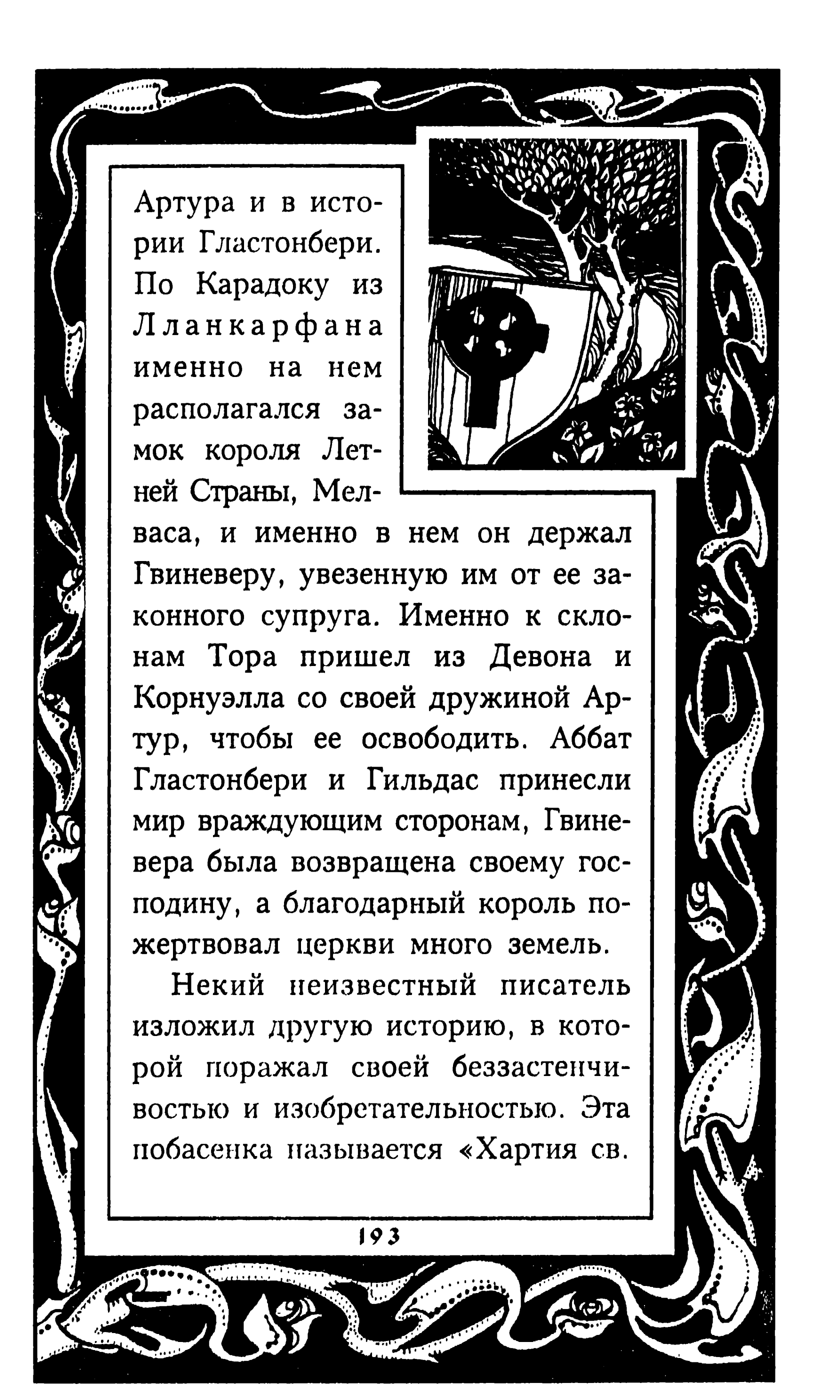
убедиться, что мощи не повреждены и находятся у них. Во внутреннем свинцовом гробу они обнаружили лишь табличку с надписью: «Здесь лежит св. Дунстан, архиепископ». Монахи Гластонбери, которые все знали о надписях в гробах, бездействовали. Вклад аббата Бера в оживление монастыря выразился еще в одном аспекте. После 1505 года вновь вступающие в монастырь братья начали принимать имена святых людей, которые долгое время почитались в аббатстве. Джон Фаган и Джон Дерувиан, Мартин Индрахт и Джон Патрик представили заметный период истории Гластонбери. Они начали принимать имена саксонских королей,



чей вклад в славу Гластонбери не подлежит никакому сомнению. Среди них были Джон и Уильям Джозеф, Роберт и Джон Армати из Авраамии, Роберт Гильд, Роберт Айдер и Джон Артур. Во времена перед расформированием аббатство Гластонбери было озабочено своим славным прошлым более, чем когда-либо еще.

ТОР

Тор был виден издалека за много миль. В средневековые времена он служил всем постоянным напоминанием о зорком глазе аббатства Гластонбери. Он играет выдающуюся роль и в истории

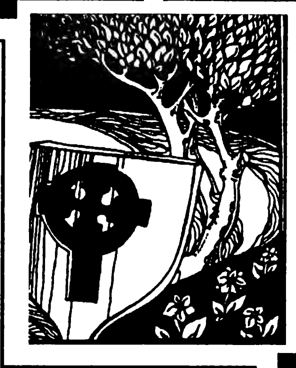


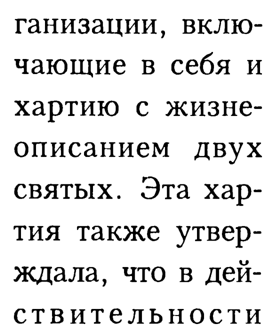
Артура и в истории Гластонбери. По Карадоку из Лланкарфана именно на нем располагался замок короля Летней Страны, Мелваса, и именно в нем он держал Гвиневеру, увезенную им от ее законного супруга. Именно к склонам Тора пришел из Девона и Корнуэлла со своей дружиной Артур, чтобы ее освободить. Аббат Гластонбери и Гильдас принесли мир враждующим сторонам, Гвиневера была возвращена своему господину, а благодарный король пожертвовал церкви много земель.

Некий неизвестный писатель изложил другую историю, в которой поражал своей беззастенчивостью и изобретательностью. Эта побасенка называется «Хартия св.

7 Р У Даннинг

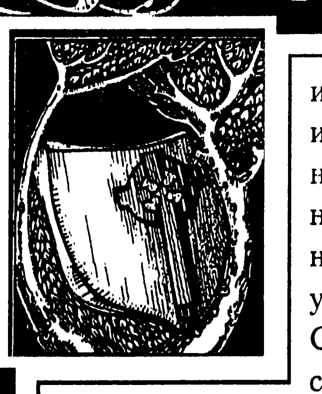
Патрика». Вероятно, она была выдумана в начале XIII века, однако авторство приписывается святому V века. Она рассказывает о том, как св. Патрик, закончив свои дела в Ирландии, прибыл в Гластонбери. Здесь он нашел двенадцать братьев, ведших жизнь отшельников (одному из них дано было имя Уэллиас, чтобы подчеркнуть, что Уэльс уже в то время подчинялся Гластонбери). Эти двенадцать братьев были «напичканы начатками» католической веры и «благочестивыми разговорами» и являлись преемниками двух святых людей, св. Фагана и св. Дерувиана. Вскоре аббатом братии был избран Патрик и посвящен в секреты их ор-





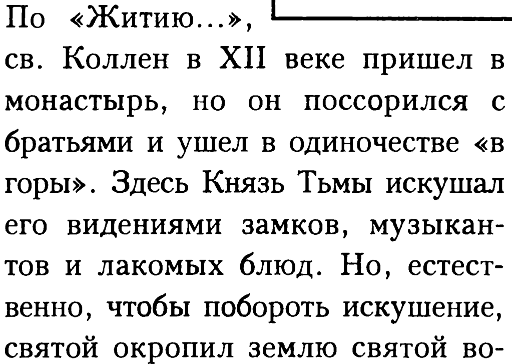
ганизации, включающие в себя и хартию с жизнеописанием двух святых. Эта хартия также утверждала, что в действительности Старая Церковь была построена во славу Девы Марии учениками св. Филиппа и Джеймса под покровительством архангела Гавриила и что «сам Господь с Небес» освятил ее.

И это еще не все. «Хартия» продолжается тем, что описывает, как спустя некоторое время, взяв с собой только Уэллиса, через густой лес Патрик взошел на вершину Тора. Здесь они нашли древнюю часовню, почти разрушенную, но напоенную таким приятным запахом, что почувствовали себя почти в раю. Пока они



искали часовню, им попалась древняя книга, сильно испорченная, но еще местами удобочитаемая. Она включала в себя Деяния Апостолов и Деяния Фагана и Дерувиана. Первым они прочитали отрывок, описывающий, как два святых, вдохновленные Святым Духом, построили часовню, посвященную Архангелу Михаилу. В книге также говорилось, что Фаган и Дерувиан прожили там девять лет.

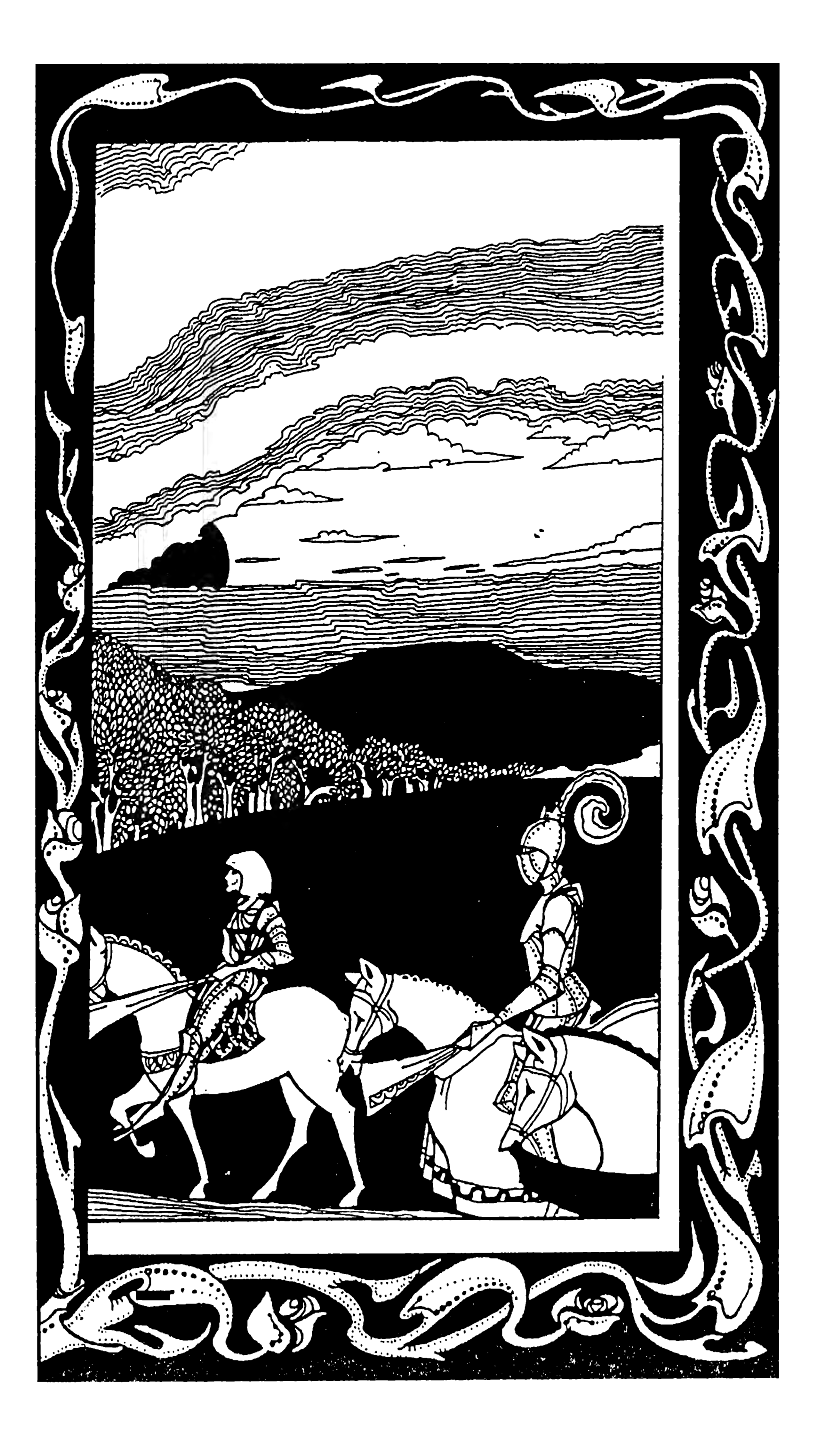
Патрик и Уэллиас оставались на вершине Тора три месяца, соблюдая пост; но когда Патрику явилось видение о том, что у него усыхает левая рука, они вернулись в Гластонбери. После этого по два монаха, начиная с Ирланд-



ца Арнафа и Огмара, постоянно жили на Торе.

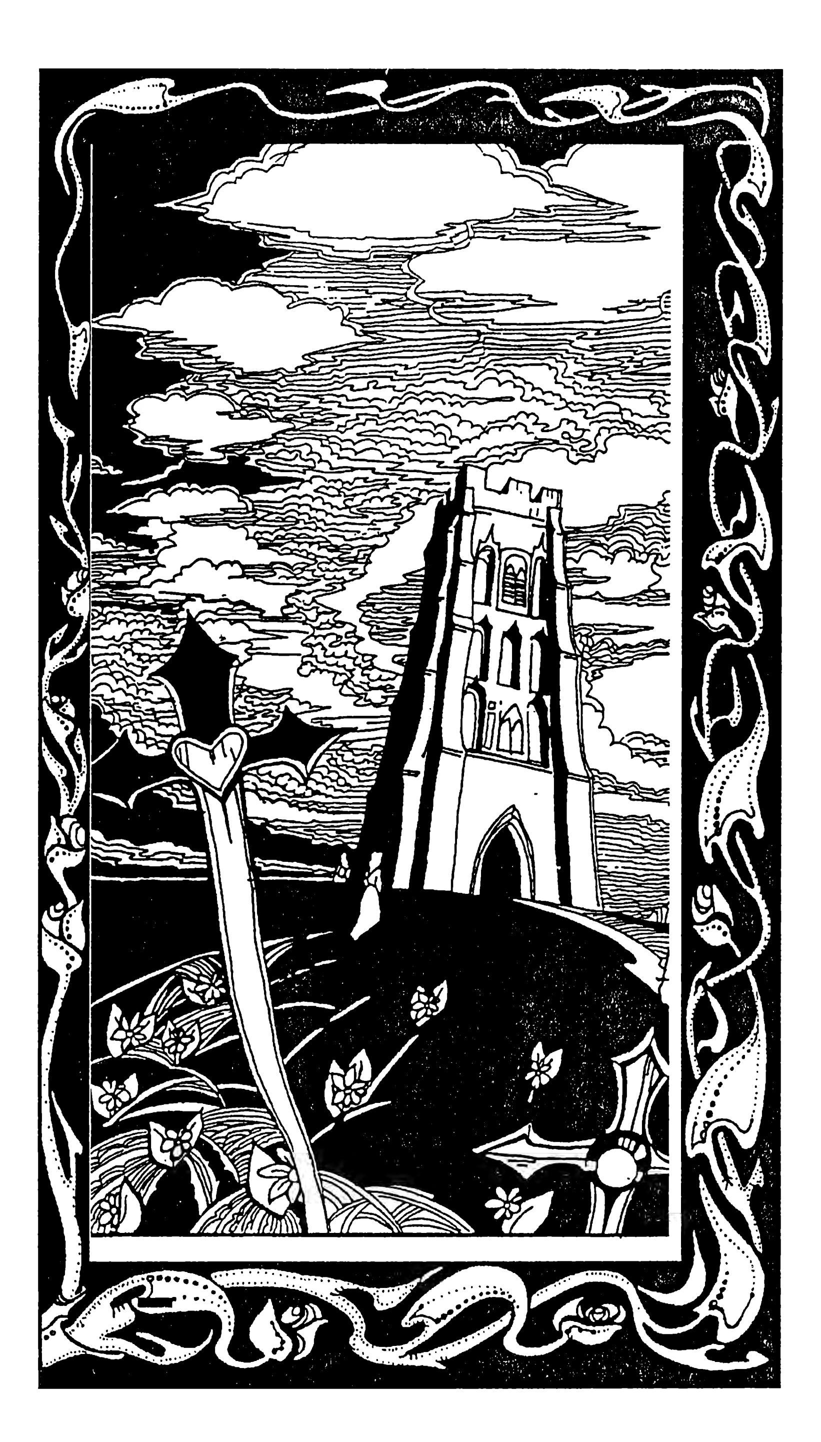
Примечательную трилогию о Торе завершает третья история. По «Житию...», св. Коллен в XII веке пришел в монастырь, но он поссорился с братьями и ушел в одиночестве «в горы». Здесь Князь Тьмы искушал его видениями замков, музыкантов и лакомых блюд. Но, естественно, чтобы побороть искушение, святой окропил землю святой водой, и видения рассеялись.

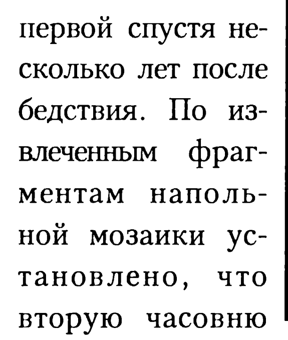
Если все эти сказки не подталкивали паломников совершить восхождение по крутым склонам к часовне на вершине, то «Хартия» предлагала другую обильную наживку. Сам Патрик обещал сто дней прощения тому, кто свалит



деревья, делавшие его подьем на Тор столь трудным, а историки аббатства записывали, что Фаган и Дерувиан обещали всем взошедшим на Тор 30 лет спасения от чистилища.

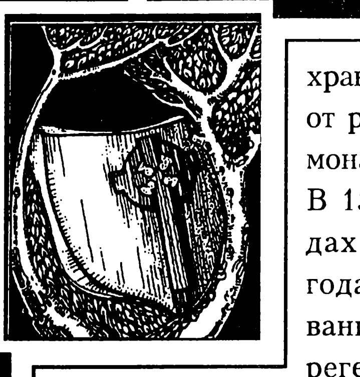
Каковы же свидетельства правдивости этой истории? Во время раскопок, проводимых профессором Ратцем, были обнаружены и важные находки из темных веков средневековья, и несколько очаровательных, более поздних, находок. С точки зрения средневековых пилигримов, были найдены остатки двух часовен на самом деле. Вероятно, первая из них разрушилась во время землетрясения 11 сентября 1275 года. Вторая часовня была построена на месте



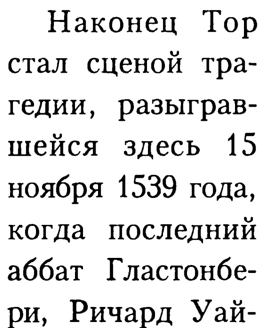


первой спустя несколько лет после бедствия. По извлеченным фрагментам напольной мозаики установлено, что вторую часовню построили в 1290 году, были также найдены фрагменты окрашенного стекла и витражей XIV века.

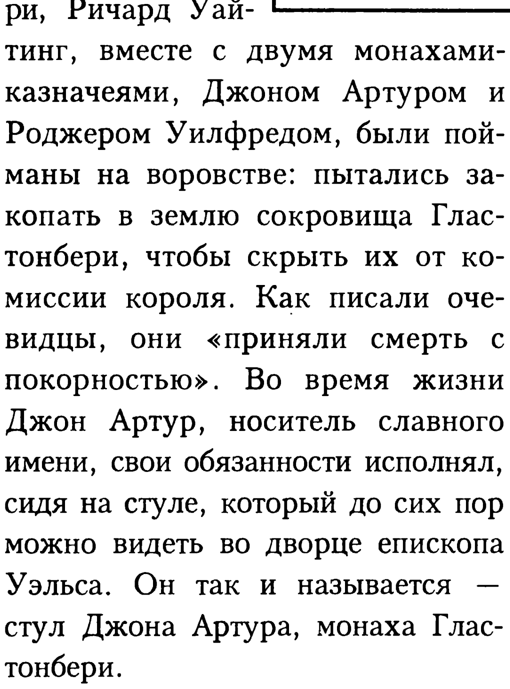
Это было простое, в один кирпич, строение, от которого сейчас уцелела лишь колокольня. Среди множества находок, обнаруженных возле часовни, есть маленький бронзовый символ Девы с Младенцем и фрагмент переносного мраморного алтаря Парбека — доказательство того, что в средних веках здесь были посетители и проводились мессы, хотя, возможно, и не очень часто. Прекрасным подтверждением этому служит со-



хранившийся счет от регента хора к монаху-казначею. В 1538—1539 годах, последних годах существования аббатства, регент заплатил за свечи в часовне 16 денье, за ремонт 1 шиллинг, за уборку 1 шиллинг, за ящик для ценностей, хранящихся в часовне, 1 шиллинг и 6 денье за замок и ключ для часовни (возможно, пилигримы воровали украшения?). А сам регент получил плату в 6 шиллингов, 8 денье за проведение мессы в день св. Михаила. Последняя плата была 1 денье, за подрезку сосен, что было, конечно, гораздо легче, чем самим монахам валить деревья во времена св. Патрика.

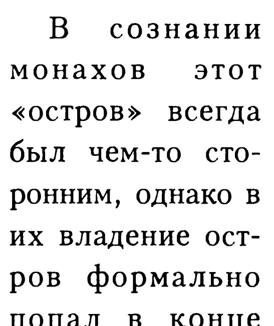


Наконец Тор стал сценой трагедии, разыгравшейся здесь 15 ноября 1539 года, когда последний аббат Гластонбери, Ричард Уайтинг, вместе с двумя монахами-казначеями, Джоном Артуром и Роджером Уилфредом, были пойманы на воровстве: пытались закопать в землю сокровища Гластонбери, чтобы скрыть их от комиссии короля. Как писали очевидцы, они «приняли смерть с покорностью». Во время жизни Джон Артур, носитель славного имени, свои обязанности исполнял, сидя на стуле, который до сих пор можно видеть во дворце епископа Уэльса. Он так и называется — стул Джона Артура, монаха Гластонбери.



БЕКЕРИ И ПОМПАРЛЬ: «ОТВАЖНАЯ ЧАСОВНЯ И ОПАСНЫЙ МОСТ»

Ниже холма Вэриэлл, возле парка аббата, там, где река Бру течет через торфяник, лежит маленький островок, который называется Бекери, или Маленькая Ирландия. Уильям из Малмсбери записал, что, по верованиям монахов, это было священное место, где благословенная Бриджет из Килдера провела некоторое время в 488 году. Когда она вернулась в Ирландию, то оставила в Гластонбери некоторые реликвии, а именно: сумку или котомку, ожерелье, маленький колокольчик и ткацкие принадлежности. По словам Уильяма, в XII веке эти реликвии все еще хранились на Бекери в ее память.



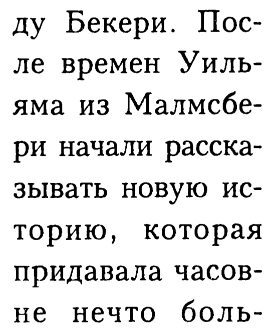
В сознании монахов этот «остров» всегда был чем-то сторонним, однако в их владение остров формально попал в конце VII века посредством хартии, возможно, и сфабрикованной, но на основании истинных источников, подтвержденных саксонским королем Кенвальтом.

Но что же действительно находилось на Бекери? Некоторые из ответов на этот вопрос были найдены при раскопках, проводившихся в XIX и XX веках. В средне-саксонский период, возможно, после Кенвальда, в этом месте располагалось своего рода поселение монахов. Наряду с фрагментами плетня и обмазки были обнаружены шестьдесят три могилы,

что повышает вероятность существования либо деревянной часовни, либо почитаемой могилы, окруженных защитным рвом.

В более поздний, саксонский, период или даже после Завоевания здесь была построена каменная часовня вместе с другой каменной (или деревянной) часовней, находившейся неподалеку. Еще позднее, во времена аббата Джона из Тонтона, остров был выкуплен из рук неких могущественных землевладельцев, и часовню восстановили с «великой щедростью».

Археологи соглашаются с хронистом аббатства Адамом из Домерхэма по вопросу часовни аббата Джона, но все же имеются определенные проблемы по пово-

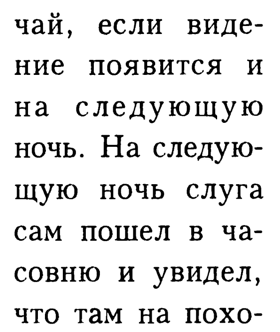


ду Бекери. После времен Уильяма из Малмсбери начали рассказывать новую историю, которая придавала часовне нечто большее, чем аромат древней святости. Однажды в конце XII века прозвучало замечание о том, что изначально часовня была посвящена св. Марии Магдалине, однако посвящение было изменено на св. Бригитту, поскольку та была более популярна среди местных жителей. А чтобы добавить ореола достоверности, среди простых людей распространяли поверие, что тот, кто пройдет через южный вход часовни, получит отпущение грехов.

В XIV веке Джон Гластонберийский рассказывал другую ис-

торию, а скорее всего, он пересказал версию, слышанную им из другого источника — «Парцифаль, или Великая история Святого Грааля» и применил ее к Гластонбери. Это была еще одна история о короле Артуре.

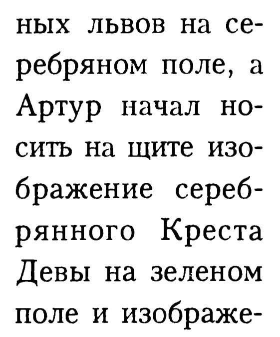
По словам Джона, Артур часто останавливался в женском монастыре на холме Вэриэл. Однажды ночью к нему явился ангел и сказал, что он должен отправиться к отшельнику у часовни св. Марии Магдалины на острове Бекери, что находится внизу. Артур не обратил на это внимания, и на следующую ночь ангел явился вновь. Артур снова не поступил так, как от него требовали, однако приказал слуге быть готовым на слу-



чай, если видение появится и на следующую ночь. На следующую ночь слуга сам пошел в часовню и увидел, что там на похоронных дрогах лежит труп, окруженный свечами, а на алтаре стоят две свечи в золотых подсвечниках. Слуга попробовал украсть один из подсвечников, но был ранен кем-то, когда выходил из часовни. Возвратившись к королю, он покаялся, показал свою рану и умер.

Король решил пойти туда, куда его звали. Он увидел, что дорогу к часовне охраняют руки, держащие мечи, однако, когда он начал творить молитву, вымаливая для себя возможность войти, мечи исчезли. Внутри он встретил старика

с длинной бородой, одетого в черное. Когда король вошел, старик начал надевать рясу, и перед Артуром возникла сама Дева Мария с Младенцем на руках. Дитя заняло положенное место на алтаре и оставалось на нем. В знак своего появления Дева дала Артуру хрустальный крест, который впоследствии хранился в сокровищнице аббатства. После этого Дева и Младенец исчезли. Старик обьяснил королю, что его слуга видел труп брата — отшельника из Найленда или Андредси. Король в свою очередь дал Деве обеты покаяния и поменял в ее честь цвета своего герба. Короли со времен Брутуса имели на своих гербах изображения трех крас-

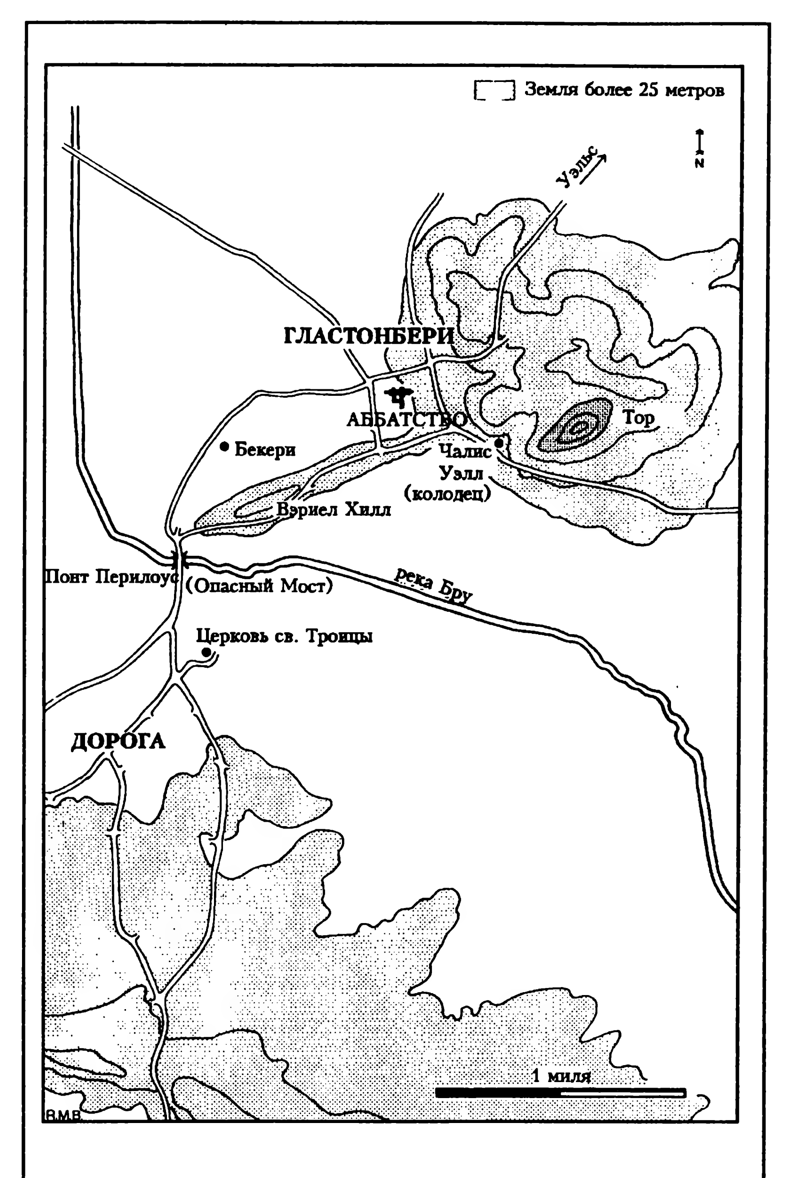


ных львов на серебряном поле, а Артур начал носить на щите изображение серебрянного Креста Девы на зеленом поле и изображение Девы с Младенцем на правой стороне герба.

Так выглядит эта история в изложении Джона Гластонберийского, а еще есть одна фраза из первоисточника, истории о Парцифале, описывающая часовню и само место: «Место довольно опасное, а часовня весьма отважная». Джон не использовал эту фразу, однако все, читавшие историю Парцифаля, непременно ее бы вспомнили. Разумеется, Джон добавил и свои штрихи: Найленд находится на западном краю Двенадцати Поместий, принадлежавших Гластонбе-

ри, в сердце исконных владений аббатства, а новый герб короля был ни чем иным, как гербом самого аббатства.

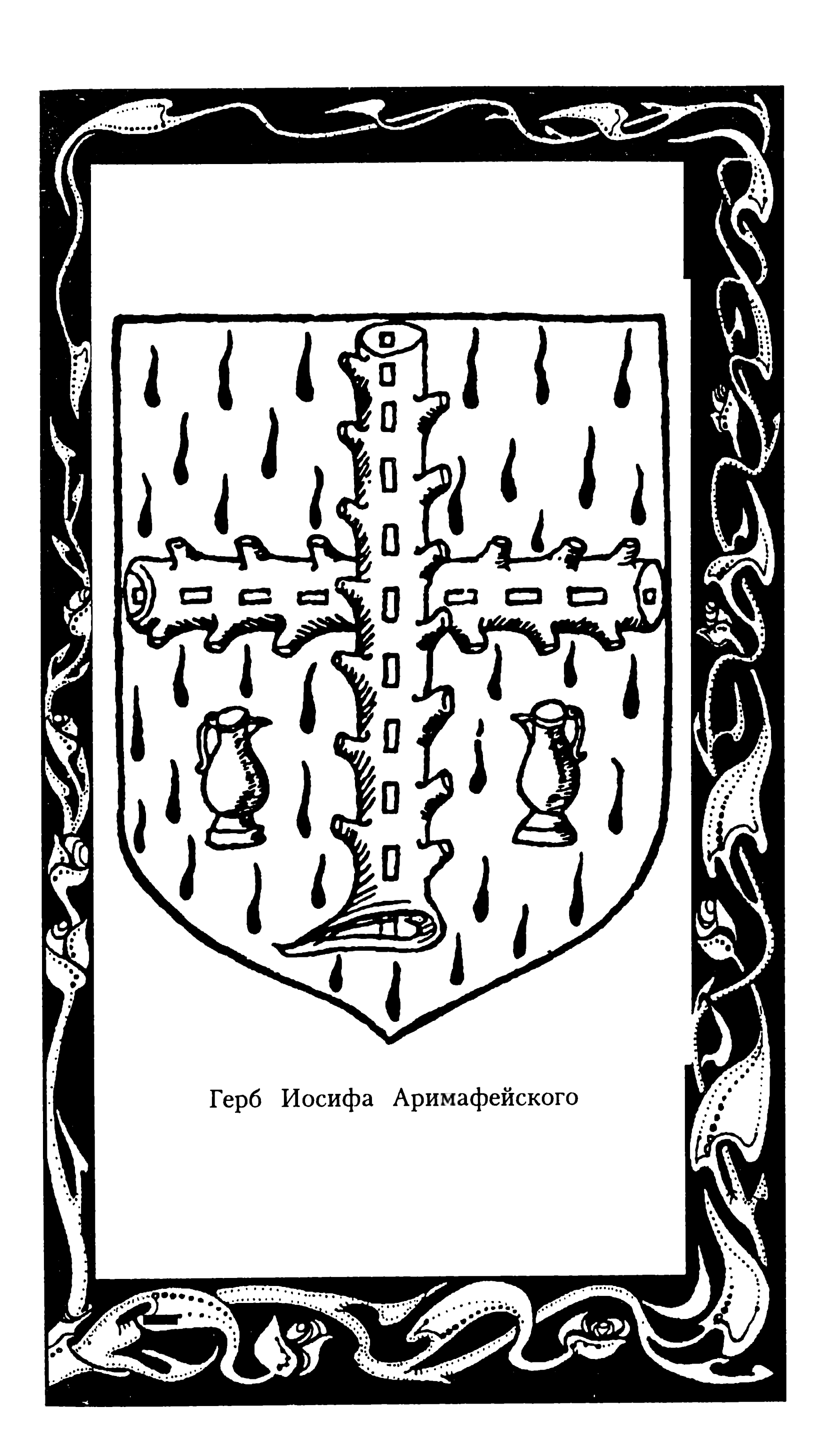
Но опасное место и отважная часовня наводили паломников на мысль о другом эпизоде этой истории. Этот расказ известен и англичанам, и французам, он повествует о юноше по имени Гингалин, сыне Гавэйна. В Англии эта история появилась в начале XIV века в поэме, названной «Либаус Дисконус». Повествует она о том, как Гингалин инкогнито пибыл в замок короля Артура в Гластонбери. Король посвятил его в рыцари, назвав Неизвестным Красавцем, и предложил ему отправиться на поиски приключений. К Артуру пришли



Места посещения паломников в Гластонбери

дева и карлик в поисках героя, который смог бы освободить леди, заточенную в заколдованном замке. Гингалин вызвался совершить этот подвиг, но дева отнеслась к нему с презрением, а карлик сказал, что он не стоит и фартинга, поскольку придется выиграть три битвы, первая из них — «в опасном месте у отважной часовни». Вспомнив о своем предложении, Артур согласился отпустить юношу, благословил его, и троица отправилась в путь. И прекрасно, потому что

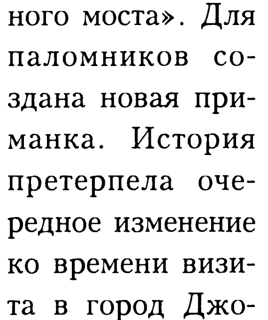
«Около часовни той
И есть то самое место,
Куда рыцари, сверкая голубым,
Приходили вершить дела свои».



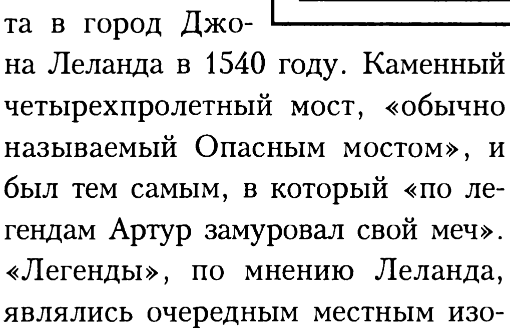
Герб Иосифа Аримафейского

Итак, здесь, возле отважной часовни, часовни Бекери, и находится опасное место. Со временем название слегка изменилось и превратилось в Опасный Мост и дамбу. Это были тот самый мост и дамба, по которым дорога из Гластонбери пересекала торфяное болото и реку Бру и выводила паломников на Дорогу.

Сам мост также достаточно реален. Во времена аббата Михаила из Эймсбери (1235—1252 годы) выплачивалось жалование Уильямумостовику. Нет никаких следов других имен, нет даже названия моста. Но в 1392—1393 годах Уильям Деор, сборщик податей из поместья Гластонбери, упоминает о поступлениях из мест «возле Опас-



ного моста». Для паломников создана новая приманка. История претерпела очередное изменение ко времени визита в город Джона Леланда в 1540 году. Каменный четырехпролетный мост, «обычно называемый Опасным мостом», и был тем самым, в который «по легендам Артур замуровал свой меч». «Легенды», по мнению Леланда, являлись очередным местным изобретением.

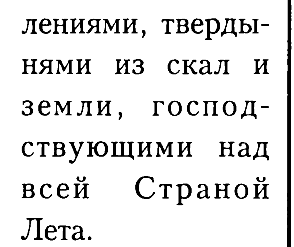


В 1826 году средневековый мост был снесен, а его современный наследник уже не овеян романтикой тех времен. Бру как озеро уже не разливается, что происходило раньше. И как далек нынешний пейзаж от описанного Теннисоном, где сэр Бедивер раскручивает над

головой Экскалибур и, закрыв глаза двумя руками, зашвыривает его в пучину!

Твердыни Летней страны

Гластонбери стоит в центре земель, которые в Уэльсе всегда называли Страной Лета. Оно находится на плоской и таинственной равнине, некогда покрытой приливными болотами, а сейчас поросшей густой травой, где бывшие острова лежат в море зелени, как киты, выброшенные на берег. Тор Гластонберийский, Брент Нолл и Найленд, позднее ставшие частью владений аббатства, или Барроу Мамп и Фенни Кастл, находившиеся в менее блестящих руках, несли на себе заметные следы предыдущего обитания. А с востока, юга и запада эту огромную зеленую страну окружают холмы, являющиеся готовыми природными оборонительными укреп-



лениями, твердынями из скал и земли, господствующими над всей Страной Лета.

БРЕНТ НОЛЛ: ЛЯГУШАЧЬЯ ГОРА

Брент Нолл, поросший травой холм высотой 450 футов над уровнем моря, в древние времена возвышался, как геркулесовы столбы, над устьем сомерсетских болот. Еще до прихода римлян местные жители оценили его значение: ведь они могли видеть крепость Динас Поувис на другой стороне Северного моря и Тор на другой стороне болот в Гластонбери. А оттуда хорошо было видно Кэдбери. Таким образом можно было быстро передавать сообщения огнями.

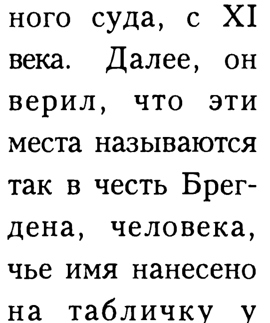
Вероятно, Брент Нолл, как и другие холмы, был не только маяком. Его крепостные валы защищали сильные позиции и до сих пор хранят множество своих тайн. Здесь были найдены римские захоронения и остатки их построек, а стены продолжали стоять до середины XIII века, как писала Грация де Мейси, вдова Ричарда де Котиль, одного из знатных вассалов аббатства Гластонбери, содержавшего там небольшое крепостное укрепление. А другой вассал, Ричард де Контвилль, живший в 1189 году, владел землей, называвшейся Бэттлбергам, на нижних склонах Брент Нолла, это место до сих пор вспоминают как Бэттлборо. Было ли оно тем самым,

8 Р У Даннинг

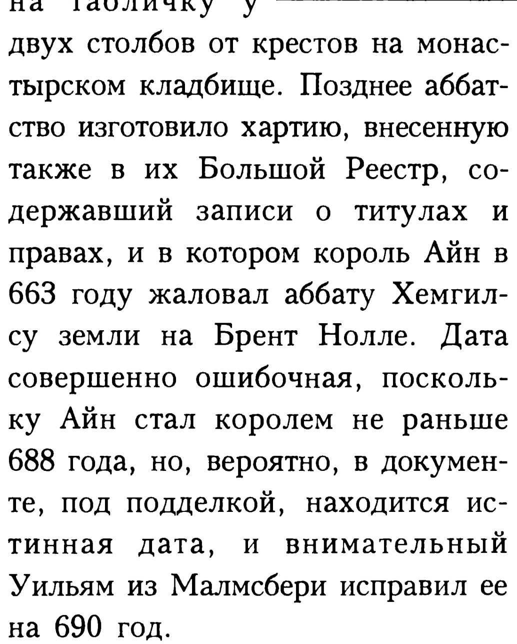
где произошла битва Альфреда и Дэйна, как говорили некоторые, или все это имеет разное происхождение?

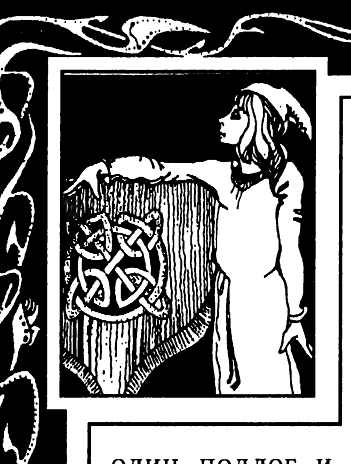
Брент Нолл, его поселения Южный и Восточный Брент, а также богатые болотистые земли вокруг в XII веке сами по себе были пешками в битве между Гластонбери и епископами Бата, и монахи вынуждены были направлять на их защиту все свои усилия. В этой кампании использовалось даже производство титулов с целью узаконить владение, или, возможно большей частью, рассказы в качестве доказательств длительного владения.

Уильям из Малмсбери знал, что Гластонбери владеет Брент Ноллом со времен Книги страш-

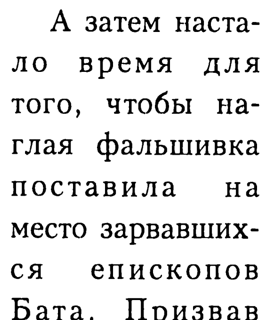


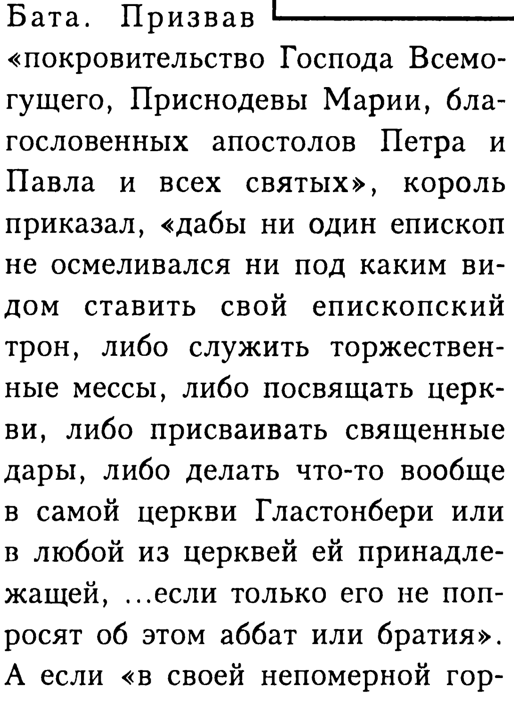
ного суда, с XI века. Далее, он верил, что эти места называются так в честь Брегдена, человека, чье имя нанесено на табличку у двух столбов от крестов на монастырском кладбище. Позднее аббатство изготовило хартию, внесенную также в их Большой Реестр, содержавший записи о титулах и правах, и в котором король Айн в 663 году жаловал аббату Хемгилсу земли на Брент Нолле. Дата совершенно ошибочная, поскольку Айн стал королем не раньше 688 года, но, вероятно, в документе, под подделкой, находится истинная дата, и внимательный Уильям из Малмсбери исправил ее на 690 год.





Но это право потеряло значение, как только батские епископы начали бряцать оружием. Поэтому монахи совершили еще один подлог и изготовили документ, известный как «Великая Привилегия короля Айна» и датированный 725 годом. Начинался этот документ с заявления об уникальном происхождении Гластонбери, «первосвященник и высочайшие епископы с помощью ангелов со множеством неслыханных чудес посвятили церковь Ему и Приснодеве Марии, как открыл Он благословенному Давиду». Хартия продолжалась утверждением даров, сделанных Айном и его саксонскими предшественниками, включая Брент.



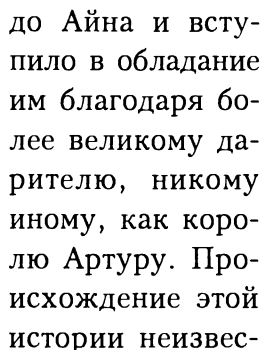


А затем настало время для того, чтобы наглая фальшивка поставила на место зарвавшихся епископов Бата. Призвав «покровительство Господа Всемогущего, Приснодевы Марии, благословенных апостолов Петра и Павла и всех святых», король приказал, «дабы ни один епископ не осмеливался ни под каким видом ставить свой епископский трон, либо служить торжественные мессы, либо посвящать церкви, либо присваивать священные дары, либо делать что-то вообще в самой церкви Гластонбери или в любой из церквей ей принадлежащей, ...если только его не попросят об этом аббат или братия». А если «в своей непомерной гор-

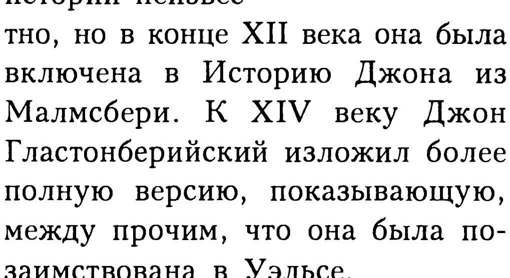
дыне они нарушат эти приказы, то его земли в Пилтоне и Грейнтоне будут отчуждены». Епископская власть была поставлена на колени.

Епископ Бата этой подделкой был полностью нейтрализован, но победа епископа Реджинальда Батского над аббатом Робертом не только превратила Великую привилегию в ничто, из-за нее аббатство осталось без церквей Южного Брента и Пилтона, причем последняя была потеряна навсегда вопреки святой и апостольской защите. По этой причине пришлось задействовать вторую линию обороны.

Целью этой второй линии ставилось доказательство того, что аббатство владело Брентом задолго



до Айна и вступило в обладание им благодаря более великому дарителю, никому иному, как королю Артуру. Происхождение этой



истории неизвестно, но в конце XII века она была включена в Историю Джона из Малмсбери. К XIV веку Джон Гластонберийский изложил более полную версию, показывающую, между прочим, что она была позаимствована в Уэльсе.

Джон повествует о том, как однажды на Рождество в Карлеоне Артур посвятил в рыцари молодого Айдера, сына короля Ната, и послал его к горе Арейнес в Северном Уэльсе, где жили три великана, прославившихся своими злыми деяниями. На латыни гора Арейнес — это mons arenarum,

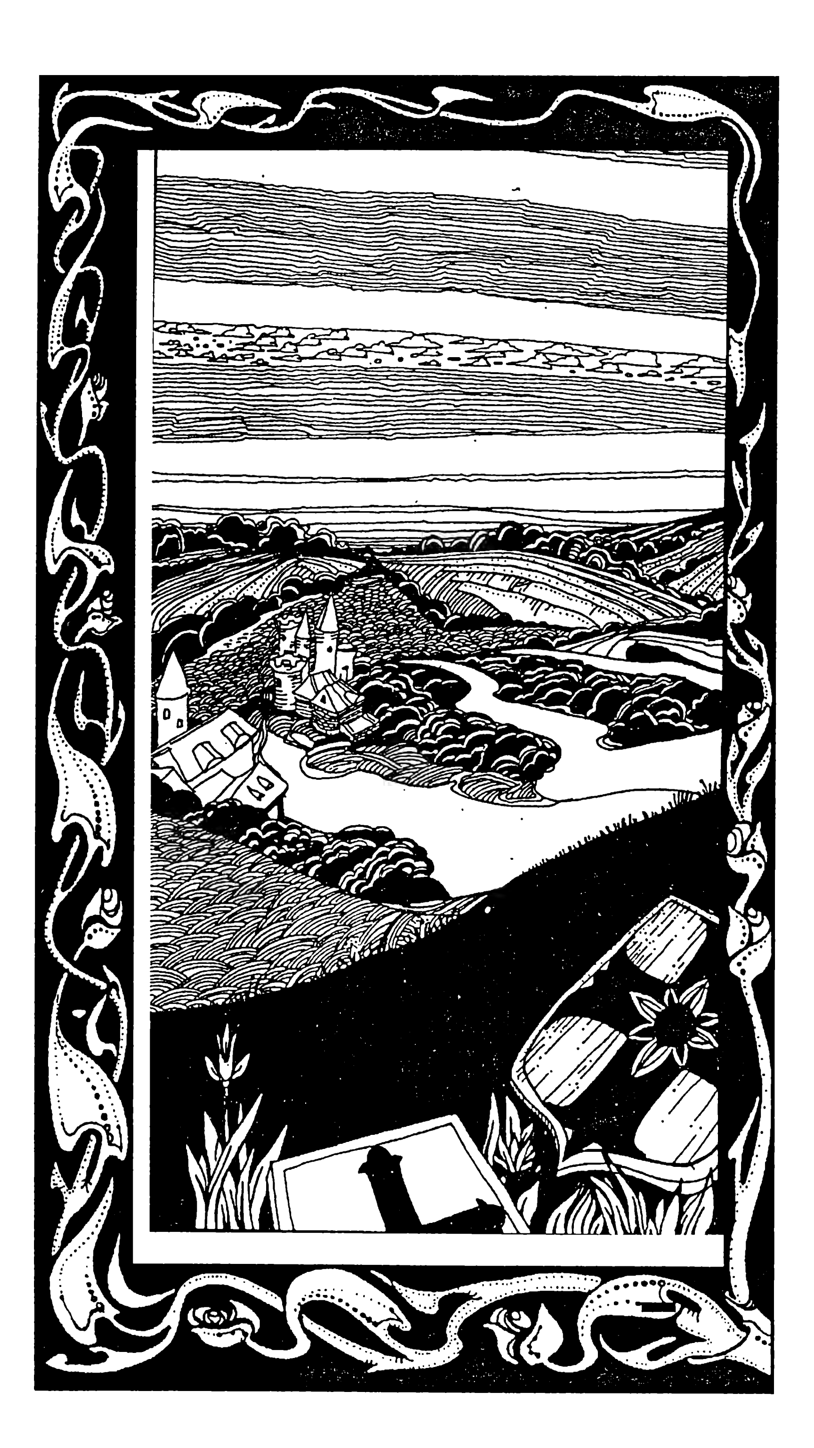
«гора пауков». По версии, к которой склонялся Уильям из Малмсбери, название было искажено и изначально звучало как mons renarum, «гора лягушек», и находится она не в Уэльсе, а в Сомерсете, то есть это не что иное, как Брент Нолл. Эту историю можно было употребить для пользы Гластонбери.

На самом деле упоминаемая история была трагичной. Отважный юный Айдер сразился с тремя великанами и победил их в «ужасной битве». Прибывший позже Артур со своими друзьями нашли юношу без сознания от утомления и ран. Артур возвратился домой, опечаленный тем, что он невольно послужил причиной смерти юноши, хотя по другим двум вер-

сиям этой истории Айдер выживает. Для Гластонбери неважно было, остался ли жив Айдер, а имели значение последствия этого: то, что Артур основал в Гластонбери братство монахов — по одной версии 24, по другой 80, чтобы молиться о душе молодого человека и чтобы поддержать монастырь, и сделал пожертвования и пожаловал земли, в том числе Брентское болото и Полден. Против такой истории владения возражать было очень тяжело.

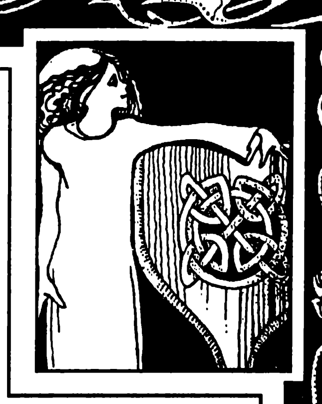
ДАНСТЕР И КАРХЭМПТОН: ДИНДРАЙТОУ И КАРРУМ

Дельта Северна не была препятствием для святых людей из Уэльса. Осенью они могли видеть



туманные вершины Эксмура, а весной — чистые цвета его низин. Эти низины они называли Страной Лета, так как ее озера и болота в изобилии снабжали водой тучные зеленые пастбища. Через несколько миль предательского моря монахи Ллантвита, великого центра кельтского христианства, смотрели на Уотчет — их название фиорда маленькой речки «под деревом» — и могли только молиться о твердости перед лицом язычников и разбойников на той стороне.

До сих пор вдоль этих берегов помнят святых мужчин и жещин из Уэльса: в Уотчете — самого св. Декумана, преодолевшего все препятствия, а в Тимберскомбе —

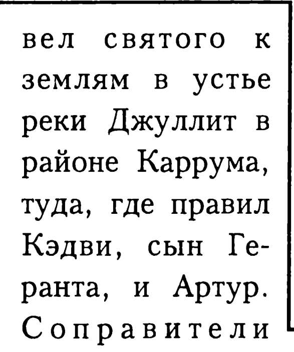


великого святого из Корнуэлла Петрока. То же самое и на запад до монастыря св. Браннока в Бронтоне, а оттуда вниз по берегу до дельты Кэмела, до монастыря св. Петрока и Падстоу. Между этими миссиями до сих пор вспоминают святых дочерей и сыновей уэльского короля Бричана: Джона в Инстоу, Нектана в Хартленде, Морвенна в Морвенстоу, Джулиот в Тинтагиле, Энделиент в Сент Энделлионе, Менфред в Сент Минвере.

Порлок и Кархэмптон не забыли своих основателей: Святой покровитель Порлока — св. Дифриг, или иначе Дабриций, — знаменитый епископ Южного Уэльса и границ, человек, который, по словам

Джеффри Монмутского, был Дабрицием из «города Легионов» (Карлеона), который, «сокрушаясь о печальном положении страны... возложил корону королевства» на Артура.

Святой покровитель Кархэмптона — св. Каранток или Караннoг, святой принц Уэльса, который странствовал сначала по Ирландии, затем вернулся в свою пещеру в Ллангранноге на побережье к северо-востоку от Кардигана, а затем решил проповедовать слово Божье в Летней Стране. Все его пути находились в руках Всемогущего, поэтому Каранток бросил в море свой переносной алтарь и приготовился последовать за ним, куда бы ни пришлось. Алтарь при-



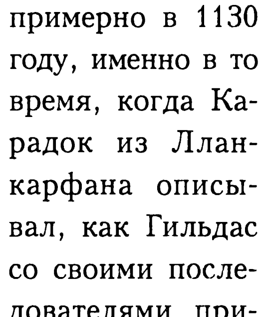
вел святого к землям в устье реки Джуллит в районе Каррума, туда, где правил Кэдви, сын Геранта, и Артур. Соправители жили в месте, называемом Диндрайтоу. Когда святой спросил Артура, не видел ли кто-либо из них его алтаря, то король ответил уклончиво. У него в тот момент были более важные заботы — ужасный дракон разорял его страну, а если бы Каранток смог каким-нибудь способом решить эту проблему, то нашелся бы и пропавший алтарь.

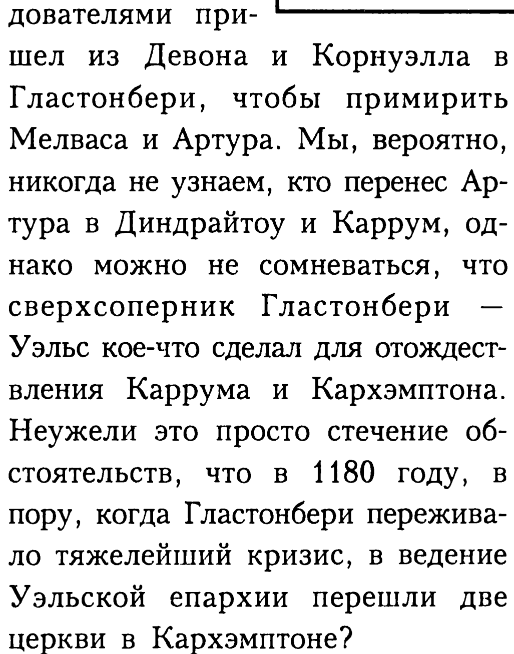
Для святого дракон не значил ничего. К Карантоку дракон прибежал, «как теленок к своей маме». Накинув на бычью шею дракона свою епитрахиль, Каранток привел

его в замок Кэдви в Диндрайтоу. Люди хотели было убить чудовище, наводившее на них ужас, но святой спас его жизнь и приказал ему покинуть эти земли.

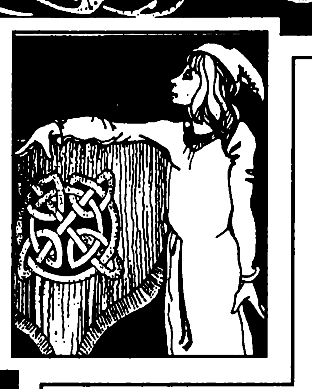
Награда Карантока была двоякой. Артур вернул святому его алтарь, очень довольный тем, что смог избавиться от него, поскольку сам Артур попытался использовать алтарь вместо стола, но, что бы на него не ставили, все падало на пол. Другой наградой явилось то, что в Каруме им были пожалованы земли для строительства монастыря.

По мнению специалистов жизнь св. Карантока была сведена воедино из более ранних разрозненных источников на юго-западе Уэльса,

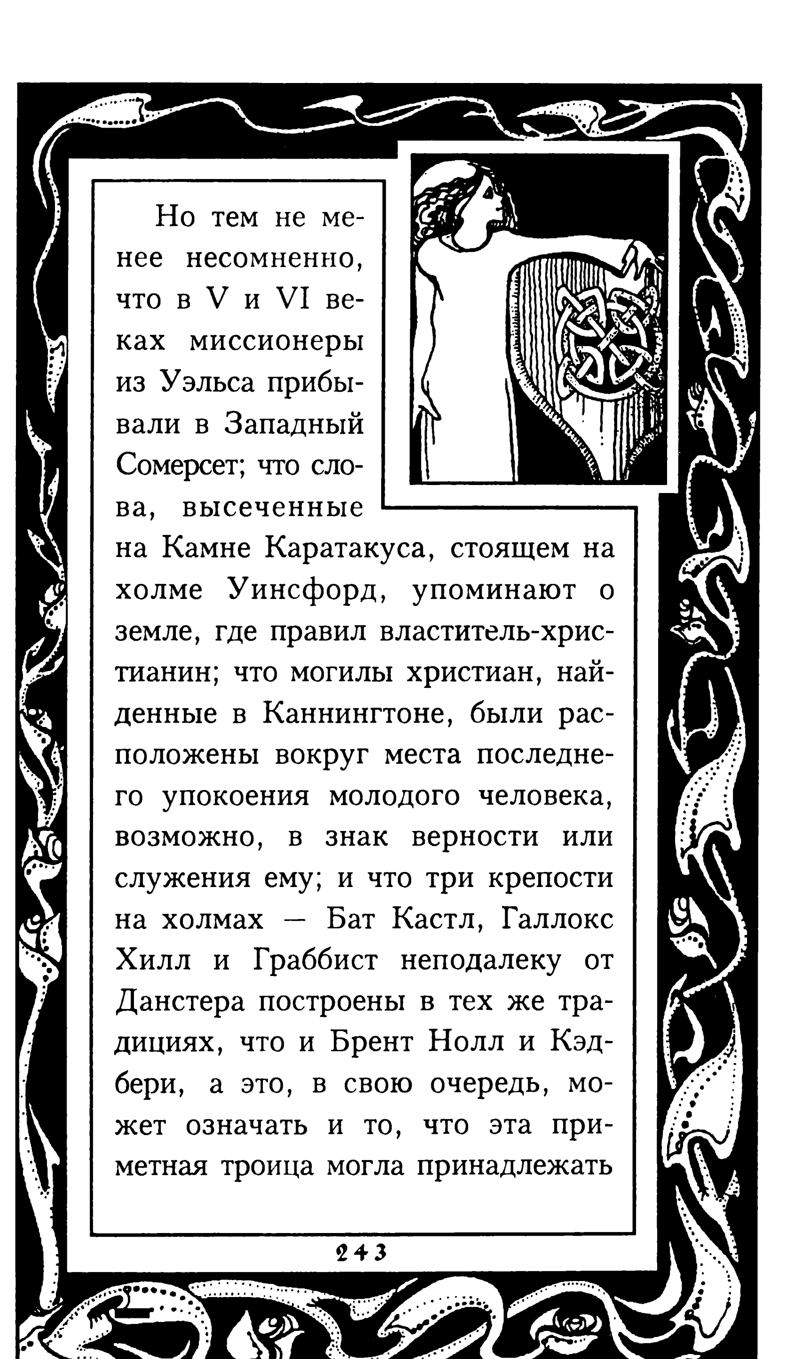




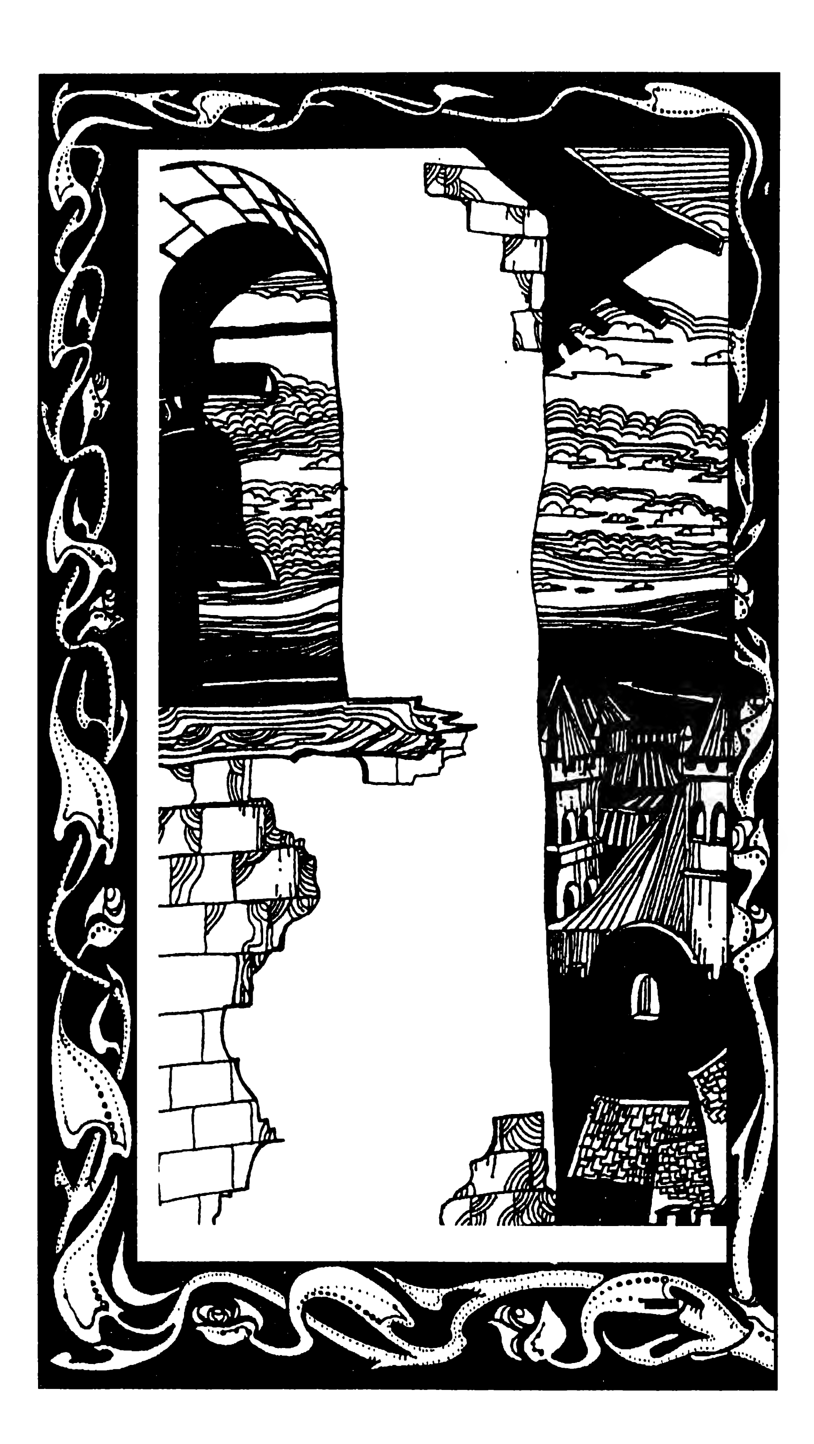
примерно в 1130 году, именно в то время, когда Карадок из Лланкарфана описывал, как Гильдас со своими последователями пришел из Девона и Корнуэлла в Гластонбери, чтобы примирить Мелваса и Артура. Мы, вероятно, никогда не узнаем, кто перенес Артура в Диндрайтоу и Каррум, однако можно не сомневаться, что сверхсоперник Гластонбери — Уэльс кое-что сделал для отождествления Каррума и Кархэмптона. Неужели это просто стечение обстоятельств, что в 1180 году, в пору, когда Гластонбери переживало тяжелейший кризис, в ведение Уэльской епархии перешли две церкви в Кархэмптоне?

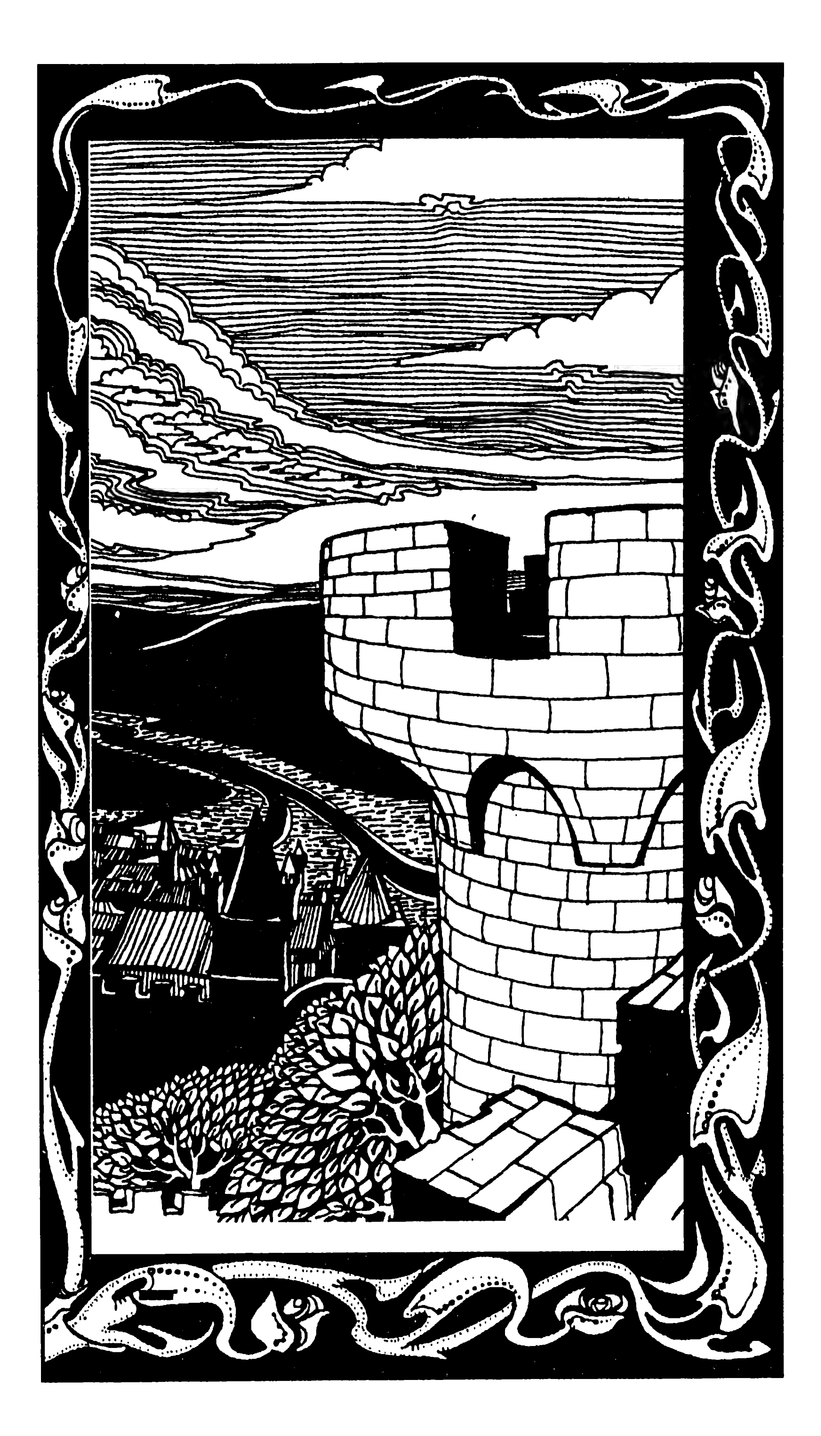


Одна из этих церквей, посвященная св. Карантоку, в начале XIV века еще существовала, хотя даже местоположение ее сейчас неизвестно. Другая — это нынешняя приходская церковь св. Джона Баптиста, знаменитая своими прекрасными, позднесредневековыми витражами. Джон Леланд предполагал, хотя современные специалисты с ним не согласны, что название местности Кархэмптон происходит от «города Карантока». По современным научным меркам уже некорректно предполагать, что Диндрайтоу — это Данстер, хотя для семейства Моган, владельцев замка в XII веке, было бы лестно думать, что они живут там, где раньше ступала нога Артура.



Но тем не менее несомненно, что в V и VI веках миссионеры из Уэльса прибывали в Западный Сомерсет; что слова, высеченные на Камне Каратакуса, стоящем на холме Уинсфорд, упоминают о земле, где правил властитель-христианин; что могилы христиан, найденные в Каннингтоне, были расположены вокруг места последнего упокоения молодого человека, возможно, в знак верности или служения ему; и что три крепости на холмах — Бат Кастл, Галлокс Хилл и Граббист неподалеку от Данстера построены в тех же традициях, что и Брент Нолл и Кэдбери, а это, в свою очередь, может означать и то, что эта приметная троица могла принадлежать





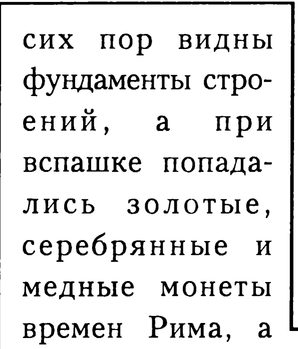
властителю — воину Темных Веков.

КАМЕЛОТ

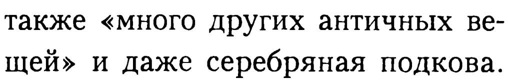
«...величавый город тенистых дворцов»

Теннисон. ИДИЛЛИЯ КОРОЛЯ, ГАРЕТА И ЛИОНЕТТЫ

«Камелот... некогда знаменитый город или замок на вершине горы или холма, месте, прекрасно укрепленном самой природой». Так писал Джон Леланд. Холм подавляюще возвышается над деревушкой Южного Кэдбери своей вершиной, поросшей лесом, скрывающим крепостные валы огромной цитадели. В Южном Кэдбери в XVI веке, когда там побывал Леланд, не сомневались, что это место особое. На вершине до



сих пор видны фундаменты строений, а при вспашке попадались золотые, серебрянные и медные монеты времен Рима, а

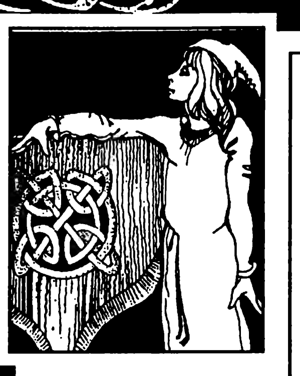


также «много других античных вещей» и даже серебряная подкова.

Названия двух близлежащих деревень — Южный и Королевский Камел и название реки, протекающей в тех местах — Кам, также наталкивают на мысль о Камелоте. На самом деле эти названия не могут являться удовлетворительными основаниями подобного объяснения, тем более что Камел может также обозначать пустынный хребет, а имеется хорошее описание холмов позади нынешнего Южного Кэдбери. Тем не менее название и археологи под-

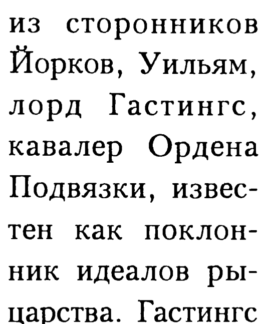
тверждают сведения Леланда, а скорее людей, которых он там встречал: «люди там не говорили почти ничего, лишь иногда рассказывали, что Артур часто прибегал к помощи Камелота».

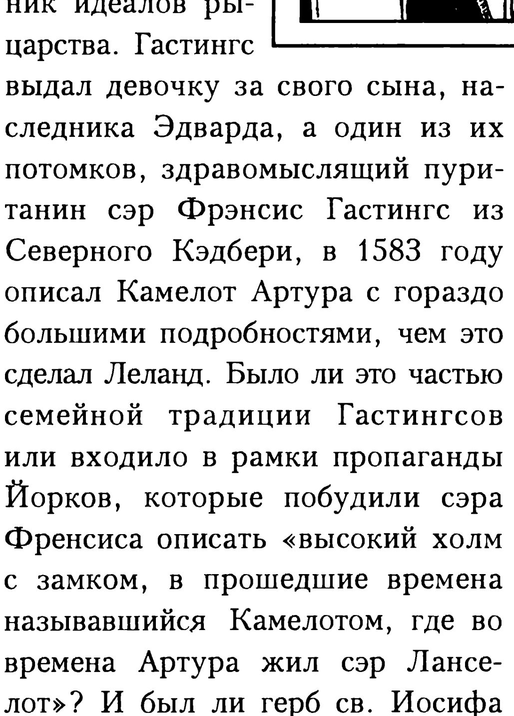
Может ли этот зеленый холм, в прошлом хорошо укрепленный, быть центром мира Артура? Камелот по легендам был замком, окруженным равниной с лесом и рекой, протекавшей неподалеку; Камелот являлся тем местом, откуда начались поиски Святого Грааля; Камелот был желанным местом отдыха Гавэйна; и Камелот был разрушен вместе со всеми значительными укреплениями Логров во время вторжения Марка, после смерти Ланселота. Таков



Камелот рыцарских романов, но его местоположение никогда не упоминалось. Вероятно, он находился где-то в Южной Англии, но так считали до тех пор, пока сэр Томас Мэлори не сказал, что древней столицей Англии, домом Круглого Стола, является Винчестер.

Было ли такое заявление вызвано какими-либо причинами, отличными от политических? Мэлори, сторонник Йорков, несомненно, имел читателей-йоркцев. Южное Кэдбери принадлежало Хангерфордам — сторонникам Ланкастеров, но с 1478 года их единственная наследница, дитя по имени Мэри, перешло под опеку Лорда — камергера Англии. Этот вернейший





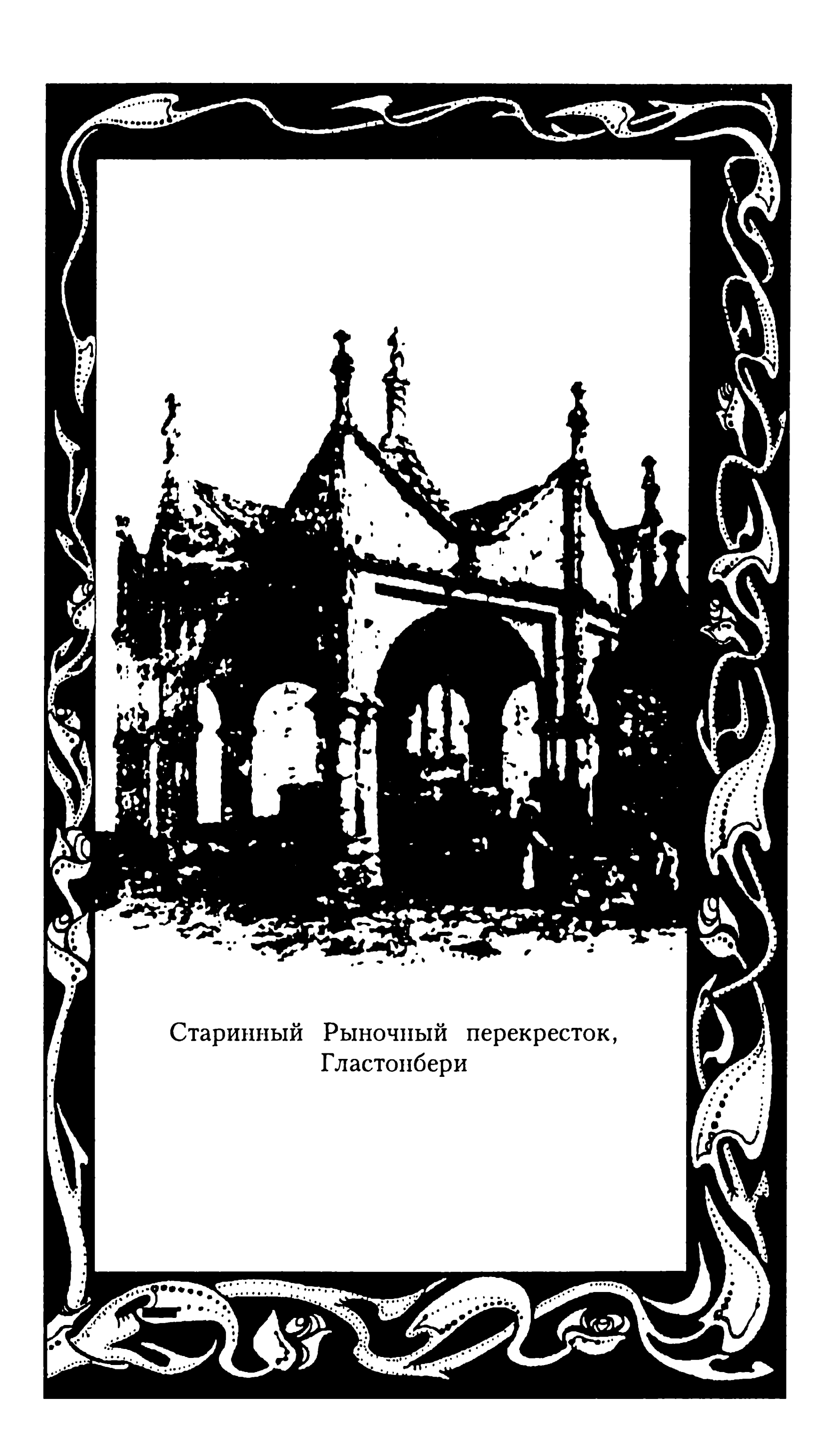
из сторонников Йорков, Уильям, лорд Гастингс, кавалер Ордена Подвязки, известен как поклонник идеалов рыцарства. Гастингс выдал девочку за своего сына, наследника Эдварда, а один из их потомков, здравомыслящий пуританин сэр Фрэнсис Гастингс из Северного Кэдбери, в 1583 году описал Камелот Артура с гораздо большими подробностями, чем это сделал Леланд. Было ли это частью семейной традиции Гастингсов или входило в рамки пропаганды Йорков, которые побудили сэра Френсиса описать «высокий холм с замком, в прошедшие времена называвшийся Камелотом, где во времена Артура жил сэр Ланселот»? И был ли герб св. Иосифа

Аримафейского вырезан над входом в церковь Северного Кэдбери? Может ли это быть другой частью, созданной Гастингсами, традиции связывать места с популярными устоями Гластонбери?

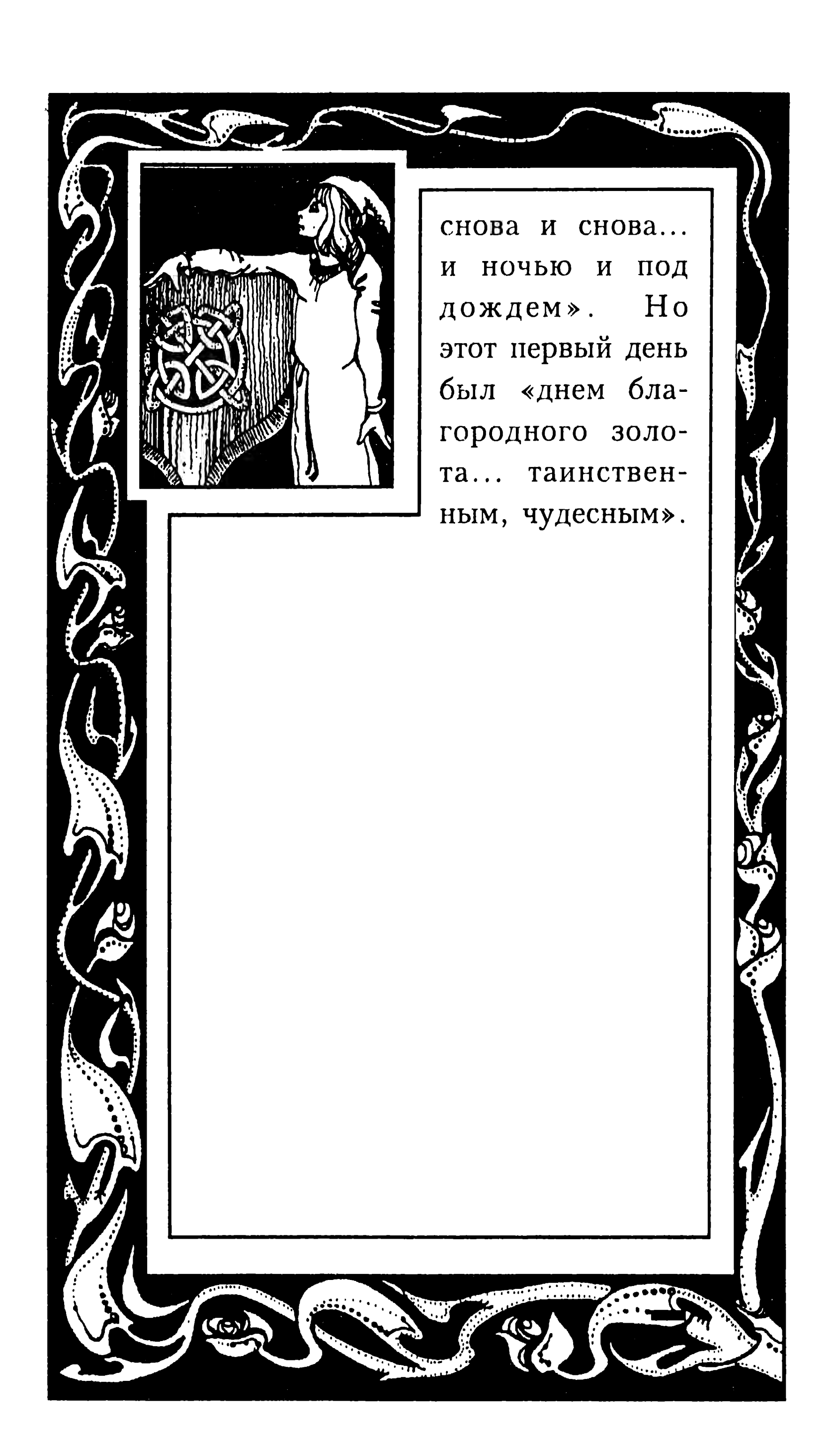
От XVI до начала XX века местные традиции продолжали сохраняться. О дворце короля Артура, самом высоком месте внутри крепостных валов, говорили в 1580 году. Колодец короля Артура можно видеть до сих пор на обочине тропинки, обегающей укрепления. Охотничий въезд короля Артура, или Тропинка Артура, — это воображаемая дорога, идущая на север от холма, возможно, в направлении Гластонбери (пересекающая реку Элам через мост Артура, что

ниже Ламиатского Маяка). Говорили, что Артур до сих пор спит в пещере под холмом, и однажды ворота откроются, чтобы все смогли его увидеть; и когда едут король и его конюх, в день летнего солнцестояния либо в Рождество, их кони останавливаются на водопой у церкви Саттон Монтис.

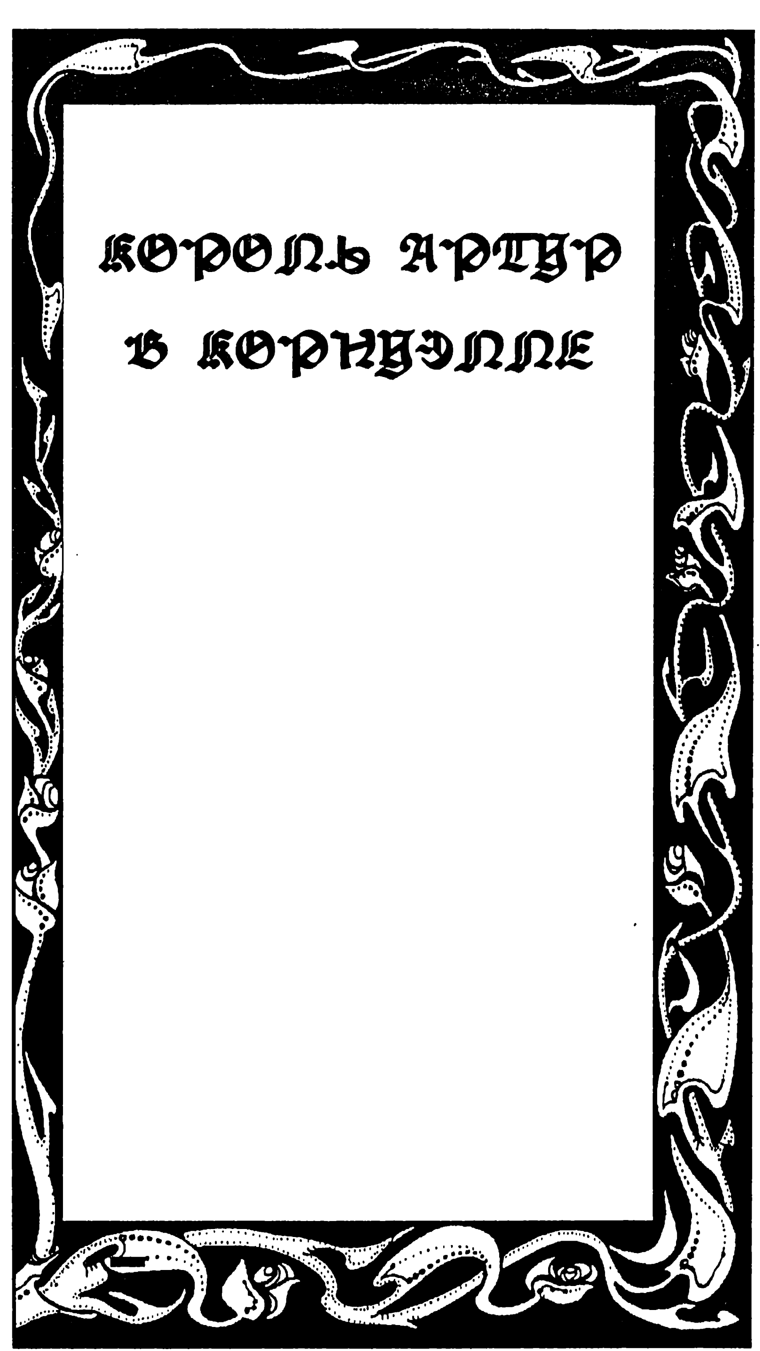
Легенда это или история, но взгляд через зеленый Сомерсет на Гластонбери Тор и Брент Нолл уже достаточная награда за усилия, потраченные на восхождение к крепостным валам Камелота. Джон Стейнбек, впервые оказавшийся здесь майским днем 1959 года, в золотой день обещал себе, что «он будет возвращаться сюда



Старинный Рыночный перекресток,
Гластонбери



снова и снова...
и ночью и под
дождем». Но
этот первый день
был «днем бла-
городного золо-
та... таинствен-
ным, чудесным».



9. Р. У Даннинг

Есть такие, кто утверждают, что нежная зелень Земли Лета незаметно переходит в ландшафты ее соседей по Англии, но ни у кого нет сомнений, что гранитные земли дальше к западу за Тамаром — это совершенно иной мир. Наступавшие саксы, как и римляне до них, удобно устроившись в Сомерсете и Девоне, сочли эту землю значительно менее привлекательной для себя. Здесь, на этом форпосте мира, связанного с Уэльсом, Ирландией и Бретонью, коренные кельтские народы смогли сохранить свои старинные дороги, свой язык и верования. Кельтские крепости до сих пор в изобилии встречаются в Корнуэлле, кельтские названия мест могут

служить путеводителем по истории поселений и святынь. Впрочем, следы Артура, героя кельтов, не похожи на кельтские и не столь древние, скорее они принадлежат к Англии средневековой, но романтической.

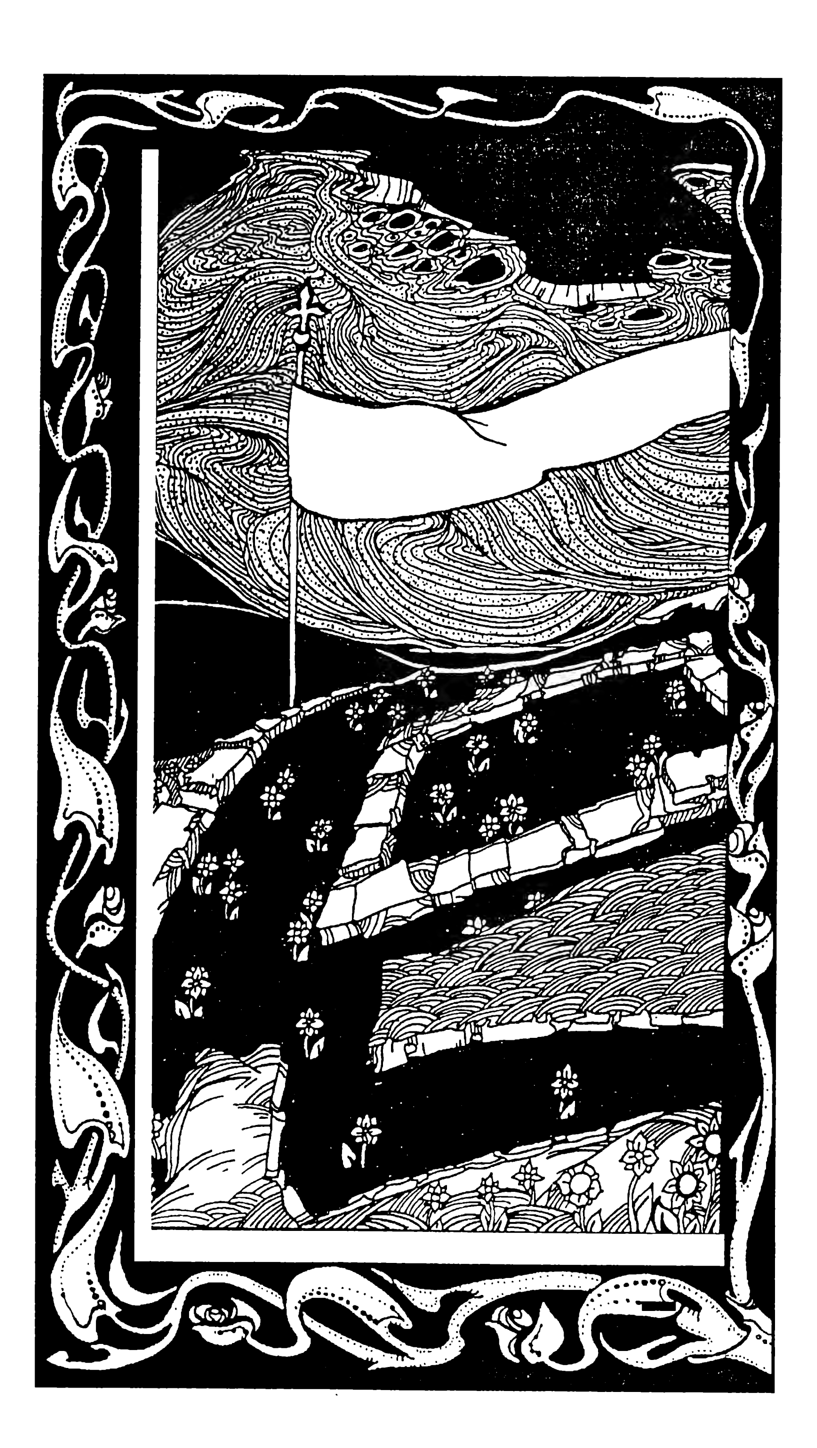
ТИНТАГИЛЬ

«Замок Тинтадгиль построен высоко над морем, которое окружает его со всех сторон... и нельзя подойти к нему иначе, как по узкому скальному перешейку». Так Джеффри Монмутский описывал место, куда герцог Корнуэлла Горлоис отправил свою жену Игрейну, чтобы уберечь ее (как он думал) от глаз короля Утера Пендра-

гона. Частенько, возможно умышленно, Джеффри неясно писал об упоминаемых им местах, но не возникает никаких сомнений, когда речь идет о Тинтагиле. Крепость находится в Корнуэлле, и с XII века этот возбуждающий любопытство мыс, относящийся к старинному приходу Боссини, носит имя, используемое Джеффри. Фактически Джеффри был первым, кто применил это название и чьи произведения дошли до наших времен, но это не говорит о том, что он его изобрел. Разумеется, название могло быть образовано от части древнего корнуэлльского слова *дин*, или *дан*, означающего холм или форт. Кроме того, как уже было сказано, мыс выдается в море, со-

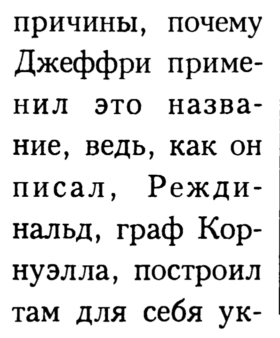
единяясь с берегом лишь узким скальным перешейком.

Впрочем, Игрейна не была там в безопасности. В то время как Утер Пендрагон продолжал осаду Горлоиса в Димилиоке, его страсть разгоралась все сильнее и сильнее. Как он мог добраться до нее, если трижды укрепленный вооруженными людьми Тинтагиль защищал леди от самой сильной армии? Проблему решили колдовские зелья Мерлина. С их помощью Утер принял облик Горлоиса и встретил в замке теплый прием от жены, потрясенной тем, что ее господин ради встречи с ней рисковал жизнью. Здесь, в Тинтагиле, и был зачат Артур. Примечательно, что ни обман, ни смерть



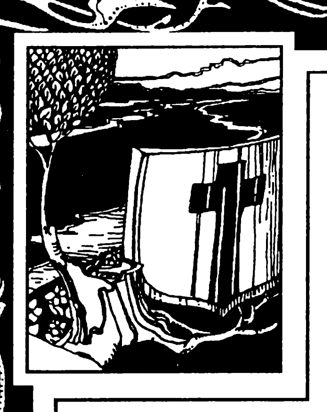
Горлоиса не произвели на леди чрезмерно большого впечатления, и они с Утером «жили вместе как единое целое, соединенные великой любовью друг к другу».

Просто ли романтическая ситуация заставила Джеффри Монмутского связать эти события с Тинтагилем? Что находилось в его времена на этом месте или какие истории, дошедшие до нас из прошлого, о нем рассказывали? Идея, вероятно, была им заимствована из старинного романа о Тристане и Изольде; более поздние версии сделали Тинтагиль местом замка короля Марка, местом, куда Тристан должен был доставить Изольду, невесту его дяди и короля. Кроме того, имелись и практические



причины, почему Джеффри применил это название, ведь, как он писал, Реджинальд, граф Корнуэлла, построил там для себя укрепленный замок. Реджинальд, незаконный сын Генриха I, был именно тем человеком, которому клерик, ищущий себе покровителя, мог бы польстить. Именно таким клериком и явился Джеффри. Разве вся его книга не посвящена сводному брату Реджинальда, гораздо более могущественному графу Глочестерскому, Роберту?

Любопытно, что Джон Леланд, проведший в Корнуэлле немало времени и тщательно собиравший традиции Артура по всей стране, описал замок Тинтагиль таким, каким увидел его в 1540-х годах,

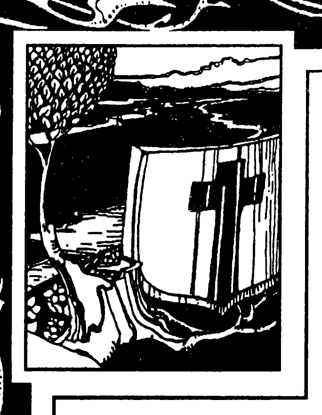


но не упомянул при этом Артура. «Поразительно мощный и благородный замок и практически неприступный», — писал он, — охраняемый «жутким, высоким кряжем» и окруженный морем, но в его времена уже всего лишь пастбище для овец и кроликов, достижимый только по мосту, сделанному из длинных вязов».

Но хотя в Тинтагиле XVI века уже не было Артура и не было Марка, все еще существовала одна вещь, предполагающая более древнее происхождение. Это близлежащая часоня св. Джулиота, одного из детей Бричана, уэльского короля V века, несшего свет христианства на берега Девона и Корнуэлла. Джулиот вообще очень размы-

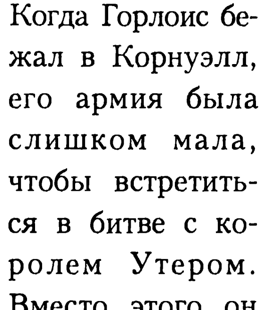
тая историческая фигура, историки не уверены даже, мужчина это или женщина, и вообще не знают, сколько было детей у Бричана, предположения различны (от 11 до 62).

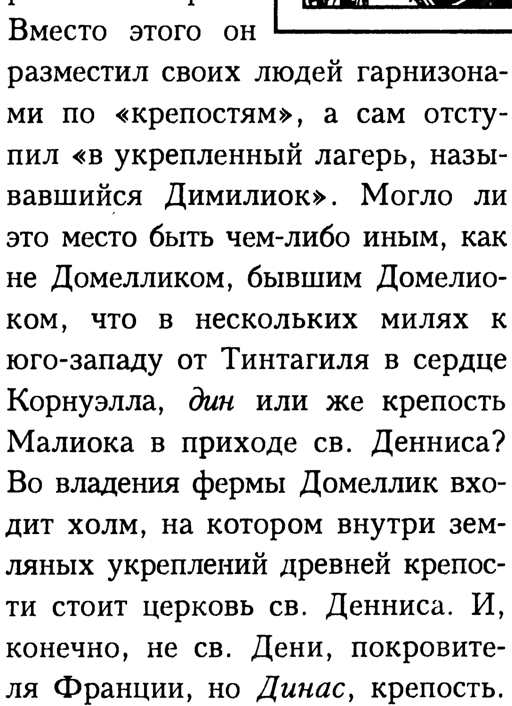
Археологам удалось обнаружить нечто более конкретное. Раскопки на мысе привели к находке клетеподобных структур, которые уже давно отождествляются с важнейшими кельтскими монастырскими поселениями в традициях Ирландии, возможно Рознанта. А как можно воспринимать скопление примитивных каменных строений с земляными полами и тростниковыми крышами кроме как монашеские кельи? Немного сомнений возникало по поводу датировки, пос-



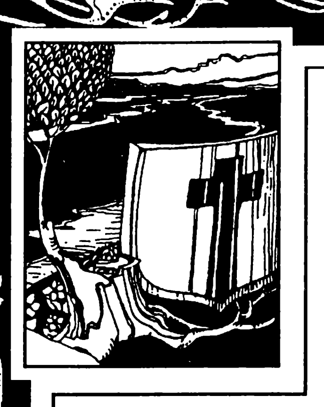
кольку поиски вокруг этого места принесли несколько находок — осколков керамических изделий, завезенных из восточного Средиземноморья в конце V века и позже. Специалисты согласны с тем, что место использовалось до VIII века, когда появляются явные признаки упадка.

Впрочем, имеются сомнения другого плана — дело в том, что эта особенная керамика начала производиться во многих местах, причем связи при этом были не только религиозные, но и мирские. Не мог ли на Тинтагиле, до того как там был основан монастырь, находиться замок правителя-воина? Мог ли Джеффри Монмутский в конечном итоге оказаться прав?





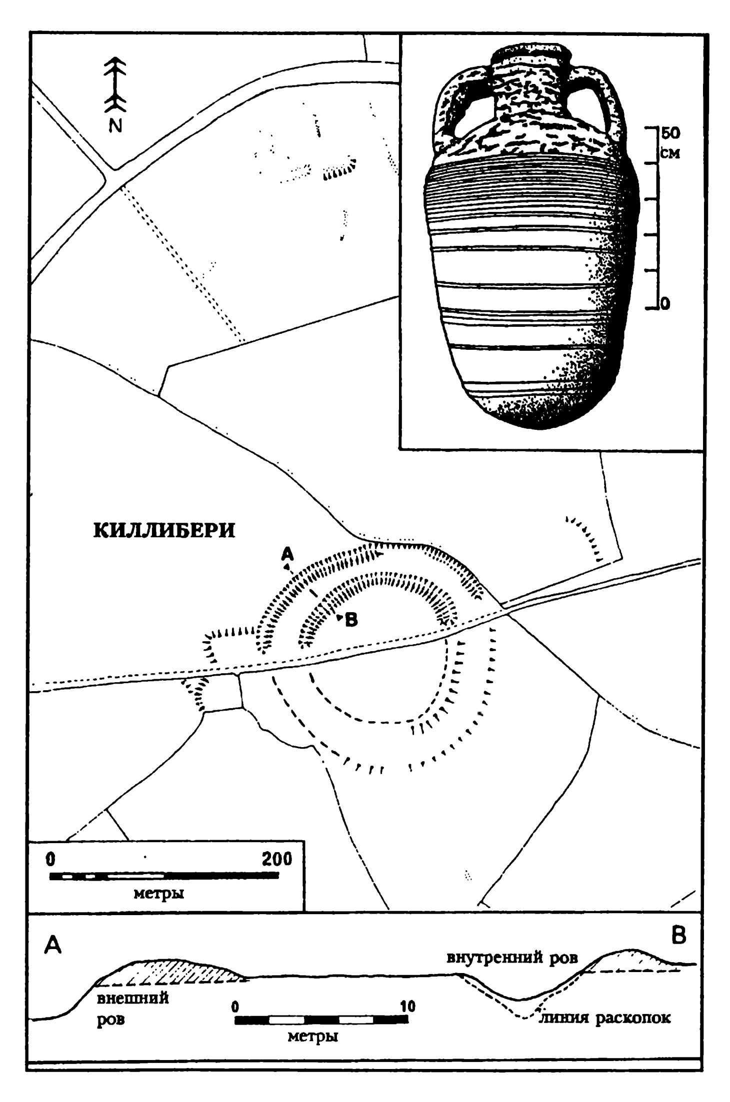
Когда Горлоис бежал в Корнуэлл, его армия была слишком мала, чтобы встретиться в битве с королем Утером. Вместо этого он разместил своих людей гарнизонами по «крепостям», а сам отступил «в укрепленный лагерь, называвшийся Димилиок». Могло ли это место быть чем-либо иным, как не Домелликом, бывшим Домелиоком, что в нескольких милях к юго-западу от Тинтагиля в сердце Корнуэлла, *дин* или же крепость Малиока в приходе св. Денниса? Во владения фермы Домеллик входит холм, на котором внутри земляных укреплений древней крепости стоит церковь св. Денниса. И, конечно, не св. Дени, покровителя Франции, но *Динас*, крепость.



Крепость Малиока — это, разумеется, не большая твердыня Горлоиса, та находится в двух милях к северу за Госским торфяником, большой Кастл-ан-Динас. Джеффри Монмутский не был невеждой в традициях и топографии Корнуэлла.

КЕЛЛИВИК

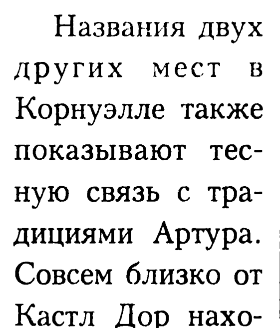
Есть еще одна крепость в Корнуэлле, с историей более долгой, чем у Тинтагиля, с более длительными традициями, чем даже Карлеон, Город Легионов. Если верить древним уэльским традициям, обожествлявшим Триады, и памяткам сказочников на острове Британия, во времена Артура существовали



Замок Киллибери. В верхнем углу средиземноморская амфора, фрагменты которой были найдены в этом месте

три племенных трона: Пен Рионидд — где-то на севере, и Св. Давид — где восседали двое правителей. Третьим был Келливик, несомненно, в Корнуэлле, одновременно и дом Артура, и его столица.

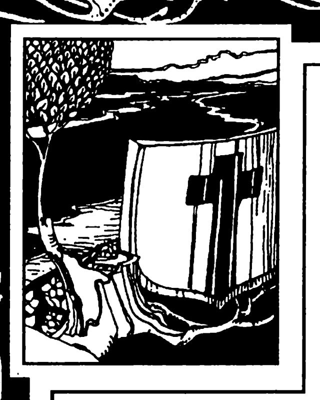
Где находилась эта «крепость страны лесов», как говорит об этом название? Были свои сторонники у версий, что это Каллингтон, Калливит и Баррас Ноуз возле Тинтагиля, были они и у версий Гуик Вуда и Уиллапарка. Но наиболее убедительные аргументы имелись в пользу Кастл Киллибери, или Келли Раундз, — крепости на холме к северо-востоку от Уэйд — Бриджа, в виду реки Камель.



Названия двух других мест в Корнуэлле также показывают тесную связь с традициями Артура. Совсем близко от Кастл Дор находится ферма, носящая имя Кархурльз, по мнению корнуэлльского историка Чарльза Гендерсона, «очень возможно», что это означает крепость (caer) Горлоиса. А названия Тремодет в Роче и Карведрас в Кенвине — они ли не эхо названий дома и крепости Мордреда?

КАМЛАНН

Две огромных армии, 60000 под рукой Мордреда и девять дивизий со стороны Артура, встретились у реки Канблам, и произошла огромная битва. Изменник Мордред был

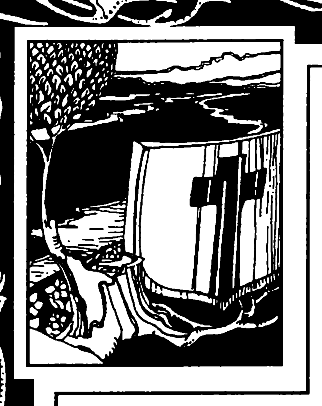


убит, а король Артур — смертельно ранен. Так говорил Джеффри Монмутский, и для него не было сомнений в том, что Канблам находится в Корнуэлле; по уэльскому фольклору место финальной битвы называлось Камланн и находилось оно также в юго-западной Британии.

Леланд в 1540 году писал, что, по словам местных жителей, у Камелфорда при вспашке находили кости и части доспехов на месте, где «Артур нашел свое последнее поле», так что в тех местах традиции фольклора были весьма сильны. В XVI веке археологи все еще не могли доказать, что это то самое место, где в Темные века проходила битва, а более простым

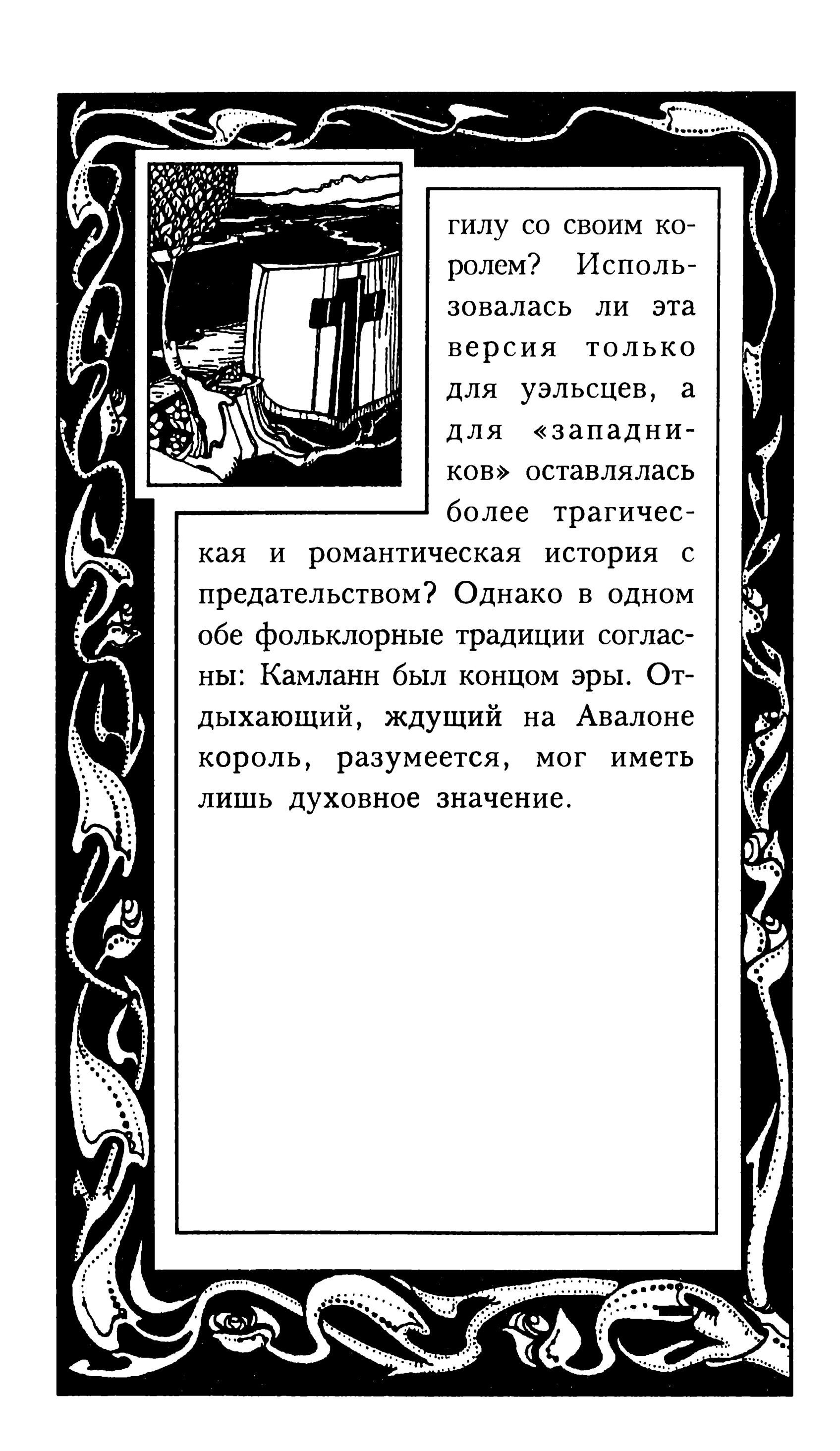
объяснением останков могла быть битва, произошедшая в 823 году, когда Эдгар Саксонец завоевывал Корнуэлл. Название Слаутер Бридж (Мост битвы), неподалеку от Камелфорда, говорит о многом, а название места — Могила Артура — добавляет вес к остальным аргументам. Впрочем, «могила» представляет собой всего лишь могильный камень, принесенный откуда-то в XVIII веке, а надпись говорит, что под ней похоронен отнюдь не Артур, а Латинус, сын Магаруса. Истертые буквы много лет назад могли быть истолкованы как «Атри» и привести к желаемым выводам.

С Камланном наблюдаются большие трудности: не с самим

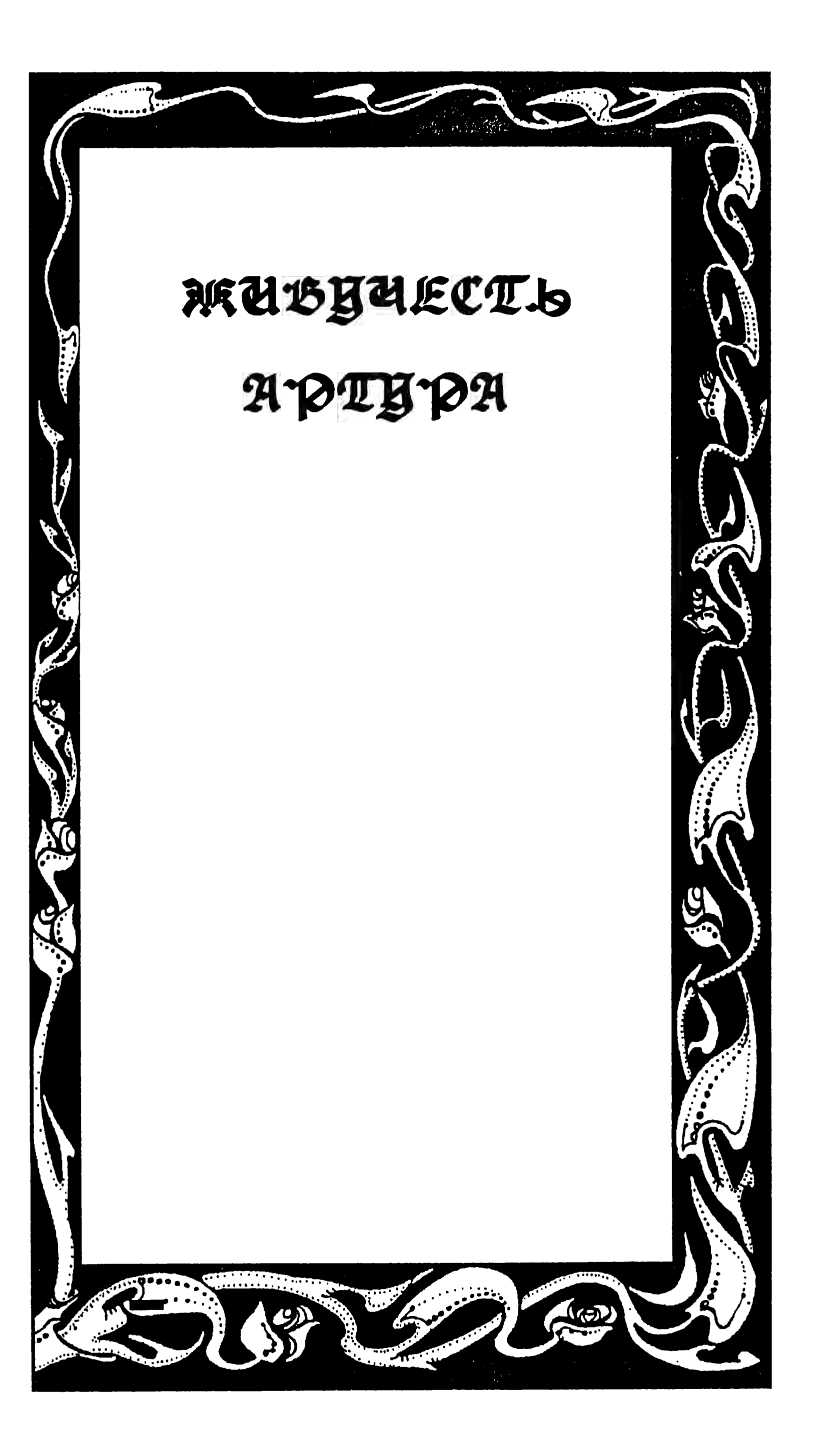


местом, а с событиями, что были там. Джеффри Монмутский писал об огромной битве, произошедшей в тех местах. Леланд — о битве один на один на мосту, в которой Мордред сначала отравленным мечом ранил Артура, а затем Артур нанес противнику смертельный удар. Источники уэльского происхождения, составленные гораздо раньше, чем работа Джеффри, сообщают о «битве при Камланне, где погибли Артур и Мордред», и также делают Мордреда героем, павшим в битве на стороне Артура. Не является ли это обьяснением первой версии находки могилы в Гластонбери, версии, о которой пишет хронист Маргэмского аббатства и по которой Мордред разделил мо-

Древняя англо-саксонская брошь

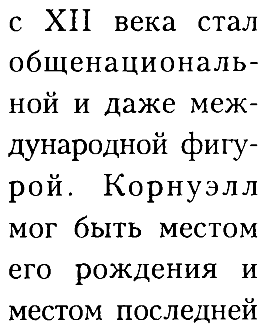


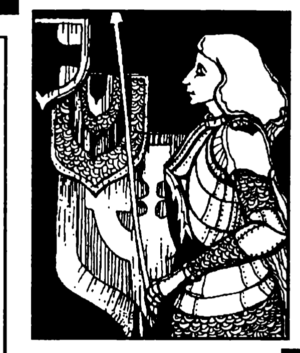
гилу со своим королем? Использовалась ли эта версия только для уэльсцев, а для «западников» оставлялась более трагическая и романтическая история с предательством? Однако в одном обе фольклорные традиции согласны: Камланн был концом эры. Отдыхающий, ждущий на Авалоне король, разумеется, мог иметь лишь духовное значение.



Живучесть Артура

Легенды не умирают по политическим решениям или под топором палача, скорее уж они расцветают. Расформирование аббатства Гластонбери и казнь его аббата и двух монахов в 1539 году не уничтожило Легенду об Артуре. В XVII веке три терновых куста, цветущих на склонах Вэриэл Хилла, стали потомками посоха св. Иосифа Аримафейского, принесенного им из Гефсиманского сада, и в глазах пуританина с топором они виделись просто оскорблением. Этот здравомыслящий пуританин, сэр Френсис Гастингс, мог писать о сэре Ланселоте и Камелоте, не вступая в противоречие со своей религиозной чувствительностью. Король Артур

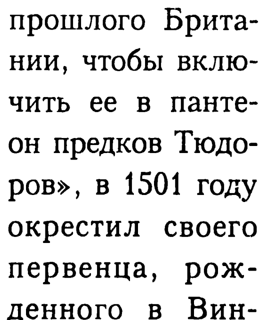




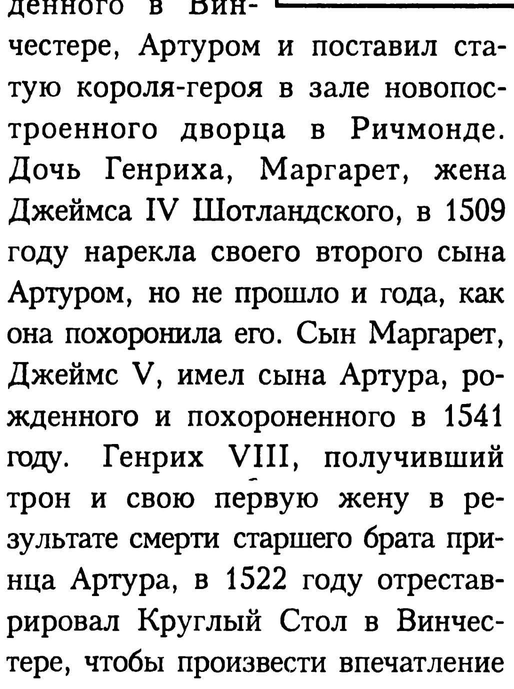
с XII века стал общенациональной и даже международной фигурой. Корнуэлл мог быть местом его рождения и местом последней битвы; Сомерсет — тем местом, где он провел большую часть своей жизни и где сделал больше всего; Гластонбери же — место его последнего упокоения, но принадлежит он всей нации.

В его «национализации» сыграли свою роль несколько средневековых королей. Историки сейчас соглашаются, что Круглый Стол в Винчестере был изготовлен во времена правления Генриха III. Интерес Эдуарда I к Артуру наглядно показан его визитом в Гластонбери в 1278 году. Учреждение Эдуардом III ордена Подвязки, несомненно,

основано на представлениях короля о Круглом Столе, а расширение ордена Эдуардом IV отражает интересы короля, который, вероятно, был знаком с автором «Смерти Артура». Кроме того, он являлся королем, чей внебрачный сын от Елизаветы Люци, урожденной Уэйт, был окрещен Артуром и носил много характерных черт своего щедрого и даже расточительного отца. А почему Артур? Может быть, потому, что дом Елизаветы находился неподалеку от Винчестера, где по воле Мэлори разместился Камелот; впрочем, это могло быть и собственным желанием короля, еще одной частью пропаганды Йорков. Генрих VII, искавший «подходящую фигуру из



прошлого Британии, чтобы включить ее в пантеон предков Тюдоров», в 1501 году окрестил своего первенца, рожденного в Винчестере, Артуром и поставил статую короля-героя в зале новопостроенного дворца в Ричмонде. Дочь Генриха, Маргарет, жена Джеймса IV Шотландского, в 1509 году нарекла своего второго сына Артуром, но не прошло и года, как она похоронила его. Сын Маргарет, Джеймс V, имел сына Артура, рожденного и похороненного в 1541 году. Генрих VIII, получивший трон и свою первую жену в результате смерти старшего брата принца Артура, в 1522 году отреставрировал Круглый Стол в Винчестере, чтобы произвести впечатление

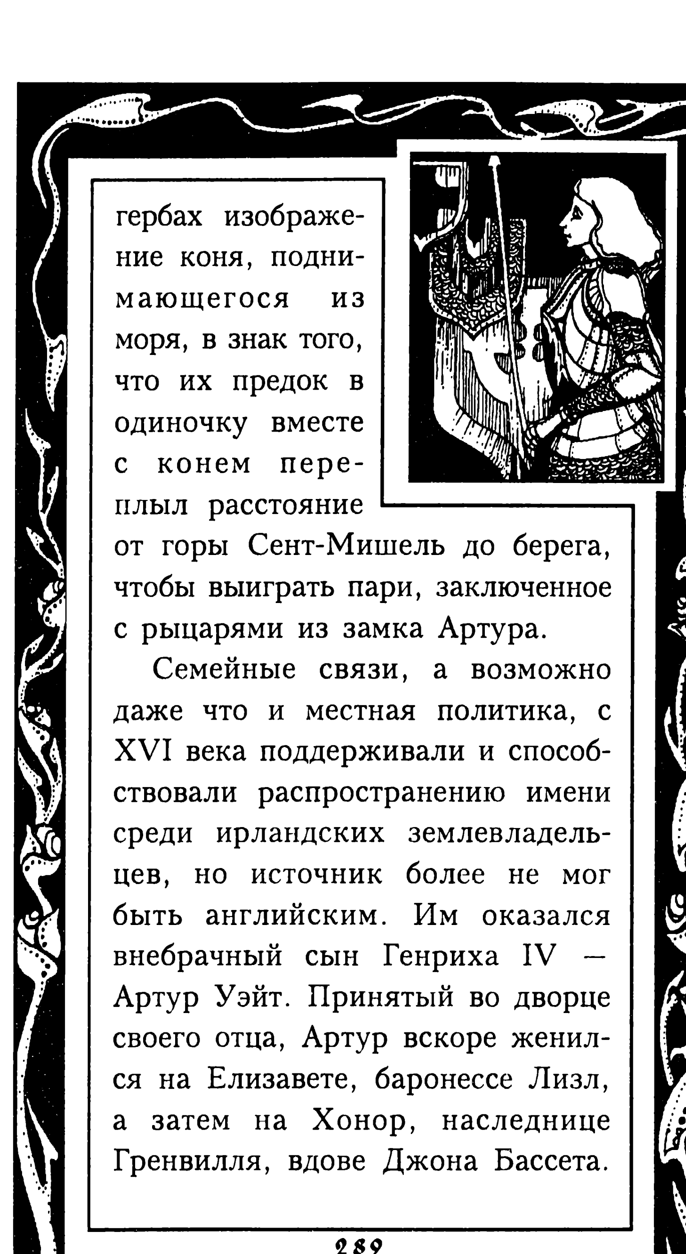


на императора Чарльза V. Прекрасными образчиками пропаганды Тюдоров могут служить фигура тюдороподобного Артура на почетном месте и тюдоровская роза в центре.

Новое столетие, но престол остается тем же. В 1850 году третий сын королевы Виктории наречен Артуром. Позднее он стал герцогом Каннаута и передал свое имя сыну и внуку. Одно из имен принца Альберта, позднее короля Георга VI, — Артур — дано ему при крещении. Оно же входит в полное имя его внука, принца Чарльза, данное при крещении в 1948 году. Влияние Теннисона простирается очень далеко.

Но что же самое популярное на рынке? Выбор имени иногда диктует мода, иногда семейные традиции. Трудно сказать, было ли это политикой или влиянием литературы и кто, король или Мэлори, повлиял на Хемфри Невилла из Школы Айклифф в Веардейле, но в 1470—1480 годах он назвал своего сына Артуром, а тот в свою очередь своего сына Ланселотом. Вероятно, преданность Гластонбери и его традициям заставила Джона Брука (ум. в 1522), старшего служителя аббатства, назвать своего второго сына Артуром. Другие сомерсетские джентри (нетитулованное мелкопоместное дворянство) вроде Уильяма, Лорда Сторртона (ум. в 1548) или Кристофера

Хадли (ум. в 1540) называли своих детей именем героя-короля. Сентальбины из Альфокстона пошли дальше. В течение нескольких поколений, начиная с конца XVIII века, их любимым было имя Ланселот. Традиция основана Джоном Сентальбином, который назвал четверых своих сыновей Ланселот, Тристрам, Артур и Георг. В XVI веке имя Артур появляется в семье Мэлетов из Западного Квантоксхеда, Блэйксов из Плэйнсфилда, Блутсов из Киттисфорда (все в Сомерсете), у Чемпернаунов из Дартингтона в Девоне; но, что любопытно, не среди фамилий джентри из Корнуэла, хотя Тревельяны из Сентвипа, а позднее Неттлкомбы в Сомерсете носили на своих



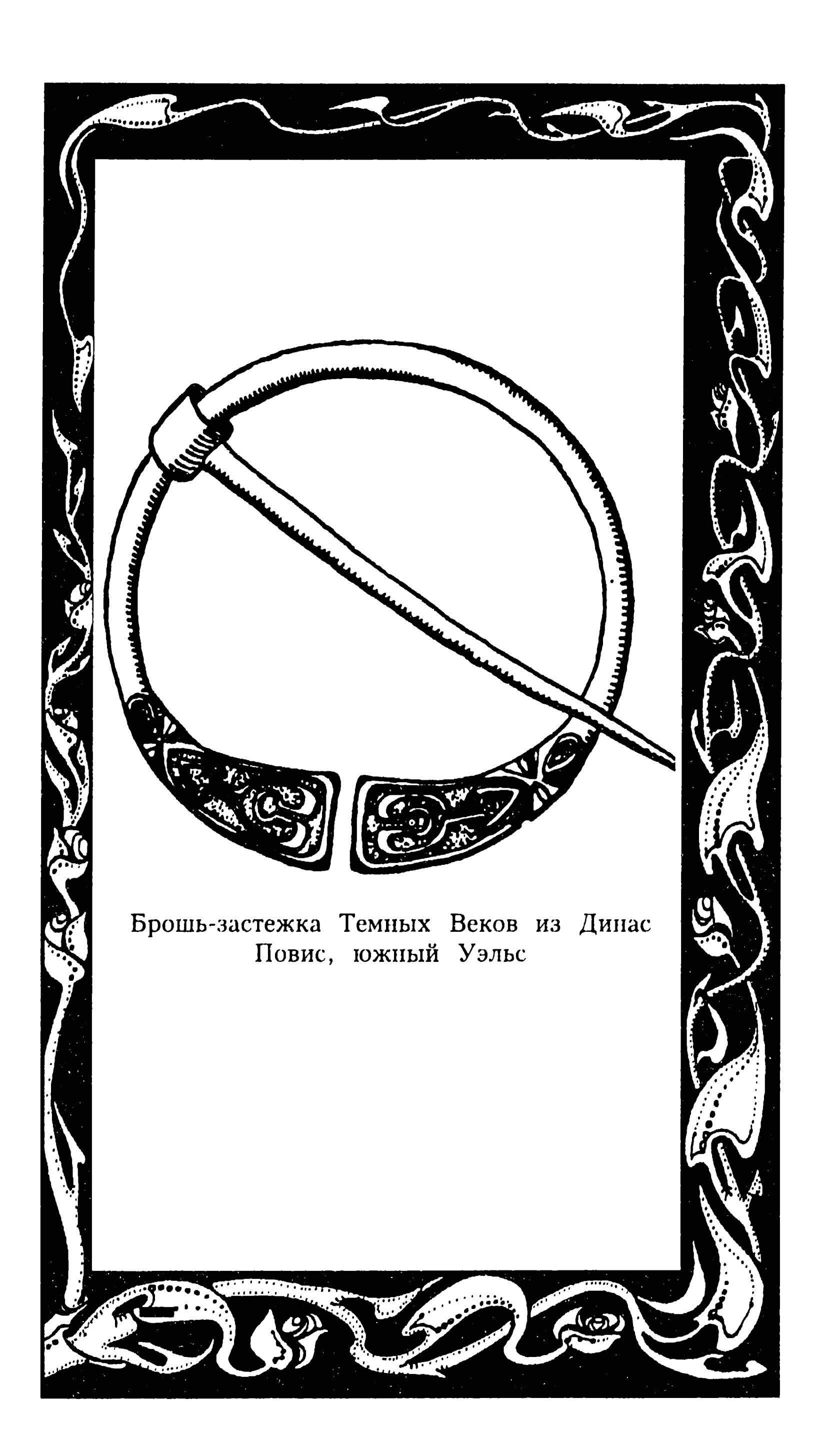
гербах изображение коня, поднимающегося из моря, в знак того, что их предок в одиночку вместе с конем переплыл расстояние от горы Сент-Мишель до берега, чтобы выиграть пари, заключенное с рыцарями из замка Артура.

Семейные связи, а возможно даже что и местная политика, с XVI века поддерживали и способствовали распространению имени среди ирландских землевладельцев, но источник более не мог быть английским. Им оказался внебрачный сын Генриха IV — Артур Уэйт. Принятый во дворце своего отца, Артур вскоре женился на Елизавете, баронессе Лизл, а затем на Хонор, наследнице Гренвилля, вдове Джона Бассета.

И Гренвилли, и Бассеты — это коренные семейства Девона. Артур, последний Плантагенет, был возведен в звание виконта Лизл, служил своему королю в Калаисе, но попал под подозрение в измене. Как говорят, он умер в 1542 году от радости, узнав, что его выпускают из Тауэра.

Старшая дочь Лизла, Франсез, была замужем за одним из дальних родственников, Джоном Бассетом, и их сын Артур Бассет (1541—1586) стал родоначальником Бассетов из Амберлея и Чичестеров из Халла, оба семейства из Девона. И, вполне вероятно, именно он был причиной того, что Джон Чичестер из Халла в 1563 году назвал своего второго сына

Артуром. Этот Артур, первый барон Белфаст, стал первым из ирландских Чичестеров, виконтов Чичестер, эрлов и маркизов Донегалла. Артуру Чичестеру, первому барону Белфаста наследовал его племянник, тоже Артур, сын его брата, полковника Джона Чичестера из Данганнона в округе Тайрон. Марк Тревор (ум. в 1670 году) в 1662 году принял титул виконта Данганнона, правителя Ольстера и Маршала Ирландской Армии. Предположительно, он был соседом Чичестеров, возможно, они дружили, и его собственная семья из Бринкиальта в Северном Уэльсе в своей родословной также насчитывала нескольких Артуров.



Брошь-застежка Темных Веков из Динас Повис, южный Уэльс

Брошь-застежка IV века из Кэрвента,
южный Уэльс

Вооруженный всадник III века из Дара Европос, долина Евфрата

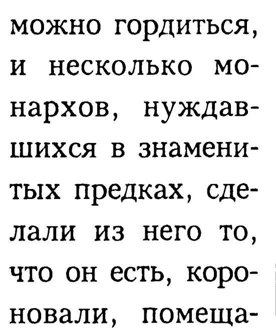
Таким образом, имя Артура было передано младшему сыну Тревора, а затем через женитьбу дочери Тревора на одном из членов семьи Хиллов традиция перешла и к ним. В 1766 году Артур Хилл-Тревор был возведен в титул виконта Данганнона. В 1771 году его наследовал его сын Артур, а дочь Анна в 1759 году вышла замуж за Гаррета Уэлси, барона Морнингтон. Его пятый, впрочем третий из выживших, сын, родившийся в 1769 году, почти неизбежно был наречен Артуром. Он умер в 1852 году, более известный как герцог Веллингтон, спаситель отечества от темноты с другой стороны моря, владелец титула и поместья, которое находилось, разумеется, в Стране Лета.

Прошлого и
грядущего
король

Образ спящего короля, который лежит, но готов спасти свой народ в годину великой опасности, воплощает в себе идею стабильности в ненадежном мире. Артур не только вождь, отдыхающий до тех пор, пока страна не станет нуждаться в нем; уверенность, создаваемая им в Северной Европе, проявлялась в призывах к его скрытому присутствию в столь отдаленных местах, как Северная Норвегия и кельтских поселениях во Франции. Героизму, спящему или нет, нельзя позволить умирать, в этом дух нации.

Более тысячи лет Артур ободряет и вдохновляет. Каждое поколение в поисках героя, каждая нация в поисках наследия, которым

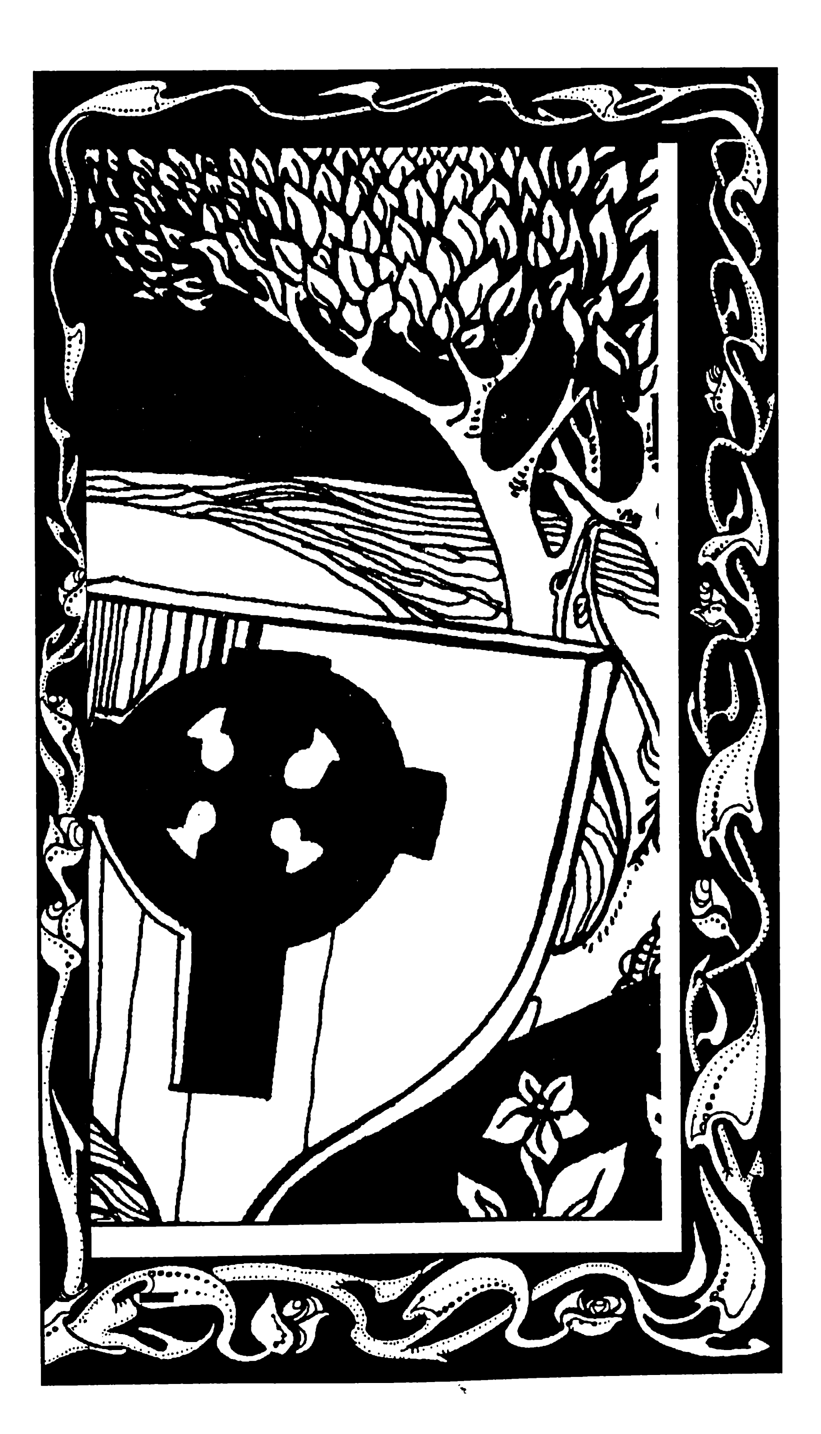
можно гордиться, и несколько монархов, нуждавшихся в знаменитых предках, сделали из него то, что он есть, короновали, помещали его на герб, устраивали в его честь турниры. Романы привлекали к нему магию и воспевали грешную плоть, поэты доносили до нас свои мечты, а художники — видения. Поиски Святого Грааля и подвиги рыцарской доблести, превосходившие все мыслимые рубежи, теперь размыты и смешаны современной реальностью. Для слишком многих людей Артур из легенды превратился в миф.

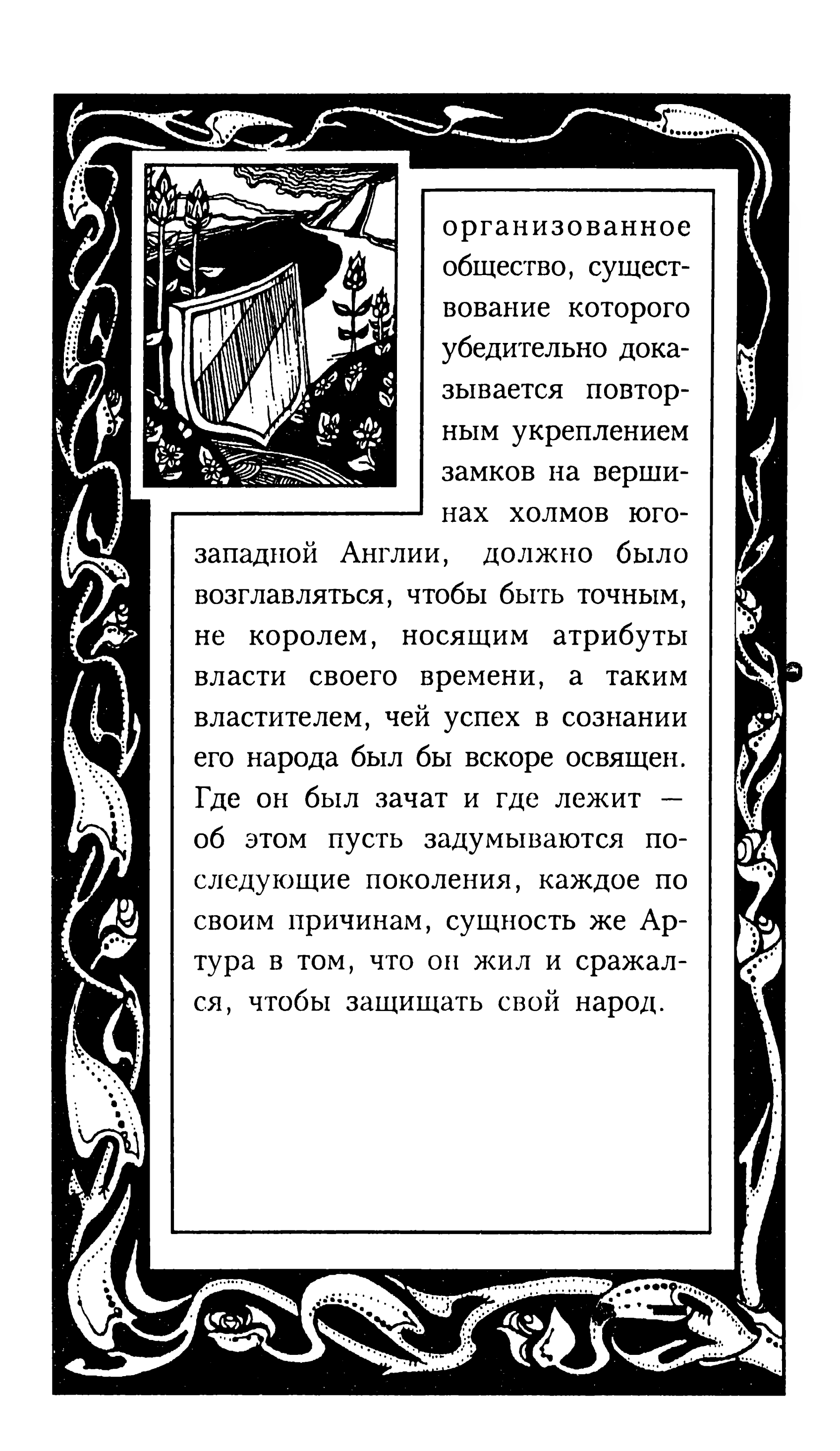


Причины размытости и смещений тоже обычны — историю подтасовывали. И Джеффри Монмутский, и каноны Уэльса, и монахи

Гластонбери вовсе не обязаны были смотреть на мир так же, как и вилланы, поэтому мы не можем быть уверенными, насколько точно они записывали древние рассказы, не дошедшие до нас. Мы не уверены, но можем подозревать, что их мотивы, как минимум, были направлены на принесение какой-то пользы либо себе, либо братии. Впрочем, с точки зрения археологии, Темные Века для XX века могли быть не столь темными для XII. И буквы на столбах крестов, и буквы, приведшие в замешательство Уильяма из Малмсбери, для некоторых из его современников были вполне понятными.

Разумеется, решающее слово остается за археологией. Сложное и





организованное общество, существование которого убедительно доказывается повторным укреплением замков на вершинах холмов юго-западной Англии, должно было возглавляться, чтобы быть точным, не королем, носящим атрибуты власти своего времени, а таким властителем, чей успех в сознании его народа был бы вскоре освящен. Где он был зачат и где лежит — об этом пусть задумываются последующие поколения, каждое по своим причинам, сущность же Артура в том, что он жил и сражался, чтобы защищать свой народ.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Все, изучавшие в Сомерсете легенды об Артуре, с большой благодарностью относятся к Дину Армитеджу Робинсону, автору небольшой книги «Две легенды Гластонбери: король Артур и Иосиф Аримафейский» (1926). Он явился основоположником критического исследования рассказов и легенд, которые для гластонберийских монахов были отражением действительно случившихся событий. Книга профессора Р. Ф. Трехерна «Легенды Гластонбери: Иосиф Аримафейский, святой Грааль и король Артур» (1967) убедительно построена на этих аргументах, и она стала моим первым знакомством с предметом. В последующие годы исследование продолжил Филипп Ратс, предметом его интересов были Тор, Бекери и Чалис Велл, причем эти места исследовались с археологической дотошностью и не затрагивали самого аббатства. «Путеводитель по Британии короля Артура» (1983) представляет собой взвешенное и аккуратное описание всех мест в стране, связываемых с королем Артуром. Ричард Барбер создал последнюю замечательную работу по исследованию литератур-

ной и исторической версий легенды — «Король Артур: герой и легенда» (1986). Джеймс Карли в редакции «Хроник аббатства Гластонбери» Джона Гластонберийского (1985) предлагает в комментариях и библиографии большой выбор как вторичного материала, так и первоисточников. Обширные знания В. Е. Хэмптона по позднесредневековой Англии послужили основой для реализации идеи — так возник замысел написать об йоркширском культе короля Артура. Главу по археологии отредактировал Стив Миннитт, а Ричард Брайент давал мне советы по археологии, помогал создать оформление книги и карт, а также был моим доброжелательным издателем.

Серия «След в истории»

Р. У. Даннинг

АРТУР — КОРОЛЬ ЗАПАДА

Редактор: Диденко Н.

Корректор: Авижас А.

Художник: Чубина Ю., Ферез А.

Оригинал-макет: Ильинов А.

Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993 г.

Сдано в набор 10.06.97 г. Подписано в печать 18.08.97 г.

Формат 84x108 $^1/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург».
Тираж 5000. Заказ № 3021.

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

Книги серии «След в истории», выпущенные издательством «Феникс»

В книгах представлены деяния людей, оставивших сед в истории, искусстве, музыке, литературе. Гении и злодеи, почитаемые и ненавидимые, олицетворившие созидание и приведшие к упадку, все они жили, дышали и оставили память о себе.

Р. Кнехт

Ришелье

Книга известного английского историка освещает с необычной для русского читателя позиции жизнь одного из самых замечательных людей в истории Франции.

М. Андерсон

Петр Великий

Книга известного английского историка освещает с необычной для русского читателя позиции жизнь великого царя.

Н. Роббинс

Черчилль

Книга известного английского историка представляет вниманию русского читателя известные и неизвестные факты из жизни самого знаменитого премьер-министра Великобритании.

И. Ш. Кораблев

Ганнибал

В книге рассказывается об одном из крупнейших полководцев всех времен и народов — Ганнибале, о борьбе Карфагена с Римом в IIIЧII в. до н. э. и причинах, приведших Карфаген к гибели.

Г. Ферреро

Юлий Цезарь

Предлагаемая вниманию читателя биография Юлия Цезаря принадлежит перу итальянского историка и психолога Гульельмо Ферреро. Написанная блестящим стилистом и оригинальным мыслителем, книга будет интересна не только специалистам, но и всем любителям истории. Взгляд Ферреро на жизнь и деятельность Цезаря заметно отличается от трактовок Т. Момзена, С. Л. Утченко и других биографов знаменитого диктатора.

Публикация русского перевода текста Ферреро (переводчик А. Захаров) была осуществлена в 1916 году издательством М. и С. Сабашниковых.

А. Шахермайер
Александр Македонский

Книга — итог многолетних исследований австрийского историка А. Шахермайера, связанных с личностью и деятельностью македонского царя Александра. Она охватывает все периоды жизни Александра Македонского. Здесь дается представление о той обстановке, которая окружала Александра Македонского с детства, рассказывается об истории Македонии, о географических и социально-экономических особенностях этой страны.

Американские президенты (исторические портреты)
Под ред. Юргена Хайдекинга

Книга предлагает читателю краткую историю Америки в зеркале жизнеописания ее президентов — от Джоржа Вашингтона до Билла Клинтона.

В биографических портретах отражены жизнь и время правления, важнейшие события и решения, рассматриваются успехи и упущения исторических деятелей.

Е. В. Тарле
Наполеон

Монография о Наполеоне Бонапарте, созданная выдающимся историком Евгением Викторовичем Тарле, не нуждается в специальном представлении. Не раз изданная в нашей стране, переведенная на многие европейские языки, она принадлежит к научным образцам мировой и отечественной историографии о Наполеоне. До сих пор не потерявшая научного значения, книга Е. В. Тарле отличается изысканным литературным стилем, увлекательностью изложения, тонкими психологическими характеристиками главного героя и его эпохи. Все это делает работу Е. В. Тарле привлекательной как для историков-профессионалов, так и для широких кругов читающей публики.

А. А. Кизеветтер
Исторические силуэты

Тонко и занимательно описывает знаменитый ученый известных деятелей истории России — Екатерина I, Меншикова, Голицына, Екатерину II, Потемкина, Александра I, Аракчеева.

АнтонНоймайр

Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон, Гитлер, Сталин

Наполеон, Гитлер, Сталин — эти люди, как никто другой, сумели вмешаться в ход истории нашей планеты, и даже их смерть не ослабила страстей, бушевавших вокруг их имен, и интереса к ним, как к личностям. Сумев обуздать миллионные массы людей на достижение собственных честолюбивых целей, они напролом шли к осуществлению своих бредовых идей, не стесняясь в выборе средств и не гнушаясь никаким насилием.

Увлекательные, выписанные в деталях, медицинские портреты, созданные пером профессора Антона Ноймайра, вновь заставляют ожить персонажей этой книги во всех оттенках их гениальности и чудовищной извращенности, дают нам возможность на этих примерах понять взаимосвязь между физическим и душевным состоянием личности и принимаемыми ею политическими решениями.

Захватывающая, потрясающая книга, заставляющая заново пережить Историю.

Об авторе

Надворный советник, университетский профессор медицины Антон Ноймайр известен во

всем мире как врач-терапевт. Будучи также выпускником оМоцартеумап (Зальцбургской консерватории), он приобрел известность как пианист, чему способствуют его регулярные выступления в Венском филармоническом обществе. Профессор АнтонНоймайр — неутомимый лектор, докладчик и популяризатор, постоянно выступающий с докладами на собраниях различных научно-медицинских обществ и с лекциями об интерпретации историй болезни выдающихся исторических личностей.

Профессор АнтонНоймайр известен широкой публике как автор трехтомного труда «Музыка и медицина», вышедшего в 1987—91 гг. в издательстве Jugent & Volk и уже переизданного на английском и японском языках.

АнтонНоймайр

Музыка и медицина

В книге описывается история великих композиторов Венской классической школы Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шуберта с точки зрения современных медицинских достижений, анализируются обстоятельства их жизни и связь с теми болезнями, которые им было суждено перенести.

Автор тщательно анализирует документальные материалы, скрупулезно собирает разрозненные

сообщения, изучает теории, сложившиеся вокруг этих великих людей, отделяет фантастические домыслы от действительных фактов.

АнтонНоймайр анализирует биографии выдающихся композиторов Гуммеля, Мендельсона, Вебера, Брамса, Шумана, Брукнера.

Особый интерес вызывают исследования о Чайковском, Шопене, Сметане.

АнтонНоймайр
Искусство и медицина

В этой книге внимание Антона Ноймайра сосредоточено на подробном исследовании жизни и творчества величайших художников — Леонардо да Винчи, Гойи, Ван Гога.

Карл Крист
История Римской империи времен императоров

Книга охватывает период истории Римской империи от Цезаря до Константина Великого. Большой раздел посвящен эпохе правления Августа и его преемников из дома Юлиев-Клавдиев: Тиберия, Калигулы, Клавдия. Книга содержит огромный фактический материал и ил-

люстрирована сведениями из античных источников, надписей и эпитафий.

Специальный раздел посвящен цивилизации и культуре Римской империи и раннему христианству.

Предлагается специалистам и всем, интересующимся империей Рима.

Тельман Нагель

Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья

Книга охватывает огромный период истории Востока. Автор использует большое количество первоисточников, относящихся к периоду правления Тимура.

В его изображении Тимур — фигура неоднозначная. С одной стороны, это очень молчаливый полководец, достойный восхищения; с другой — жестокий и коварный властелин, не останавливающийся ни перед чем в достижении своих целей.

Красной нитью через все повествование автор проводит идею о богоизбранности Тимура, считая, что все победы Тимура были предопределены свыше.

Предлагается всем интересующимся историей.

Русские цари

По ред. Ханса Иоахима Торке

Книга знакомит с русской историей на протяжении почти 400 лет через призму личностей 24 царей от Ивана (IV) Грозного до Николая II.

История французских королей и императоров нового времени

Под ред. Петера Клауса Хартмана

В книге представлены:

Людовик XII
Франциск II
Генрих II
Карл IX
Генрих III
Генрих IV
Людовик XIII
Людовики XIV, XV, XVI
Наполеон I
Людовик XVIII
Карл X
Луи Филипп
Наполеон III

Далее в серии

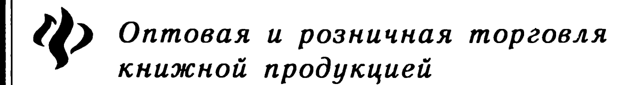
В галерее портретов исторических личностей такие имена, как король Артур, Ричард Львиное Сердце, Генрих VIII и его королевы, Фридрих Великий, Кромвель, Гарибальди, Нерон, Калигула, Марат, Савонарола, Кастро, Че Гевара, Гитлер, Мюллер (шеф гестапо), династия Тюдоров, Елизавета I, Александр I, Мария-Антуанетта, Мария Медичи, Катерина Медичи, Распутин, Макиавелли, Сулла, Чингиз-хан, Монтесума.

Пополнят галерею портреты Сократа, Цицерона, Сенеки, Тацита, Джордано Бруно, Гиппократа, Марко Поло.

И. Стоун

Джек Лондон

Книга Ирвинга Стоуна, блестящего американского беллетриста, Повествует о жизненном и творческом пути Джека Лондона.



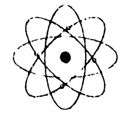
- *Издание книг и финансирование издательской деятельности своих партнеров*
- *Быстрообновляемый разнообразный ассортимент*
- *Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России*
- *Разумные цены*

Надежность, качество, оперативность

Наш адрес:
344007, г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17
Тел. (8632) 62-55-27, 62-47-07
Факс: 62-38-11

Издательство «Феникс» приглашает к сотрудничеству авторов

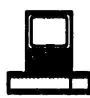
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБЛАСТИ:



– ***СОЦИАЛЬНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК***

– ***ЮРИСПРУДЕНЦИИ***

– ***МЕДИЦИНЫ***

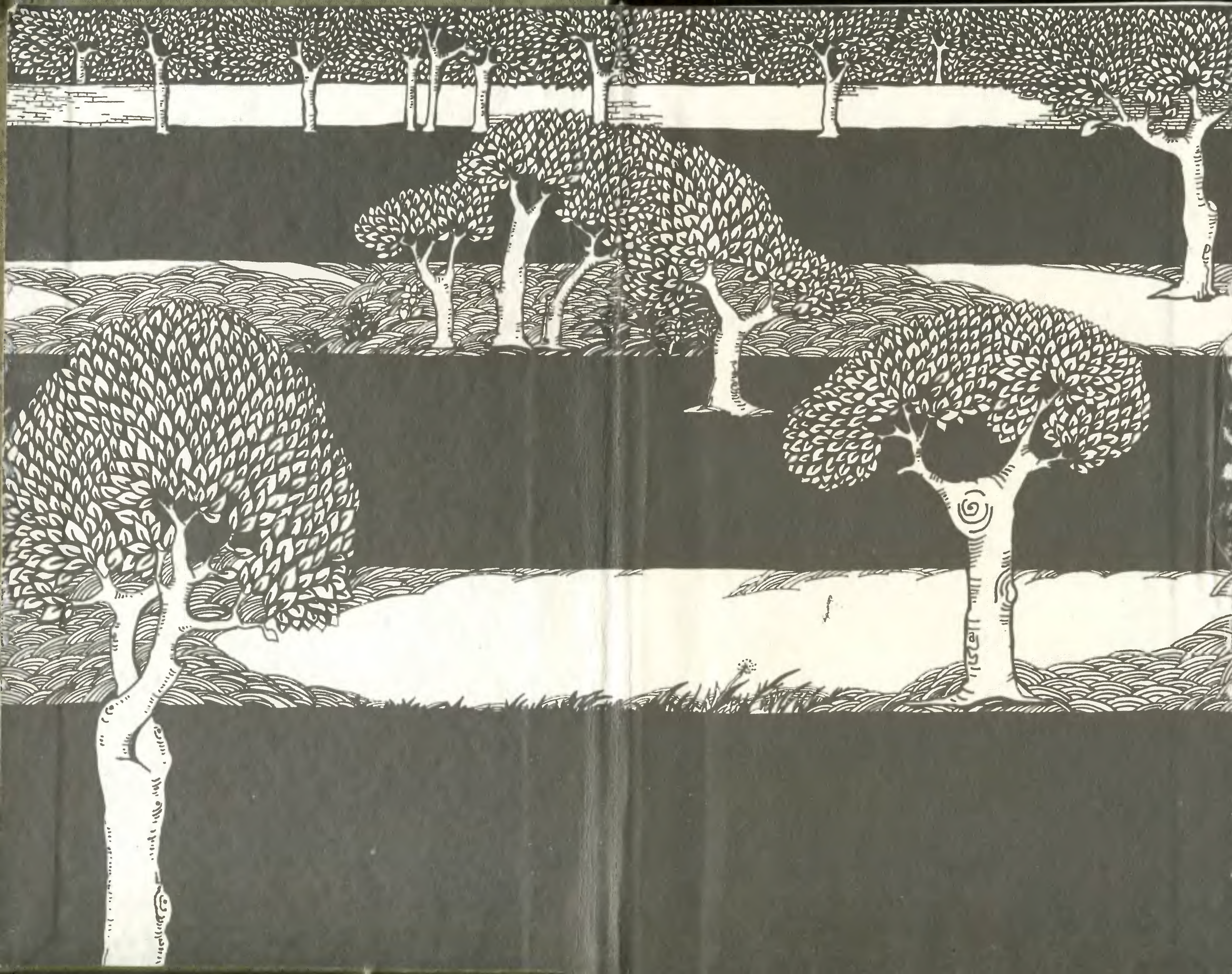


– ***ПРОГРАММИРОВАНИЯ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ***

Все финансовые затараты берем на СЕБЯ, высокие гонорары выплачиваем согласно договорам

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Наш адрес:
344007, г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17
Тел. (8632) 62-51-94



История короля Артура и рыцарей Круглого Стола обладает удивительным обаянием. Она не только популярна, но и весьма противоречива. Среди историков существуют диаметрально противоположные точки зрения на главную фигуру – короля Артура, поскольку письменных свидетельств очень мало и они трудны для интерпретации.

Книга идет по следам легенды и сводит воедино археологические исследования, ранние и более поздние литературные источники, традиции и миф.

В особенности она сосредотачивается на древнем аббатстве Гластонбери, связанном с Артуром Темных времен, и Южной Кэдберийской крепости, известной спекуляцией на образе короля-героя, и легенде о Граале.

В поисках объяснения легенды о короле Артуре в ее правдивом контексте эта захватывающая книга заинтересует не только читателей, увлекающихся историей средних веков, археологией и литературой, но и специалистов.

Феникс